Командир сильных духом

Борис Борисович Зюков

SHOUT
SHARE
IT

- Зюков Борис Борисович

Зюков Борис Борисович
Командир сильных духом

Борис Борисович ЗЮКОВ
Командир сильных духом
Документальная повесть

Книга о Дмитрии Николаевиче Медведеве, Герое Советского Союза, чекисте, командире партизанских отрядов в годы Великой Отечественной войны, советском писателе.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

От автора
I. Отряд особого назначения. (1 2 3 4 5 6)
II. В леса под Ровно. (1 2 3 4 5 6)
III. "Спасибо товарищам!
Продолжайте... разведку!.." (1 2 3 4 5 6)
IV. Рядом со ставкой Гитлера. (1 2)
V. Последний рейд. (1 2 3 4)
VI. "Всю жизнь - советским разведчиком". (1 2 3 4)

Есть в жизни у каждого из нас
минуты наивысшего подъема всех сил,
незабываемые минуты вдохновения. В
моей жизни, жизни рядового
коммуниста, минуты эти неизменно
связаны с получением заданий партии.
Каждый раз, получая очередное
задание - а из этих "очередных
заданий" и состоит вся биография
людей моего поколения, - я испытывал
это непередаваемое состояние
внутренней мобилизованности.
Д. М е д в е д е в

Сильные духом

О боевой деятельности партизанских отрядов "Митя" и "Победители", которыми командовал Герой Советского Союза полковник Дмитрий Николаевич Медведев, написано уже много книг. Это прежде всего книги Альберта Цессарского, Николая Струтинского, Николая Гнидюка, Георгия Кулакова, Бориса Харитонова и многих других.

И тем не менее новая работа бывшего партизана-медведевца Бориса

Зюкова содержит много ранее неизвестного о жизни и деятельности

прославленного командира народных мстителей, разведчика-чекиста.

Я хорошо знал Медведева. Мы собирались писать сценарий

художественного фильма по мотивам его книги "Отряд спешит на Запад".

Не было случая, чтобы, приехав в Москву, я не встречался бы с

Дмитрием Николаевичем, и в дружеских беседах я открывал для себя все

новые и новые черты этого удивительного, на редкость простого

человека.

О смелости, решительности, бесстрашии, находчивости "командира

сильных духом" мне приходилось не раз слышать от соратников Дмитрия

Николаевича, но однажды пришлось воочию убедиться, что все эти

качества присущи этому замечательному человеку. О событиях того

незабываемого для меня дня упоминается в этой книге.

Счастливая судьба у книг Дмитрия Медведева. Они печатаются

миллионными тиражами, переведены на многие языки народов СССР,

изданы во многих странах. И это не случайно, потому что в них

отражена правда жизни - борьба советского народа против фашистских

захватчиков в неимоверно тяжелых условиях партизанского быта,

подполья, разведки.

И мне, как председателю комиссии Союза писателей СССР по

литературному наследию Дмитрия Медведева, особенно приятно отметить,

что с годами не ослабевает интерес молодежи к его книгам и к нему

самому, к его незаурядной личности.

Документальная повесть Бориса Зюкова и служит этому

благородному делу - показывает Дмитрия Николаевича

Медведева и как
боевого командира, и как писателя, и как обаятельного человека в
жизни.
Думается, интерес у читателей вызовут и удачно подобранные
воспоминания о Медведеве соратников, друзей и знакомых. Личные
воспоминания Б. Зюкова, партизана-медведевца, о своем командире,
безусловно, наиболее яркие страницы книги. Они привлекают, я бы
сказал, спокойным, философским осмыслением всего того, что сделал
для нашей общей Победы полковник Медведев и руководимые им
специальные разведывательные отряды.
У юных читателей несомненный интерес вызовут рассказы о
партизанах-подростках: Саше Немцове, Мише Жинжикове, Толе Пронине,
Коле Янушевском, Володе Саморухе, Кате Струтинской и других. Им бы
учиться, отдыхать, счастливо проводить свои юные годы... Но
страшная, беспощадная война поставила их в такие условия, когда они
наравне со взрослыми вынуждены были встать на защиту Отечества.
А закончить эти строки мне хочется словами Дмитрия Николаевича
Медведева, адресованными, увы, уже к нему самому: "Вы с нами. Мы
были одним целым, одной великой армией патриотов; одна великая цель
вела нас; одни и те же радости были у нас с вами, одни и те же
невзгоды печалили нас и не повергали в уныние, а лишь умножали наши
силы. Одна судьба предстояла нам и в будущем - нам предназначено
сделать его прекрасным. И если вы погибли, а мы остались жить, то не
для того ли, чтобы претворить в дела то, что было вашими мечтами..."
Владимир Беляев

От автора

Это было зимой 1947 года. В Киеве висели афиши, извещавшие о выступлении бывшего командира партизанского отряда Героя Советского Союза полковника Дмитрия Николаевича Медведева.

И вот я сижу в третьем ряду переполненного конференц-зала музея В. И. Ленина. Зажглись огни рампы, свет в зале поубавили, и на сцену вышел высокий стройный человек лет пятидесяти.

Ничего не изменилось во внешности Дмитрия Николаевича за те три года, которые я его не видел. Та же легкая "тигриная" походка, прямой цепкий взгляд серо-зеленых глаз, гордо посаженная голова на высокой сильной шее, черные волосы, тщательно зачесанные назад, неторопливые движения, в которых ощущалась взрывная энергия, обузданная железной волей. Да, вот таким я навсегда запомнил своего командира. Новым был только штатский костюм, который, впрочем, сидел на нем так же ловко и элегантно, как и военная форма. А в общем, передо мной стоял наш Командир, как за глаза называли его в отряде партизаны, вкладывая в это слово особый смысл, придавая ему особое значение, - ведь речь шла о том единственном и неповторимом командире, который на протяжении многих месяцев был для нас в тылу врага нашим суровым отцом, совестью и мерилом высших достоинств человека.

Подойдя к трибуне, Медведев начал ровным, негромким голосом, таким, каким он отдавал команды в бою, отчитывал провинившихся, поощрял отличившихся или шутил:

- Товарищи! Я хочу рассказать вам о моих боевых друзьях, - он не сказал: подчиненных, - о тех замечательных подвигах, которые они совершили. Только не думайте, что мне как-то особенно повезло в том смысле, что я попал в коллектив необыкновенных людей, каких-то сверхчеловеков. Нет. Это были самые обыкновенные люди, в подавляющем большинстве мирных профессий. Но патриотический долг перед Родиной мобилизовал все их духовные силы, они вынуждены были взяться за оружие, эти простые люди...

В зале воцарилась настороженная тишина - слушатели боялись проронить хоть одно слово рассказчика. А он все так же неторопливо, словно ведя беседу в узком кругу друзей, говорил о действительно необыкновенных подвигах обыкновенных людей: Николая Кузнецова, Николая Приходько, Валентины Довгер, Николая Струтинского и многих других разведчиков-медведевцев, известных теперь миллионам людей.

Больше часа звучал голос Дмитрия Николаевича, часто прерываемый аплодисментами. Перед слушателями как живые

вырастали образы народных мстителей разных возрастов и профессий, характеров и темпераментов, мастерски обрисованные рассказчиком. Я сам увлекся не меньше, чем остальные, хотя близко знал тех людей, о которых говорил командир. Но теперь он сумел раскрыть новые грани их индивидуальностей, о которых раньше я и не подозревал. Потом последовали продолжительные овации и были преподнесены даже живые цветы, которые в ту суровую третью послевоенную зиму были большой редкостью.

Я очутился на улице и, ступая по глубокому снегу, который успел занести тротуары, пока продолжалось выступление Дмитрия Николаевича, все думал о том, что чего-то очень важного он не сказал... А где же сам Медведев? Полтора часа он говорил о своих подчиненных, для которых был командиром, учителем и другом. Успешное выполнение сложных заданий этими людьми во многом было предопределено и направлено его железной рукой. Но именно о себе этот человек не сказал ничего... Вот так, ровно ничего, как будто в отряде, которым он командовал, его не было.

После войны, во время моих личных встреч с Дмитрием Николаевичем, он охотно вспоминал боевые дела и людей нашего отряда, но узнать что-либо непосредственно от него самого о его жизни, полной тревог и забот, удавалось, к сожалению, немного, так же как и из книг, написанных им. Единственно, о чем он любил вспоминать, - это о детстве и о детях вообще.

Позже появились мемуары участников нашего отряда. Писали о Медведеве партизаны и из других отрядов, встречавшиеся с ним, близкие его знакомые. Но во всех случаях Дмитрия Николаевича показывали в каком-нибудь одном или нескольких эпизодах. Исключение составили книги А. Цессарского "Чекист" и "Жизнь Дмитрия Медведева", в которых автор подробно и увлекательно рассказал о довоенном периоде жизни нашего командира. Но в целом представить себе всю жизнь этого замечательного человека было невозможно: вряд ли нашелся бы читатель, который смог бы познакомиться с многочисленными статьями и двумя десятками книг, изданными в разные годы различными издательствами, в которых говорится о Д. Н. Медведеве.

И тогда у меня возникла мысль: а что, если собрать о Медведеве все, что известно?

Не один год ушел на такую работу, но в конце концов я стал обладателем обширного материала. Здесь рассказы самого Дмитрия Николаевича, его неопубликованный дневник и другие литературные произведения, любезно предоставленные его женой

Татьяной Ильиничной Медведевой, письма, записки, устные рассказы о нем моих товарищей-партизан, газетные и журнальные статьи, книги, наконец, мои собственные воспоминания.

Поделиться всем этим с читателями мой гражданский и солдатский долг!

I. ОТРЯД ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

1

Уже на третий день войны Народный комиссариат внутренних дел СССР начал формировать Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения ОМСБОН. Из состава этой бригады выделялись самостоятельные отряды, которые должны были перебрасываться затем на временно оккупированную противником территорию. Они проходили специальную подготовку для ведения диверсионной и разведывательной работы в тылу врага.

Личный состав ОМСБОНа набирался в основном из москвичей-добровольцев, людей хорошо физически подготовленных, многие из которых были известными спортсменами. Что же касается командного состава, то Центральный Комитет партии рекомендовал привлекать к работе в тылу врага коммунистов с опытом партизанской борьбы, накопленным еще в годы гражданской войны. Вряд ли можно было найти более подходящую кандидатуру на должность командира одного из таких отрядов, чем Д. Н. Медведев, тем более что действовать он должен был в родных Брянских лесах.

В отряд людей Медведев отбирал сам. Комиссаром по его предложению назначили Георгия Николаевича Кулакова, человека сугубо мирной профессии инженера-электрика, проявившего, однако, непреклонную волю и бесстрашие в суровых условиях вражеского тыла первой военной зимы и ставшего боевым другом Дмитрия Николаевича. Начальником штаба - Дмитрия Дмитриевича Староверова, инженера-геолога, опытного полярника. Адъютантом - Николая Федоровича Королева, абсолютного чемпиона СССР по боксу. Всего отряд насчитывал 33 человека.

Вблизи станции Строитель под Москвой, на территории бывшего стрельбища "Динамо", бойцы проходили сложную науку партизанской войны умение наносить удары наверняка, все видеть и самому быть незамеченным, уничтожать врага и самому не быть убитым. Каждый должен был стать разведчиком-партизаном всего за один месяц!

Руководил занятиями Медведев. Он терпеливо обучал молодых бойцов незаметно пробираться по лесу и пересеченной местности, устраивать засады, уметь маскироваться, замечать и

запоминать все мелочи, учил всему, что необходимо знать партизану. Месяц промелькнул незаметно. Подготовка закончилась. И вот Медведева, Кулакова и Староверова вызвали к руководству НКВД СССР.

Там им сказали, что главной задачей отряда, который будет действовать на Брянщине, должна стать разведывательная работа на одном из важнейших стратегических направлений наступления фашистских войск, а также организация борьбы народных мстителей на оккупированной территории, создание новых партизанских отрядов.

Надо организовать подпольные разведывательные группы в районах основных вражеских коммуникаций для сбора информации о замыслах гитлеровцев, приступить к уничтожению их живой силы и техники. Осуществляя тесную связь с подпольщиками Брянщины, необходимо развернуть всенародную партизанскую войну с фашистскими захватчиками, чтобы земля горела под ногами оккупантов.

Конечно, в ходе действий отряда несомненно будут непредвиденные обстоятельства - их надо быстро и точно оценивать и с максимальной эффективностью использовать...

23 августа 1941 года отряд, погрузившись на три грузовика, выехал в Орел. Там Медведев встретился с секретарем обкома А. П. Матвеевым, который руководил партизанским движением на Орловщине и Брянщине. Матвеев познакомил с обстановкой в тылу врага, рассказал о действующих партизанских отрядах, и группа двинулась дальше в Брянск.

27-го Медведев послал письмо жене:

"...Пишу тебе из Брянска. Это уже последняя весточка. Через полчаса буду проезжать Бежицу. Взгляну на свой родной дом. А потом, часа через четыре, буду уже на месте назначения. В Орле сфотографировался и просил одного товарища получить карточку и отправить тебе. Позу принял очень боевую, только ты не пугайся - это я нарочно..."

Фронт проходил в то время по реке Десне. Решено было переходить линию фронта близ районного центра Жуковки, расположенного в полусотне километров на северо-запад от Брянска. Следовало форсировать реку. Но враг пристально следил за всеми маневрами на советской стороне. Ночью линию фронта фашисты освещали ракетами и каждую попытку форсировать Десну (а их было пять!) встречали ураганным огнем.

А время шло. Наступил уже сентябрь, а отряд все еще не мог перейти линию фронта. Девятого прибыли к деревушке Белоголовль, разделенной на две части речушкой. На одной стороне деревни находились наши, на другой противник.

Единственной переправой через реку служила полуразрушенная мельничная плотина, пристрелянная вражескими пулеметами. Так как предыдущие попытки перейти линию фронта ночью не увенчались успехом, Медведев принял дерзкое решение: сделать это днем.

Дождались двенадцати часов дня, когда пунктуальные немецкие повара начали раздавать обед, и бесшумно, по противотанковому рву, подошли к мельнице. Ровно в полдень ползком партизаны друг за другом стали переправляться через плотину. Впереди ловко и быстро полз Медведев. Бойцы, следовавшие за ним, в любой момент могли свалиться со скользких бревен в воду, наделать шуму и привлечь внимание противника, но, следуя примеру командира, все благополучно переправились на тот берег. Проползли через пустынную улицу, а затем по пасеке - в овраг. После короткого привала в овраге двинулись дальше. Прошли еще несколько километров лесом. Перед броском через широкую просеку Медведев отдал приказ об отдыхе.

Так начал свой боевой путь отряд особого назначения под кодовым названием "Митя".

2

В нескольких километрах от деревни Белоголовль партизаны обнаружили телефонный кабель, и кто-то уже занес над ним тесак.

- Без моей команды никаких действий! - приказал Медведев и обратился к Кулакову. - Разъясни им, Георгий, что сейчас надо быть осторожными, как никогда. Ведь противник, заметив нарушение связи, пошлет проверить линию, и отряд могут обнаружить.

Медведев оказался прав: вскоре разведчики, шедшие впереди, действительно увидели вражеских связистов, проверявших телефонный кабель. Партизаны вскинули автоматы, но их снова остановил Медведев:

- Без команды не стрелять! Шире шаг!

Лишь за полночь остановились на отдых в лесу. К счастью, Кулаков вовремя обнаружил, что партизаны расположились на самой опушке леса, в двух шагах от замаскированных фашистских танков. Удалось бесшумно сняться и уйти незамеченными.

15 сентября отряд южнее райцентра Клетня на дороге встретил мотоколонну противника. Ее обстреляли.

А вскоре при переходе через большак, у Сальниковых хуторов, обнаружили приближающуюся автоколонну противника.

- Надо дать бой, - сказал Медведев Кулакову и Староверову. - Пусть люди подбодрятся, а то они уже стали ворчать, что мы не

воюем.

Партизаны залегли в кустах и стали ждать. Впереди колонны двигался бронетранспортер с солдатами, а за ним шла легковая машина. На ее заднем сиденье развалился генерал. Когда автоколонна поравнялась с засадой, Медведев дал команду открыть огонь. Через несколько минут бой закончился. Все гитлеровцы были уничтожены.

Важные разведданные содержали документы, взятые у генерала. Таким образом, радиограммы с ценной информацией начали поступать в Москву уже через несколько дней после перехода отрядом линии фронта. С этого момента и до возвращения на Большую землю отрядный радист А. Шмаринов был полностью загружен.

Отряд начал быстро расти: по дороге к нему стали присоединяться выходящие из окружения бойцы и командиры Красной Армии, приходили и местные жители. Двух из них - Сашу Немцова и Мишу Жинжикова, учеников ремесленного училища, партизанские разведчики встретили в лесу, отогрели, накормили чем смогли.

Едва успев поесть, ребята тотчас же стали просить Медведева, чтобы их вооружили.

- Как видите, - ответил Медведев, - у нас пока даже не все взрослые вооружены. Так что придется подождать...

На следующий день Саша и Миша стали убеждать командира послать их в разведку. Медведев возразил - для такого дела нужна специальная подготовка. Ребята стали доказывать, что фашисты не обратят внимания на них, подростков, и поэтому они смогут появляться где угодно, ничем не рискуя. Еще два дня продолжались уговоры. В конце концов Медведев сдался. Да и как мог он остановить патриотический порыв ребят? Командир велел раздобыть для подростков крестьянскую одежду. Переодетые в нее, они теперь действительно едва ли могли вызвать какие-либо подозрения у оккупантов.

- Задание у вас будет такое, - инструктировал их Медведев, - пойдете в поселок Недельку и узнаете численность гитлеровского гарнизона, систему его охраны - в общем, смотрите в оба и запоминайте все. А главное, будьте осторожны, сами не попадитесь, а когда будете возвращаться, не приведите за собой "хвост".

- Есть, товарищ командир! Задание будет выполнено!

Прошел день, а от Саши и Миши никаких известий не поступало. "Что-то стряслось", - тревожился Медведев и мысленно ругал себя за то, что отпустил парнишек. Только на второй день поздно вечером вернулись ребята в отряд, радостные и

возбужденные, неся первый свой трофей - старую, заржавленную берданку.

Саша и Миша доложили, что в Неделькe фашистов всего десять человек. А штаб расположен в поселке Новотроицкое: там есть два бункера при въезде, чаще всего наблюдается движение по дороге на Клетню, реже - на Красный Дворец.

Не так легко и просто прошла для Саши и Миши эта разведка. Казалось, они не вызывали никакого подозрения, но чем-то не понравились шуцману полицейскому с белой перевязью на рукаве. По его доносу гитлеровцы схватили их и отвели в штаб. Там, на допросе, ребята со слезами на глазах рассказывали, что они пришли в поселок в поисках своих родных, так как те вот уже неделю как уехали в Брянск и все не возвращаются. Фашисты решили продолжить допрос на следующее утро, а на ночь заперли ребят в сарай и приставили к ним часового, того самого полицейского, который их выследил.

В сарае было темно и сыро. Ребята самым тщательным образом ощупали стены. Они оказались сложенными из толстых бревен - убежать невозможно. Но бревна лежали не на сплошном фундаменте, а на столбах, между которыми была засыпана земля. Ребята по очереди стали копать ее и, прорыв лаз, вылезли на огород. В ночной тишине они явственно услышали близкое похрапывание. Саша обошел сарай и при свете луны увидел, что часовой, усевшись на чурбан и прислонившись к стене сарая, крепко спит. Рядом стояла берданка. Саша подкрался, бесшумно взял ее, а затем вместе с Мишей они через огород выбрались в поле. Больше всего боялись, как бы не проснулись собаки. Но все обошлось благополучно, и ребята скрылись в лесу.

В дальнейшем Саша и Миша стали настоящими разведчиками, много раз приносили в отряд ценные сведения. Ходили они уже с немецкими автоматами, взятыми в бою, но всегда с улыбкой вспоминали свой первый трофей - старую берданку.

За месяц пребывания в тылу врага отряд вырос настолько, что его пришлось реорганизовать в две роты, разведывательный и хозяйственный взводы и выделить отдельный отряд численностью более семидесяти человек.

Пополнение по-прежнему шло в основном за счет "окруженцев". Одним из первых присоединился к отряду "особист", сержант госбезопасности Александр Федорович Творогов, ставший вскоре начальником разведки отряда.

Война застала его на западной границе, в одном из подразделений Красной Армии, где он был оперативным сотрудником. Он пробирался из окружения к линии фронта с

большой группой бойцов и командиров, которую возглавлял, несмотря на то, что в ней находились старшие по званию.

Присоединилась к отряду также группа старших командиров полковника Сиденко. Среди них - Герой Советского Союза Михаил Иванович Сипович. Высокое звание он получил в 1940 году за героизм и мужество, проявленные в боях на Карельском перешейке при штурме линии Маннергейма. Великая Отечественная война застала Сиповича на западной границе, и в первый же день войны его полк был отрезан танками противника и попал в окружение. До второй половины июля полк Сиповича вел тяжелые оборонительные бои в окружении. Затем пробивался на восток.

Выросла и партийная организация отряда за счет влившихся в отряд коммунистов, кроме того, было принято кандидатами в члены партии более двадцати человек.

Немаловажное значение в сплочении отряда, поддержании высокого боевого духа среди бойцов сыграла рукописная газета "За Родину", выпуск которой Медведев всячески поощрял и сам писал в нее заметки. Газету в отряде любили, считались с ее мнением и с нетерпением ожидали выхода очередного номера. Она выходила в двух экземплярах на листках, вырванных из блокнота, в рукописном виде.

Чтобы поднять моральный дух местного населения, мобилизовать его на борьбу с оккупантами, в отряде стали выпускать листовки. Сочиняли их Медведев и Кулаков, переписывались они от руки в десятках экземпляров. В них рассказывалось об обстановке на фронтах, в тылу и о международном положении.

Однажды разведчики отряда узнали, что в одном из населенных пунктов находится гитлеровский склад аммонала. Около двухсот килограммов взрывчатки со склада удалось похитить. На десятом километре Клетнянской железной дороги, возле небольшого поселка, партизаны взорвали воинский эшелон. В отместку гитлеровцы сожгли весь поселок и расстреляли ни в чем не повинных жителей, а имущество их разграбили. Отряд Медведева подошел к поселку именно в тот момент, когда гитлеровцы среди догоравших головешек подбирали небогатый скарб убитых. Медведевцы ударили по карателям тремя группами. Ни один из фашистов не ушел живым...

Во время этого боя Медведев был ранен в ногу. Его вынес с поля боя адъютант Николай Королев. Он нес командира несколько километров до базового лагеря. Отрядный врач Александр Файнштейн сделал операцию, вынул пулю из ноги Дмитрия Николаевича. Ребята сделали ему костыли. И несколько

недель Медведев, прихрамывая на костылях, превозмогая постоянную боль, не переставал руководить боевыми действиями отряда. И, глядя на него, подтягивались уставшие, заболевшие и слабые. "Партизаны говорили, что с таким командиром нигде не страшно", - вспоминал потом М. Сипович.

3

Медведев не забывал своей главной задачи - разведки. С этой целью он активизировал боевые действия не только своего отряда, но и расширял связи с местными партизанскими отрядами.

В Брянском краеведческом музее хранится рукопись одного из участников партизанской войны на Брянщине. В ней говорится: "В ноябре 1941 года через Дятьковский район проходил партизанский отряд особого назначения под командованием товарища Медведева. Этот отряд сыграл существенную роль в жизни Бытошского отряда.

Товарищ Медведев проинструктировал руководство Бытошского отряда по развертыванию партизанской борьбы, он указал пути и методы расширения народного движения, порекомендовал создать группы сопротивления в селах и рассказал, как согласовать действия этих групп с руководством отряда.

После этого были созданы боевые группы в населенных пунктах Немиричи, Будочка, Савчина, Старая Рубча и так далее. Всего организовано пятнадцать групп..."

И это только в небольшом районе! В отряде появилась поговорка: "Чем дальше в лес, тем больше партизан".

Уже к концу 1941 года брянские партизаны выросли в грозную для врага силу. Руководящая и направляющая деятельность Коммунистической партии обеспечила быстрое развертывание партизанского движения на Брянщине и в других временно оккупированных гитлеровцами районах нашей страны. По заданию обкомов и райкомов партии оставались для ведения подпольной работы испытанные коммунисты, чекисты, бывшие партизаны времен гражданской войны, которые успешно справлялись с порученным им делом.

Встречаясь с местными партизанами на Брянщине, Медведев видел, что в некоторых отрядах разведка ведется еще без системы, без знания дела. Он стремился передать свой опыт контрразведчика и терпеливо инструктировал патриотов - смелых, но еще недостаточно опытных. Необходимо было поскорее объяснить им, как целенаправленнее, с наибольшей эффективностью вести разведку не только в интересах своего отряда, но всей действующей армии в целом. Дмитрий

Николаевич помогал разведорганам местных отрядов, ставя конкретные задачи партизанским разведчикам, не уставая повторять, что каждый честный советский человек, оставшийся на оккупированной территории, - потенциальный разведчик. Так создавалась постоянно действующая, широко разветвленная разведывательная сеть отряда. Информация стала стекаться в отряд. Медведеву своевременно становилось известно и о карательных операциях, готовившихся оккупантами.

Однажды группа партизан во главе с Медведевым, Кулаковым и Королевым, возвращаясь с боевой операции, зашла на одинокий хутор, стоявший на опушке леса. Только партизаны расположились в избе, как часовой доложил, что появилась автомашина с гитлеровцами. Медведевцы бросились во двор, в это время машина уже въезжала в ворота. Гитлеровцы не ожидали встретить партизан, они настолько растерялись, что не успели выскочить из машины, подняли лишь суматошную стрельбу. Вскоре все они были уничтожены. По документам, взятым у убитого офицера, возглавлявшего эту группу, было установлено, что немцы ехали в районный центр проводить совещание старост.

- Смотри, Георгий, - просматривая бумаги, обратился Медведев к Кулакову, - староста ближайшего к нам села до прихода гитлеровцев был председателем колхоза. Не может быть, чтобы он оказался предателем. Я слышал, и колхозники о нем хорошо отзываются. Надо с ним поговорить.

Командир не ошибся. Встретившись с этим человеком, медведевцы убедились, что это был настоящий патриот своей Родины. Впоследствии он оказал отряду немало ценных услуг. Медведев лично руководил его работой, инструктировал, как вести себя с гитлеровцами, как собирать сведения. Ученик оказался способным и так понравился фашистам, что те назначили его волостным старостой. На этом "высоком" посту он продолжал держать связь с отрядом, выполняя задания Медведева.

Боевые действия отряда становились все активнее. Была организована засада на клетнянской дороге: на нее наскочил 576-й отдельный саперный батальон противника. Много гитлеровцев было уничтожено, захвачено оружие, ценные документы и знамя батальона.

Вскоре отряд перебазировался в юго-восточный район Белоруссии и расположился в лесу, неподалеку от деревни Батаево, восточнее станции Белынковичи, находившейся на участке железной дороги Кричев - Унеча. Дорога имела стратегическое значение, днем и ночью по ней один за другим шли гитлеровские эшелоны. К операции Медведев привлек

местных хотимских, костюковических и климовических партизан. Совместно с медведевцами действовали также группа генерал-майора Бакунина, выходившая из окружения, и местный партизанский отряд "Батя".

Группа Бакунина взяла на себя самую тяжелую задачу - взрыв крупного железнодорожного моста - и успешно справилась с ней. Бойцы Кулакова и Сиповича взорвали второй мост и вражеский эшелон. Партизаны отряда "Батя" на станции Белынковичи разгромили гарнизон и тоже разрушили мост. Железная дорога надолго была выведена из строя.

Молва о медведевском отряде ширилась, создавались легенды о том, что он вооружен пушками и танкетками. Многие командиры партизанских отрядов искали встречи с "Митей" и приходили к Медведеву вместе со своими бойцами. Некоторые присоединялись к медведевцам, другие, получив помощь и соответствующие инструкции, продолжали действовать самостоятельно. Наиболее опытные и выносливые партизаны организовывались в группы дальней разведки.

Но популярность отряда имела как свои положительные, так и отрицательные стороны. Успешные действия партизан вселяли радость в сердца местных жителей, внушали им уверенность в скором изгнании захватчиков с родной земли. И в то же время все большую тревогу вызывали успешные действия отряда у оккупантов, приковывали внимание гитлеровской службы безопасности (СД). В самом деле, за короткий срок медведевцы вывели из строя важный участок железной дороги, по которой шло снабжение фашистских дивизий, действовавших на московском направлении. Они же не без успеха обстреливали вражеские самолеты и сбили несколько машин. Несколько десятков фашистских солдат и офицеров были уничтожены. А главное то, что Медведев информировал Москву по радио о скоплениях фашистских эшелонов на отдельных станциях и советская авиация успешно их уничтожала.

Гитлеровцы догадывались, кто является виновником всех этих ощутимых для них ударов, и очень настойчиво стали искать человека, который в качестве их агента проник бы в отряд. Среди местных жителей такого предателя отыскать не удалось.

4

После ожесточенного боя в октябре 1941 года одна из частей 2-й танковой армии Гудериана заняла Карачев, расположенный неподалеку от Брянска. И вскоре к начальнику карачевского гестапо явился высокий худой человек в красноармейской форме. Он назвался Николаем Львовым, сыном небезызвестного Владимира Львова - члена Государственной думы третьего и

четвертого созывов, члена Временного правительства и обер-прокурора синода, крупного самарского помещика.

С приходом Советской власти Владимир Львов бежал за границу, но сын его Николай не пожелал следовать за отцом. Он остался в Советской России, чтобы всеми доступными ему способами вредить большевикам, и в течение долгих лет это ему удавалось.

Под фамилией Корзухина он устроился помощником ученого секретаря в научное общество по изучению Урала, Сибири и Дальнего Востока. Сам же ученый секретарь, некто А. Л. Красновский, бывший крупный деятель в контрреволюционном правительстве Восточной Сибири, затем был завербован японской разведкой.

В начале тридцатых годов над Львовым нависла угроза провала, и ему пришлось поселиться в Торжке, где он работал преподавателем экономической географии в сельскохозяйственном техникуме. Но вот началась война. Теперь все свои надежды Львов-Корзухин связывал с гитлеровцами. В начале войны его мобилизовали. На фронте он рассчитывал при первой же возможности перейти к фашистам. Через три месяца ему удалось это сделать.

Корзухин сам предложил свои услуги гестапо, заверив, что готов выполнить любое задание немецкого командования.

Ему объяснили, что задание его состоит в том, чтобы выследить и точно установить, где находится теперь отряд "Митя", затем проникнуть в него.

Получив доступ в лагерь военнопленных, Корзухин несколько дней изучал людей. Через три дня внимание его привлек высокий рыжий парень. На вопросы он отвечал четко, без подобострастия. Назвался военным ветврачом. Сообщил, Что был взят в плен и рад этому обстоятельству, так как хочет свести счеты с Советской властью: в тридцать первом году, когда ему было девять лет, отца его раскулачили, и тот умер в ссылке в Сибири. На предложение Корзухина проникнуть в отряд Медведева под видом ветеринарного врача третьего ранга Сучкова, попавшего в окружение и разыскивающего партизан, завербованный согласился.

Все чаще в районе действия отряда появлялись довольно крупные отряды фашистов. Погибли бойцы группы лейтенанта Брянского, установившего связь с Медведевым и действовавшего по его инструкциям, а вскоре в деревне Батаево, выполняя разведывательное задание, в неравном бою с карателями героически погиб начальник штаба отряда Дмитрий Дмитриевич Староверов.

Над могилой героя Медведев объявил, что винтовка Староверова будет передана лучшему бойцу и получить ее - большая честь не только для партизана, но и для всего отделения или группы. Впоследствии это стало одной из традиций партизан-медведевцев: личное оружие погибшего товарища получал самый достойный.

В начале октября Совинформбюро сообщило, что наши войска оставили Брянск. Услышав от радиста эту весть, медведевцы приуныли - в лагере не слышно было ни смеха, ни оживленных разговоров. Медведев построил отряд и вкратце обрисовал создавшееся положение:

- Фашисты закрепились в Орле. Танковая армия Гудериана рвется к Туле и Москве... Воины Красной Армии проявили упорство и стойкость в боях под Вязьмой. Они дали возможность нашему командованию выиграть драгоценное время для организации обороны столицы. Оккупанты будут стараться перегруппироваться и начать новое наступление на Тулу и Москву. Поэтому задача партизан - не дать гитлеровцам возможности собраться с силами, надо бить их везде, особенно ближе к фронту, и тем вносить свой вклад в оборону столицы. Чем яростнее будут удары по врагу в его тылу, тем легче будет защитникам Москвы.

Перед уходом из лагеря под Батаевом решено было совместно с хотимскими партизанами провести налет на райцентр Хотимск.

Налет удался на славу. Партизаны сожгли мост через реку Беседь, по которому гитлеровцы направляли карательные отряды в леса для борьбы с партизанами, поймали нескольких полицейских, взяли хороших лошадей, большое количество продуктов питания, часть которых раздали населению, и пишущую машинку в городской управе - на ней впоследствии стали печатать листовки.

В ноябре 1941 года на фронте создалось крайне тяжелое положение: под смертельным ударом танковой армии Гудериана оказалась Москва. Партизаны знали об этом, но ничто не могло сломить высокий боевой дух народных мстителей. Бывший секретарь подпольного райкома ВКП(б), комиссар Клетнянского партизанского отряда А. Семенов в своей книге "Шумел сурово Брянский лес" пишет:

"Рядом с нами действовал отряд Медведева. К годовщине Великого Октября он возвращался из операции по разгрому гарнизона в Хотимске.

По пути в Тельчу наша группа встретилась на просеке с медведевцами. Отряд был выстроен в две шеренги, а перед строем, разметая снежок длинными полами черной шубы, ходил

Медведев, делая доклад о XXIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Когда мы были уже неподалеку, то услышали слова: "Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть, годик - и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений".

Медведев обернулся и, увидев приближающихся партизан, подал команду:

- Смирно!

Медведевцы замерли в торжественном молчании. Когда наша колонна поравнялась с ними, последовала команда: "Стой! Налево!" - и оба отряда встали лицом к лицу. Люди одного дела, одной судьбы поздравляли друг друга с радостным днем".

В связи с продвижением линии фронта на восток гитлеровцы стали уходить из района действия отряда - они подтягивали силы к Москве. Но зато в лесу, неподалеку от лагеря, стали появляться какие-то странные люди. Как-то Медведев, Кулаков, Королев и Сипович, ставший теперь начальником штаба, осматривали местность около лагеря. Среди деревьев они заметили старика лет шестидесяти пяти, одетого по-крестьянски. Но его ухоженное лицо и тщательно причесанные волосы говорили о том, что это горожанин. Он шел, оглядываясь по сторонам, останавливаясь и прислушиваясь. Старик прошел мимо партизан, стоявших за кустами, никого не заметив. Партизаны догнали и окликнули его, спросили, что он тут делает. Старик ответил, что ищет корову, потому и зашел далеко. Его отпустили. Но потом медведевцы встречали его еще несколько раз. Когда этого старика останавливали, он отвечал одним, что ищет корову, другим - что хочет заготовить дровишек на зиму. Не скрывал и своего местожительства: живет в селе Батаево, в семи километрах от лагеря партизан. Было установлено, что неизвестный разговаривал с бойцом хозвзвода ветврачом Сучковым, недавно появившимся в отряде.

Творогов вызвал к себе Сучкова:

- Что это за старик тут ходит, откуда вы его знаете?

- Спрашивал у меня, как лечить корову, у нее пропало молоко.

- Откуда он знает, что вы ветврач?

- Должно быть, кто-то из ребят сказал.

А через несколько дней Сучкова при попытке бежать из лагеря ранили и задержали. Во время допроса предатель сознался, что его подослали гестаповцы, а непосредственно задания давал высокий "старик", с которым он встречался. Фамилии его Сучков не знал, знал только, что он, судя по всему, русский, но говорит и по-немецки. Иногда носит на рукаве

повязку с красным крестом.

Предателя расстреляли. Однако свое дело он успел сделать: точное местонахождение отряда теперь гитлеровцам было известно. Медведев дал команду: срочно перебираться в другой район.

Вскоре медведевцы совершили налет на райцентр Жиздру, расположенный в юго-западной части Калужской области. Партизаны уничтожили гарнизон гитлеровцев, полицейское управление, причем начальника полиции расстреляли на месте, сожгли лесопильный завод и разгромили городскую управу. В ней обнаружили сейф, но на месте вскрыть его не удалось, и он был доставлен на санях в отряд. Немало повозились, пока его взломали. В нем оказалось 600 тысяч советских рублей, несколько тысяч немецких марок и много документов: заявления, просьбы, жалобы, доносы, и среди них - прошение Львова на имя оккупационных властей, в котором он ходатайствовал разрешить ему жить и работать в Жиздре при городской управе до окончания войны. К этому документу он прилагал обстоятельную автобиографию.

Из других документов явствовало, что Львов шел по следам отряда Медведева и дошел до Жиздры. Он подготовил себе на всякий случай прикрытие в госпитале, где разместились советские военнопленные, и появлялся там под видом санитара. Медведев вспомнил, как предатель Сучков рассказывал о "главном" с красным крестом на рукаве. Было ясно, что речь идет о Львове-Корзухине. Как можно скорее его следовало взять живым.

Небольшая группа партизан вторично ворвалась в Жиздру и направилась прямо в госпиталь. В маленькой каморке, где ютился медперсонал, на железной кровати, накрывшись с головой шинелью, лежал человек. Он притворялся спящим. В кармане его гимнастерки обнаружили красноармейскую книжку на имя Николая Владимировича Корзухина...

В лагере Львова-Корзухина под усиленной охраной поместили в отдельную землянку. Выяснилось, что ветврач Сучков и еще кое-кто из предателей были посланцами Львова, на которого гестапо возлагало большие надежды.

О предателе сообщили в Москву. Вскоре пришла радиограмма, в которой приказывалось с первым самолетом Львова отправить в Москву, что и было вскоре сделано.

5

Отряд получил из Москвы приказ двигаться к линии фронта. Медведев решил пробиваться двумя группами, командиром второй группы он назначил майора Чичканова.

После Октябрьских праздников группа под командованием Медведева вернулась в Клетнянские леса, в старый лагерь. Связались с местными отрядами. Выяснилось, что под городом Мглином, возле небольшой деревни, расположена посадочная площадка, на которой гитлеровцы заправляют свои самолеты. Некоторые горячие головы хотели немедленно разгромить аэродром. Но Медведев признавал лишь тщательно подготовленные, безошибочные действия и всякую операцию начинал с детальной разведки. Именно такая осмотрительность и позволила успешно провести разгром аэродрома - было сожжено два "хейнкеля". После этого отряд двинулся в Брянские леса.

Не первый день каратели уже шли по пятам отряда. Пока удавалось от них уходить, но 13 ноября пришлось принять бой. Вначале, под натиском гитлеровцев, партизаны отступили. Отход прикрывали Медведев и Королев. Они действовали успешно, но вдруг Медведева контузило - он утратил способность передвигаться.

- Уходи в лес один, я прикрою, - приказал он Королеву и разложил перед собой ППД, маузер и гранаты.

Недолго думая адъютант взвалил Медведева на плечи и потащил к лесу так Николай Федорович второй раз спас командиру жизнь. Тем временем бойцы отряда обошли карателей с флангов и ударили им в тыл. Гитлеровцы отступили, неся потери. Бой затих. Форсированный марш продолжался.

Вскоре обе группы соединились, и весь отряд двинулся на восток к линии фронта. На месте оставались действовать активизировавшиеся и выросшие отряды мглинских и клетнянских партизан.

В последней декаде ноября отряд по льду перешел Десну в районе Жуковки. Отсюда начался тяжелый поход. Шли по бездорожью. Голодали. Ели вареную конину без соли.

Однажды, когда стемнело, Медведев разрешил привал на несколько минут. Но вскоре Сипович обнаружил, что отряд расположился отдыхать на минном поле. Снова встали и осторожно пошли назад по собственным следам. Миновав опасность, взяли первоначальное направление. Шли, проваливаясь в сугробы, по открытой местности. Фашисты то и дело пускали осветительные ракеты. Внезапно в полукилометре показалась деревенька. Медведев велел залечь, а сам с группой бойцов решил пойти в разведку. Оглядев партизан, он вдруг увидел огонек: кто-то курил, искры сыпались и летели по ветру. А если в деревне гитлеровцы?..

Курильщика вызвали к командиру. Медведев молчал, сдерживая ярость, потом с трудом проговорил:

- Кто разрешил курить? Тебя расстрелять за это надо! Жаль, шум нельзя поднимать. Ступай и не попадайся!

Потом, смущенный этой вспышкой гнева, Медведев попросил Кулакова еще раз провести разъяснительную беседу во всех подразделениях о правилах маскировки на марше в ночное и дневное время. Это был, пожалуй, единственный случай, когда командир потерял самообладание - сказалось непомерное нервное напряжение последних недель. Вообще же выдержка у Дмитрия Николаевича была поразительная.

Один стихийно возникший отряд окруженцев присоединился к медведевцам после налета на Хотимск. До этого окруженцы вели привольный образ жизни занимались в основном поисками пропитания. Медведев построил этот отряд, насчитывавший полсотни человек, и обратился к ним:

- У нас имеются сведения, что вы вели себя не так, как подобает бойцам Красной Армии. Я включаю вас в свой отряд, но буду сам следить за вашим поведением. Советую все продумать.

Однако на вновь принятых эти слова не произвели должного впечатления. Сразу же они начали выражать недовольство. Как вспоминает комиссар Кулаков, "...им не нравилась наша несоленая конина и медведевская крепкая, соленая дисциплина. Нарушения ее наблюдались постоянно. К сожалению, на марше, до прихода на базу, это приходилось терпеть".

После перехода Десны несколько человек из этой группы тайком направились в ближайшую деревню. Медведев велел немедленно найти их, обезоружить и привести к нему. Они нарушили приказ: не показываться никому на глаза, чтобы не выдать маршрут отряда, не заниматься самочинно добычей продовольствия, что могло привести к случаям мародерства.

Когда их привели, Медведев перед строем объявил им выговор. Через трое суток стало известно, что эти люди собираются бежать. При этом они намерены убить командира и комиссара.

Не доходя двух километров до очередной деревни, Медведев остановил всю колонну и перед строем начал допрос саботажников. Вскоре выяснилось, кто является в группе главарем. Медведев обратился к нему:

- Ну, что же, раз ты хочешь убить командира, убивай!

Главарь бросился на колени... Тут же перед строем его расстреляли.

Медведев устало сказал остальным:

- Останетесь без оружия, будете в хозяйственном взводе, пока мы не убедимся, что вы не предатели. В боях завоюете оружие и кровью смоете позор предательства!

Гестапо продолжало охотиться за отрядом. В Жиздре оно сосредоточило карательные подразделения. Полицейские, старосты и члены их семей обязаны были ходить по лесам и докладывать гитлеровцам, где и что они увидели и узнали. Однажды партизанский пост задержал двух лесников. Они сообщили, что были арестованы гестаповцами, доставлены в Жиздру. Их избивали, пытали и требовали, чтобы они указали, где базируется отряд. Потом их отправили в Брянск, но по дороге они бежали. Лесников оставили в отряде, но не спускали с них глаз. Однажды ночью один из них исчез. Перед этим выпал снег, и следы лесника хорошо были видны. Его вскоре отыскали в небольшой деревушке. Предатель сознался, что его завербовали гестаповцы, послали искать партизан, дав четыре дня сроку.

Фашистская разведка, видимо, поставила себе целью во что бы то ни стало ликвидировать отряд "Митя", действия которого наносили ощутимый ущерб гитлеровским оккупантам, и продолжала засылать в него провокаторов и шпионов. Но Медведев, опытный разведчик-чекист, умел своевременно разобраться в хитросплетениях врага и вывести отряд из-под удара карателей. Он прекрасно ориентировался в складывающейся обстановке вокруг отряда, лично занимался вступающими в отряд людьми, стремился понять их действия, поступки и поведение в тылу врага, с подозреваемыми беседовал так, что зачастую те и не догадывались, что их допрашивают.

Однажды в отряд пришли два человека в рваной красноармейской форме. Они сказали, что бежали из лагеря военнопленных и хотят смыть кровью позор плена. Вскоре один из них попросил, чтобы его выслушал Медведев. Он заявил, что был завербован гестапо и направлен в отряд, чтобы дезорганизовать его и узнать месторасположение, что, только согласившись на эту провокацию, смог вырваться из плена. Он так и решил: пообещает немцам что угодно, лишь бы добраться до своих. Когда Медведев спросил его о товарище, он ответил, что уверен: и тот завербован - уж очень легко оба они бежали. Значит, и товарищу побег был подстроен.

Второй беглец вначале отрицал факт своей вербовки гестапо, но в конце концов сознался. Оказалось, что вербовали его в присутствии первого, и тот его "обрабатывал". Как выяснилось, первый получил задание завоевать доверие Медведева, и с этой целью должен был разоблачить второго, потом расстрелять его, а затем принять участие в партизанских операциях, проявить себя с лучшей стороны и выдвинуться. И только потом начинать подрывную работу в отряде. За головы командира и комиссара ему было обещано по 10 тысяч марок.

Отряд отошел глубже в леса и расположился в треугольнике Дятьково Людиново - Жиздра. Сразу же установили связь с Дятьковским, Жуковским, Людиновским, Бытошским и другими партизанскими отрядами. Партизанский край в Брянских лесах раскинулся примерно на 15000 кв. километров. В глухой лесной деревушке Волынь, Калужской области, Советская власть сохранялась на протяжении всего времени оккупации этого района - гитлеровцы туда не совались, боялись партизан.

Медведеву снова поручили разработку планов совместных боевых действий с местными отрядами и инструктаж их командиров, руководство крупными операциями объединенных партизанских сил, снабжение трофейным оружием вновь организованных отрядов. На общем собрании командиров по предложению Медведева были распределены секторы действия каждого отряда, в задачи которых входили как боевая деятельность, так и разведка. Таким образом, к Медведеву стекалась информация из огромного района. Кроме того, "Митя" по указанию Центра передавал задания другим партизанским отрядам, а в Москву сообщал данные, собранные ими.

Особое внимание обращал Медведев на боевую подготовку новичков, приходивших к партизанам. Под руководством опытных бойцов они занимались строевой подготовкой, обучались стрельбе из разного вида оружия, в том числе и трофейного. Специальные занятия велись по разведке.

Вскоре сеть партизанских отрядов под руководством Медведева контролировала округу на многие километры. Это стоило огромного напряжения физических и духовных сил.

"Как мы уставали! - вспоминает Г. Кулаков. - Мы уставали до глухоты, до слепоты, до отупения. Мы падали возле костров, и наши шинели тлели с одной стороны и покрывались ледяной коркой с другой. И все же через несколько часов черного, как смерть, сна мы вставали и принимались снова за дело. Шли бить врага, уничтожать предателей, нести правду о победах нашей армии, учить воевать других". И примером для бойцов всегда был полковник Медведев - человек непреклонной воли и редкого мужества. Глядя на него, партизаны забывали об усталости, учились действовать хитро, находчиво и осторожно. "Осторожность - не трусость, - говорил командир, а первая заповедь разведчика. Учитесь уничтожать врага, неся минимальные потери".

В середине декабря 1941 года разведка установила, что гитлеровцы усиленно подвозят к фронту по участкам железных дорог Рославль - Фаянсовый и Брянск - Сухиничи свежие дивизии

и большое количество танков, артиллерии и другой техники. Это была попытка остановить начавшееся 5 декабря наступление советских войск под Москвой. Необходимо было сорвать планы врага.

В поселке Волынь состоялось совещание командиров и комиссаров партизанских отрядов. На нем Медведев предложил план одновременных ударов по Людинову, Жиздре, станции Судимир, по железной дороге Рославль Фаянсовый. Каждый отряд получил конкретное задание.

В нескольких километрах от Рославля был подорван четырьмя минами эшелон, везший гитлеровцев на фронт. Погибло несколько сотен фашистов.

В тот же день, 25 декабря, партизаны совершили налет на станцию Судимир: здесь образовалась пробка из эшелонов с войсками противника, которые не успели проскочить станцию до взрыва железнодорожного моста около Рославля. Предупрежденные Медведевым авиачасти, начиная с 27 декабря, в течение нескольких дней вели интенсивную бомбардировку станций Рославль, Фаянсовый, Зикеево и других: десятки эшелонов противника, станционные постройки, оборудование, железнодорожные пути превратились в груды металлолома. Работа двух важных железнодорожных магистралей была приостановлена на длительный срок. Эта операция получила название "Ночь под рождество".

В канун Нового года пришел в отряд исхудавший, оборванный парень. Он пробивался на восток к своим. По дороге уничтожил немецкого часового, завладел его карабином. Шел дальше лесом и не упускал случая пристрелить очередного гитлеровца. Придя в отряд и увидев командира, бросился к нему:

- Дмитрий Николаевич! Родимый!

Это был Стасик, бывший беспризорник, а затем председатель совета коммуны в Новоград-Волынском, над которой шефствовал отдел ОГПУ, возглавляемый Медведевым.

В конце декабря командование запросило, не сможет ли "Митя" из числа своих бойцов выделить группу человек в двадцать пять, знающих район Минска, чтобы направить их туда для выполнения специальных заданий. Добровольцев оказалось более чем достаточно, и группа была сформирована. Как стало известно впоследствии, в конце марта 1942 года новый отряд благополучно добрался до района города Борисова. Со временем он превратился в полуторатысячное партизанское соединение. Многие из этого отряда получили высокие правительственные награды, а его командиру Петру Лопатину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Десятого января 1942 года над партизанским лагерем начались первые воздушные бои, а вскоре части Красной Армии освободили Людиново. Отряд "Митя" оказался в "окружении" наших войск и получил приказ прибыть в Москву. Отправлялось из столицы немногим более трех десятков человек, возвращалось - более трех сотен!

За время боевых действий отряда в тылу врага в Центр беспрерывно поступала ценнейшая разведывательная информация. В результате захвата Львова-Корзухина были выявлены адреса явок немецких агентов в нашей стране, а сами они обезврежены. Партизаны уничтожили двух генералов, 17 офицеров, более 400 гитлеровских солдат. Взорвали 2 воинских эшелона с живой силой и техникой врага, 10 автомашин с боеприпасами, 9 самолетов, 4 паровоза, 3 железнодорожных моста и 7 шоссейных, во многих местах разрушили телеграфную и телефонную связь.

Данные эти, конечно, неполные, ибо результаты боевых операций партизан далеко не всегда поддаются учету.

Таков был вклад отряда "Митя" в дело Великой битвы под Москвой.

Большой урон нанесли партизаны врагу в этой битве. Характерно признание гитлеровского генерала Фуллера: "В России партизаны, число которых постоянно возрастало, вселяли ужас в сердца немецких солдат, разбросанных вдоль бесконечных линий сообщений. На огромных просторах, через которые проходили коммуникации, партизанские отряды играли такую же роль, как и стаи подводных лодок в Атлантическом океане".

Партизаны-медведевцы оказались первыми из тех, кто побывал в тылу врага и возвратился в Москву.

Указом Президиума Верховного Совета от 16 февраля 1942 года были награждены: орденом Ленина - Медведев, Кулаков, посмертно - Староверов, Боголюбов; орденом Красного Знамени - девять человек; Красной Звезды двенадцать. На следующий день партизан вызвали в Кремль для вручения наград. От имени награжденных выступил Медведев. Он очень волновался, голос его звучал глуховато: "Я хочу заверить правительство и партию, сказал он, - что вся наша жизнь до последней капли крови, до последнего дыхания принадлежит партии, принадлежит Родине. Приказывайте - все будет выполнено!"

В ночь с 23 на 24 февраля командующий Западным фронтом генерал армии Георгий Константинович Жуков срочно вызвал к себе командира ОМСБОНа М. Ф. Орлова и Д. Н. Медведева. Вернувшись, вот что рассказал Дмитрий Николаевич Сиповичу и Кулакову об этой незабываемой встрече, которая продолжалась

два часа.

Командующий фронтом внимательно выслушал доклад Медведева о действиях партизанского отряда и полученных разведывательных данных. Затем спросил, что нужно сделать в тылу врага, чтобы прервать его коммуникации и приостановить снабжение фашистских войск на Западном фронте. Сейчас чрезвычайно важно, сказал он, дезорганизовать движение эшелонов противника в сторону фронта.

Медведев ответил, что нужно создать партизанский корпус из действующих на местах отрядов и как следует его вооружить.

- Пока вы будете сколачивать партизанский корпус, пройдет время, прервал его Жуков, - а нам нужны немедленные действия.

- Тогда необходимо срочно сформировать и направить в тыл противника отряд человек в двести, который будет действовать только по указанию командования на определенных коммуникациях противника, - уверенно сказал Медведев. - Но для этого нужны оружие, взрывчатка.

Жуков одобрил предложение Медведева.

8 марта командующий фронтом вторично вызвал полковника Медведева. Георгий Константинович интересовался, как идет формирование отряда, и, узнав, что его уже готовят к заброске в тыл противника, остался доволен. Жуков еще раз подчеркнул, что первоочередные задачи - это диверсии и сбор разведывательных данных: расположение аэродромов противника, особенно тех, с которых фашисты летают бомбить Москву, складов, баз, штабов гитлеровских войск; сведения об эшелонах - сколько проходит их в сутки по одноколейным и двухколейным дорогам и сколько времени необходимо противнику, чтобы восстановить разрушенные коммуникации.

В дальнейшей беседе Медведев высказал соображение о том, что следует создавать партизанские отряды также и в глубоком тылу противника, чтобы взрывать его эшелоны и технику на значительном удалении от линии фронта. Нужно развивать партизанское движение именно в этих районах. Людские резервы там есть. Для организации дела необходимо послать туда подготовленных людей - командиров, комиссаров, начальников штабов, специалистов-подрывников и, конечно, вооружение.

Жуков спросил, сколько нужно автоматов. Медведев ответил, что не подсчитывал, но примерно тысячи две с половиной.

- Разрабатывайте материал, - сказал командующий. - Дам три тысячи автоматов и все, что нужно. Желаю успеха!

Вскоре после этого разговора в штабе Западного фронта было сформировано несколько партизанских групп и отрядов, которые срочно перебросили через линию фронта для организации

разведки и диверсий. В эти группы включили по несколько бойцов и командиров из отряда "Митя". Их опыт, полученный в Брянских лесах, был необходим в боях с фашистами.

Возглавлял одну из таких групп, направлявшуюся в Белоруссию, старый товарищ Медведева еще по довоенным временам, опытный чекист, отважный человек С. А. Ваупшасов. В своих мемуарах он писал:

"Навсегда осталась в памяти встреча с выдающимся партизанским командиром Дмитрием Николаевичем Медведевым. Он воевал в Брянской области, условия там несколько отличались от обстановки в Белоруссии, но все же послушать его рассказы было для меня весьма интересно. Дмитрий Николаевич, с которым я был знаком не первый год, узнав, что через несколько дней мой отряд уходит на задание, от души порадовался за меня и моих товарищей.

- Двигай, Станислав! - сказал Медведев. - Бить фашистов в их тылу дело непростое, враг хитер, изощрен и чрезвычайно жесток. Поумнее наших прежних противников. Но зато какое удовлетворение испытываешь, какая помощь Красной Армии!

Много ценного поведал мне старый чекист о войне в тылу противника, поделился первым накопленным опытом, дал советы, в частности относительно завязывания контактов с местными жителями.

Особенность партизанского движения заключается в том, что с врагом сражаются не одиночки, не обособленные группы вооруженных людей, а все сознательное население. В этом-то и коренятся громадная мощь, неистребимость, живучесть наших отрядов. Нет для них непреодолимых преград, неразрешимых проблем, несокрушимых крепостей.

После встречи с Д. Н. Медведевым мое нетерпение еще более возросло".

Впоследствии Брянщина превратилась в громадный партизанский край. Тут формировались и начинали свою боевую деятельность прославленные партизанские подразделения Ковпака, Сабурова, Федорова, Наумова, Шитова, действовали десятки местных отрядов. Но первыми на Брянщине поднялись на борьбу с оккупантами партизаны отряда "Митя". Медведев командовал здесь фактически группой отдельных отрядов, то есть особым военным формированием, которые в скором времени получили название партизанских соединений.

Громадный ратный труд, воинский подвиг, совершенный бойцами и командирами партизанского отряда "Митя", явились достойным прологом к героическим делам партизанского соединения "Победители".

II. В ЛЕСА ПОД РОВНО

1

Вскоре после возвращения из Брянских лесов по поручению Наркомата внутренних дел СССР Медведев начал формирование второго, на этот раз специального разведывательного отряда, который должен был действовать в лесах Западной Украины под городом Ровно.

Именно в Ровно фашисты устроили некую "столицу" оккупированной ими территории Украины. В этой "столице" находился со своим рейхскомиссариатом наместник Гитлера и его личный друг имперский комиссар Украины гаулейтер Восточной Пруссии Эрих Кох. Здесь сходились все нити управления гитлеровцев на украинских землях.

Фашисты не случайно выбрали для "столицы" Ровно. Во-первых, в 1942 году город находился за полторы тысячи километров от фронта, и тыловым чиновникам здесь было спокойно. Во-вторых, город всего лишь около двух лет - с сентября 1939 по июнь 1941 года - был советским. До первой мировой войны Ровно входил в состав Российской империи, но с 1921 года его хозяевами стали польские паны. Поэтому тут сохранились кулачество и бывшие помещики с их прихвостнями петлюровцами и другими украинскими буржуазными националистами - матерыми врагами Советской власти. Эти люди теперь служили Гитлеру, и их окружение вполне устраивало Коха. В этом гнезде фашистского оккупационного чиновничества и военщины имелись возможности получить более надежные сведения о перегруппировках вражеских войск на фронте, о мероприятиях хозяйственного характера, наконец, о том, что творится в самой Германии. Вот почему Ровно из всех оккупированных городов Украины представлял наибольший интерес с точки зрения разведки.

О задачах будущего отряда Медведев записал в своем дневнике: "Сегодня был вызван к командованию. Долго разговаривали. Все теперь кажется ясным и простым: от нас отпадают партизанские задачи - мы должны заниматься узкой работой по своей специальности; для руководства партизанами создаются штабы при командовании Красной Армии. Меня спрашивали, что меня больше интересует: наша работа - разведывательная, незаметная и скромная или партизанская слава? Первое ближе, роднее. Согласился с первым".

Член Государственного комитета обороны предупреждал, что отряд должен "...сидеть тихо, заниматься разведкой и ни на какие другие задачи не отклоняться".

Началось формирование отряда. Медведев записывает:

"Подготовка нового отряда, названного "Победители", идет успешно. Людей в отряд подбирает Сергей Трофимович Стехов, назначенный комиссаром. Боевой, говорят, политработник: его многие знают как комиссара полка, с которым приходилось бывать в боях под Москвой.

Вообще от хороших ребят нет отбоя: как в городе, так и в бригаде ловят меня на каждом шагу и просятся в отряд".

Вместе с Медведевым формированием отряда занимался и Стехов. Однажды раздался телефонный звонок, сообщили, что сейчас будет говорить Георгий Димитров. Вскоре в трубке послышалось:

- Товарищ Стехов, здравствуйте. Ко мне обратилась группа испанских коммунистов. Они очень просят, чтобы их включили в состав отряда, который формирует полковник Медведев. Им отказали, ссылаясь на то, что они почти не знают русского языка. Это действительно так. Русский язык им дается очень плохо. Но зато они в совершенстве знают язык автоматов. Уверяю вас, комиссар, что вы не пожалеете, если зачислите небольшую группу испанцев в свой отряд.

Конечно, просьба Георгия Димитрова значила очень много. Командир и комиссар, посоветовавшись, решили взять группу испанских товарищей в отряд. Да, действительно, прав был товарищ Димитров. Никогда, ни разу им не пришлось пожалеть о том, что испанцы полетели в тыл врага. Это были беспредельно мужественные, обстрелянные в боях с франкистами парни, которым чувство боязни за собственную жизнь было чуждо.

В общей сложности в отряд вошло свыше ста человек, большинство из которых были первоклассными спортсменами. К тому же они прошли специальное обучение в ОМСБОНе, где часть из них готовили как разведчиков.

К маю 1942 года формирование отряда завершилось. Командиром его был назначен Д. Н. Медведев, комиссаром - С. Т. Стехов, начальником штаба Ф. А. Пашун, помощником командира по разведке - А. Ф. Творогов, начальником медицинско-санитарной службы - А. В. Цессарский...

Как видно из записей в дневнике, Медведев был доволен своими подчиненными, но в еще большей степени они были довольны своим командиром. Лихой партизан-разведчик Валентин Семенов вспоминает:

"Мы начали изучать способы форсирования водных преград. Для этого выбрали небольшое озеро, находившееся на окраине города. Мы складывали в плащ-палатки свое обмундирование, свертывали их особым способом, сверху клали автомат и получившийся таким образом поплавок толкали перед собой,

вплавь переправляясь через озеро. Было много смеха, когда у нерадивых обмундирование в поплавке намокало.

Однажды, переплыв озеро, я обратил внимание на то, что шутки вдруг стихли, и увидел высокого, стройного, черноволосого полковника с орденом Ленина на груди. В сопровождении нескольких военных он подошел к бойцам.

"Медведев, Медведев!" - восхищенно зашептали вокруг ребята. О Дмитрии Николаевиче, уже побывавшем в немецком тылу, среди бойцов бригады ходили легенды: поражались его беззаветной отваге, находчивости и прозорливости, с которой он умел предвидеть планы врага.

Дмитрий Николаевич, весело поблескивая глазами, поздоровался с нами и дал несколько советов, как лучше действовать, преодолевая водную преграду. Разговаривая, он внимательно смотрел в глаза то одному, то другому, и каждый в этом взгляде чувствовал одобрение и поддержку, и на душе становилось спокойно. Уверенность вселялась в сердце при виде нашего командира, ничем не выражавшего беспокойства или тревоги, несмотря на то, что впереди предстояла невероятно трудная, напряженная и опасная работа".

Безмятежен Медведев был, конечно, только внешне. Вот еще несколько записей из его дневника, которые говорят о его состоянии:

"25.5. Выбросили первую группу нашего отряда... Я их сам инструктировал и провожал. Просил не быть беспечными. Боюсь за Сашу Творогова - уж очень он молод, двадцать три года. Он полетел во главе группы в 14 человек. Должны утром сообщить, как приземлились. Нервничаю".

Однако сообщения пришлось ждать пять дней. Тревога Медведева о судьбе своих первых посланцев возрастала с каждым днем:

"30.5. Получена радиограмма, что группа оказалась на 35 км южнее Житомира, на открытых местах. Летчики ошиблись: сбросили на 300 км южнее намеченного пункта. Если все будет благополучно, дойдут до назначенного места дней за 20. Новая задержка. Жалко дорогих дней.

1.6. Сегодня радиограмма от Творогова была принята неполностью: говорят, что "пропала", т. е. прервалась, передача во время работы. Не случилось ли чего? С Твороговым связи больше не было. Беспокойство усиливается. Что могло с ними случиться?

12.6. С группой Творогова произошло какое-то несчастье - иначе и не может быть. Предполагать, что отказала рация - только успокаивать себя прекрасными надеждами. Неужели погибли? Не верю. Не хочу верить! Хорошие ребята с ним

полетели - в обиду себя не дадут.

Сегодня начинаю волноваться за группу Пашуна. Ее отправили. Проинструктировал и тепло простился. С ним полетел и Володя Фролов. Но они без радиостанции. Им я не сказал, что с Твороговым нет связи. Зачем лишний раз тревожить!

15.6. От Творогова ни слуху ни духу. Нет данных и от Пашуна. Он почему-то не попал к ранее выброшенным группам. Видимо, его, как и Творогова, выбросили не там, где надо... Необходимо вылетать мне самому и организовать прием людей поосновательнее..."

2

Медведев вылетел в тыл врага 20 июня. Приземлился не совсем удачно. Кроме того, фашисты все-таки обнаружили, что в районе железнодорожной ветки Овруч - Чернигов, в ста тридцати километрах северо-западнее Киева, по ночам приземляются парашютисты.

Утром 27 июня к расположению партизанского лагеря подошла головная колонна карателей и атаковала его. И уже с первых минут обнаружилось, что "Победители" достойны этого гордого названия. Медведевцы бросились в яростную контратаку, открыв шквальный автоматный огонь, которого каратели не выдержали и залегли. А вскоре Стехов, руководивший боем, поднял партизан в атаку, они смяли противника и почти полностью уничтожили его.

От взятого в плен офицера стало известно, что карательный отряд насчитывал 160 жандармов и полицейских, присланных из Киева. Командир карателей рассчитывал быстро расправиться с десантниками, но, получив достойный отпор и понеся потери, запросил по рации подкрепление, которое могло прибыть с минуты на минуту. Поэтому Медведев принял решение уходить форсированным маршем. Собрав свои первые трофеи, уложив на самодельные носилки раненых и похоронив первого павшего смертью храбрых медведевца москвича Анатолия Капчинского, рекордсмена СССР по конькобежному спорту, отряд направился через болото в глубь леса.

На первой же стоянке командование решило провести разбор прошедшей операции. Медведев говорил:

- Первый наш бой, наше боевое крещение показало, что мы прошли хорошую выучку в бригаде - действовали смело, решительно и сплоченно. Непосредственно в бою принимало участие около тридцати человек, и они одержали победу над противником, превосходившим их по численности: били врага не числом, а уменьем. Пусть же отныне это станет нашей традицией традицией "Победителей". Но выявился и серьезный недостаток: разведка не проявила должной бдительности - врагу удалось подойти незамеченным вплотную к расположению отряда, и только благодаря случайности его обнаружили в последний момент. А случайности в нашем деле раз и навсегда исключаются! Мы должны быть всегда начеку, всегда предупреждать замыслы и действия противника. Помните, что мы разведчики, а это значит, что мы обязаны знать о враге все, а он о нас - ничего!

Отряд двигался по северу Житомирщины на запад, в сторону Ровно, по непроходимым болотам. Удалось раздобыть несколько

лошадей с телегами для раненых, но, чтобы дать им возможность проехать, приходилось гатить болота, стоя по грудь в зловонной жиже. Беспощадно палило июльское солнце, а лица сплошным слоем облепляли комары. Большие трудности испытывали с продовольствием - близлежащие села обходили стороной, опасаясь обнаружить себя. Если же проходили невдалеке от села, где возможны были гарнизоны полицейских, Медведев посылал нескольких разведчиков с задачей дезориентировать противника, сбить его с толку. Они демонстративно появлялись на околице села и шли в сторону, противоположную движению отряда. Когда их замечали и обстреливали, они скрывались в лесу и уже незамеченными догоняли отряд, а преследователи гнались за ними в противоположном направлении.

Невыносимо страдали раненые от постоянной тряски на телегах, преодолевавших бездорожье и гати. И хотя Медведев, стремясь по возможности облегчить их муки, неустанно твердил разведчикам, чтобы они выбирали тропы получше, это редко удавалось, и, стиснув зубы, раненые терпели.

Однажды после тяжелого перехода отряд расположился на отдых на большой поляне, сплошь усыпанной крупной, спелой земляникой. Смертельно усталые и голодные, партизаны повалились на ковер из травы и стали пригоршнями хватать налитые красные ягоды. Раненые тоскливо смотрели на них. На скулах у Медведева заиграли желваки.

- Каждый из вас, - произнес он негромко, но так, что мурашки забегали по спинам партизан, - не съест ни одной ягоды, пока не наберет по котелку раненому товарищу...

Так родилась вторая традиция - все отдай раненому товарищу, а затем и третья - сам погибай, а товарища выручай.

7 июля основная часть отряда во главе с командиром и комиссаром встретилась с группой Пашуна, которую, как оказалось, сбросили за 180 км от станции Толстый Лес, и она пробиралась к месту назначения многие сутки. Наконец отряд принял последнюю группу десантников.

Вот как об этом рассказывает разведчик Борис Черный:

"Над нами проносится краснозвездный посланец Москвы. Экипаж убедился в правильности выхода на цель, самолет идет на разворот и ложится на боевой курс. Буквально над нами от него отделяются фигурки людей, над которыми разворачиваются белые купола парашютов. Через несколько минут мы уже обнимаем прилетевших товарищей, быстро организуем поиск грузового парашюта, гасим костры и вместе с прилетевшими направляемся в расположение отряда, к штабу. Только теперь мы разглядели тех, кто прилетел. Знакомые лица: Коля Гнидюк, Саша

Середенко, Борис Сухенко, Коля Приходько. А вот идущего рядом стройного, подтянутого молодого человека мы увидели впервые. Около штабной палатки стоит улыбающийся командир:

- Добро пожаловать! - И он крепко жмет руку каждому из прилетевших.

На следующий день, рано утром нас, разведчиков штабной разведки, вызвали к командиру. Медведев представил нам вновь прибывшего товарища:

- Вот, знакомьтесь - это Грачев. Зовут его Николай Васильевич. Он будет находиться при штабе. Не удивляйтесь, если вы его увидите в форме немецкого офицера. Ваша задача будет заключаться в том, чтобы оказывать товарищу Грачеву необходимую помощь при выполнении отдельных заданий и постоянно обеспечивать его безопасность. И еще: о том, что я сказал, и о том, чем будет заниматься в отряде Грачев, никто, кроме вас, знать не должен. Это нужно для успешного выполнения нашей задачи и для безопасности Николая Васильевича. А если окажется в разведке болтун, спрошу по всей строгости военного времени.

Только спустя более чем два года, уже находясь на Большой земле, мы узнали, что Н. В. Грачев - это псевдоним Николая Ивановича Кузнецова".

Теперь отряд был в полном составе. Если не считать погибших и пропавших без вести, он насчитывал около ста человек.

Пропавшей без вести считалась группа А. Ф. Творогова. Как удалось выяснить лишь четверть века спустя, она в составе 14 десантников по ошибке летчиков была выброшена на окраине Житомира, но осталась незамеченной. За трое суток успела пройти более семидесяти километров к заданному району до села Торчин. Здесь десантники укрылись в доме вдовы расстрелянного немцами колхозного бригадира. Но женщина эта со страха сказала старосте, что на чердаке ее дома находятся советские парашютисты. Староста не замедлил донести в полицию. Прибыло более ста карателей - немцев и полицаев. Бой длился десять часов. Каратели так и не смогли одолеть десантников: потеряв двадцать человек, они отошли. Когда стемнело, окруженные бросились в атаку: здоровые шли впереди, а раненые их прикрывали. Во время этого боя был убит А. Ф. Творогов. Боец Ф. И. Куринный похоронил его в заброшенном колодце. Десантники прорвались, но потеряли шесть человек.

Мужество четырнадцати отважных так потрясло местных жителей, что многие из них ушли в партизаны. Восемь уцелевших десантников впоследствии присоединились к другим

партизанским отрядам. Шестеро пали в боях. Остались к концу войны в живых только двое.

Пропавшим без вести считался и самый юный из десантников-медведевцев Толя Пронин. Начало войны застало его учащимся ремесленного училища. Но когда ушли на фронт отец и старшие товарищи, он решил не отставать от них. Правда, Толе пришлось пуститься на разные ухищрения, так как по возрасту его в армию не брали. Но в конце концов он добился своего и, как мечтал, стал разведчиком. Участвовал в боях под Москвой, неоднократно ходил в тыл врага. Будучи тяжело раненным, он не долечился в госпитале и снова ушел на фронт. Был ранен вторично. Но и это не остановило его. Получив длительный отпуск на лечение, он начал добиваться зачисления в воздушно-десантный отряд особого назначения Д. Н. Медведева.

В июле 1942 года Анатолий вместе с другими парашютистами должен был быть заброшен в тыл врага около райцентра Хайники, Гомельской области. Он прыгнул первым, но еще в воздухе его ранили полицейские, заметившие парашютиста. Как только он приземлился, его окружили враги. В одиночку Толе пришлось вести бой с группой гитлеровцев. Он убил и ранил несколько человек, но все же был схвачен. Пронин геройски вел себя на допросах: ничего не выдал, никого не назвал и был зверски замучен фашистами. Он проявил стойкость и мужество, которым позавидовал бы любой взрослый боец, а Толе в это время едва исполнилось семнадцать лет. Подробности его героической гибели стали известны лишь после окончания войны.

Медведев и Стехов принимали в отряд людей, стремившихся влиться в ряды народных мстителей. Их сразу предупреждали о той суровой дисциплине, которой они должны подчиняться. Выпивки, присвоение продуктов или вещей местного населения категорически запрещались и сурово карались - вплоть до расстрела. Все приобретенное организованным путем сдавалось в хозчасть и распределялось затем по усмотрению командования. Оружие военнопленные и "окруженцы" сами должны были добыть в бою. А за утрату его в отряде следовала суровая кара. Даже потеря гранаты, нескольких патронов, любого военного имущества строго наказывалась. К этому следует добавить, что карты и крепкие выражения также считались явлением позорным, а виновных наказывали - они выполняли вне очереди тяжелую работу.

Результаты не замедлили сказаться: новички быстро осваивались с этой крутой дисциплиной, видимо, потому, что командир и комиссар сумели спаять коллектив десантников в такой железный монолит, которому не грозили никакие

посторонние влияния. Он был способен подчинить себе и перевоспитать не только отдельных людей, но и целые группы.

Но этот коллектив хотел активно сражаться с фашистскими оккупантами, а Центр главной задачей ставил ведение разведки, не позволяя распыляться на боевые операции. Медведев вспоминал впоследствии:

" - Разведка, разведка и еще раз разведка, - твердил я товарищам и старался отвлечь их внимание от диверсий, от налетов на отдельные группы фашистов, всячески добиваясь того, чтобы люди поняли огромное значение разведывательной работы, столь важной для командования Красной Армии. Ходите, узнавайте, где находятся и какие немецкие части, из кого они состоят, куда направляются. Посещайте деревни, беседуйте с населением, рассказывайте правду о ходе войны. Но избегайте ввязываться в бои, устраивать стычки, рискуя собой.

Легко сказать - не ввязывайтесь в бои, ограничивайтесь разведкой, когда запрещения эти направлены были как раз на самые желанные действия, о которых люди мечтали, к чему стремились".

Да и сама обстановка никак не давала возможности "сидеть тихо": местные жители предупредили медведевских разведчиков, что фашисты заметили отряд, когда он форсировал железную дорогу Киев - Ковель близ разъезда Будки - Сновидовичи, и готовятся к нападению.

Это известие вызвало среди бойцов шумное оживление: все понимали, что теперь не избежать боя. Предоставлялась возможность опередить врага и напасть первыми.

Командовать операцией поручили Пашуну. Ему выделили боевую группу в пятьдесят человек. Большинство не принявших участие в операции горько сетовало.

Медведев на опыте первого боя у станции Толстый Лес не сомневался в том, что его десантники способны разгромить противника, превышающего их численностью втрое. Кроме того, нужно было проверить на деле самостоятельные действия боевой группы в отрыве от основной части отряда и штаба.

Под покровом ночи боевая группа Пашуна приблизилась к разъезду. Неподалеку, на запасном пути, стоял эшелон. Как доложили разведчики, фашисты беспечно спали в нем. Бесшумно подобравшись к вагонам, партизаны внезапно открыли плотный огонь - в дело вступили автоматы, пулеметы, полетели гранаты. Стоявшая у самого эшелона бочка с бензином загорелась от попавшей в нее зажигательной пули. Вскоре загорелись вагоны. К утру гитлеровцы, собиравшиеся напасть на медведевцев, оказались разгромленными. На этот раз партизаны взяли

большие трофеи - много автоматов, винтовок, гранат, патронов, разный военный и хозяйственный инвентарь и очень нужные продукты питания, в особенности сахар и сахарин.

3

Отряд двигался в Сарненские леса. На марше случалось всякое. Знакомый уже читателю Валентин Семенов вспоминал:

"Как-то в сумерках отряд подошел к шоссейной дороге. Но шоссе патрулировали танки, задачей которых было перекрыть нам путь на запад. Медведев решил не менять направления и приказал разведчикам Цароеву, Быстрову и мне найти дорогу для отряда по ту сторону шоссе.

Мы выждали в кювете возле шоссе минут пятнадцать, потом переползли на ту сторону. Дорогу на запад нашли быстро. Прошли по ней несколько шагов и вернулись обратно.

- Есть дорога, товарищ командир, - доложил Цароев.

Отряд придвинулся к шоссе почти вплотную. Ездовые цепко держали под уздцы лошадей, следя за тем, чтобы они не храпели. По краям обоза были выставлены засады с противотанковыми гранатами. Два танка прошли мимо нас буквально в нескольких метрах. Когда они скрылись за поворотом, отряд пересек шоссе и свернул на разведанную нами дорогу. Мы прошли по ней метров двадцать и влезли в такое болото, что Медведев приказал немедленно возвратиться на шоссе: другого выхода у нас не было. (Если бы Цароев, Быстров и я прошли по этой дороге несколько десятков шагов, нам бы не пришлось выслушивать упреки командира отряда.)

К счастью, все обошлось благополучно: рядом нашлась настоящая дорога. Пройдя по ней километров тридцать, мы в два часа дня остановились на отдых. На дневке Медведев Цароеву, мне и Быстрову объявил по выговору.

Вечером состоялось комсомольское собрание отряда. Выговор за "разведанную" нами дорогу, считал я, слишком мягкое наказание, и приготовился к худшему. Каково же было мое удивление, когда Дмитрий Николаевич, всегда участвовавший в наших собраниях, после обсуждения различных текущих дел предложил вдруг избрать секретарем комсомольской организации меня... Так я стал комсомольским вожаком отряда".

После этого случая Медведев сменил тактику передвижения: днем только разведка маршрута подвижными группами, по ночам - передвижение отряда на заранее подготовленную базу.

В конце августа отряд обосновался в лесу на северо-востоке Ровенской области, неподалеку от деревни Рудня-Бобровская, километрах в ста двадцати от Ровно.

С первых же дней пребывания на базе медведевцы

приступили к активным боевым и разведывательным действиям.

Группа десантников во главе с Пашуном во время разгрома фольварка "Алябин", присвоенного начальником гестапо города Сарны, захватила управляющего имением немца Рихтера и некоего Немовича, оказавшегося "...украинским националистом и одновременно гитлеровским шпионом-профессионалом. Окончив в Германии, куда он бежал после воссоединения Западной Украины в 1939 г., гестаповскую школу, он еще до войны вел подрывную деятельность на Украине. Когда пришли оккупанты, Немович под видом украинского учителя разъезжал по деревням, выведывал у своих друзей-националистов, где живут советские активисты и предавал их гестапо. Немович знал многих других подобных ему предателей, которые учились с ним в гестаповской школе. Поэтому мы не стали его расстреливать, а решили отправить в Москву", - писал Медведев.

Медведев не любил размещать базы в деревнях. И не только потому, что в деревне было легко определить численность отряда: среди местного населения было много больных тифом и дизентерией, а партизанам болеть не полагалось. После строительства лагеря, состоявшего из шалашей, которые медведевцы на северный манер называли "чумами", по всем направлениям пошли разведчики - в Сарны, Клесов, Рокитное, Березно, Виры и многие другие села, деревни, хутора. Их донесения еще раз подтвердили мысль Медведева, высказанную им еще на Брянщине, о том, что каждый советский человек, оставшийся на оккупированной территории, - потенциальный разведчик. Так, в селе Галузин, Рафаловского района, с осени 1941 года действовала подпольная комсомольская организация, которую возглавлял Антон Иванович Шмигельский. Позже несколько десятков комсомольцев этой организации были направлены в различные отряды. А немолодой уже представитель местной интеллигенции, белорус по национальности, Константин Ефимович Довгер, встретившись однажды с разведчиками отряда, сам предложил свои услуги и вскоре был послан на задание в Ровно.

Еще до революции Довгер окончил Лесной институт в Петербурге, приехал на Волынь и всю жизнь проработал в Клесовском лесничестве. В отряд он вернулся с планом города, на котором очень точно были нанесены здания, где расположились важные военно-административные учреждения: рейхскомиссариат, резиденция Коха, тыловые штабы, гестапо, здание суда, жандармерия, казармы отдельных воинских частей и т. д.

Неоценимую услугу оказал отряду Константин Ефимович...

Его, наряду с другими лесничими, вызывали к себе жандармские офицеры, приезжавшие во главе карательных экспедиций. На вопрос, есть ли в его лесном квадрате партизаны, он отвечал, что нет, и направлял гитлеровцев туда, откуда отряд уже ушел. Каратели окружали партизанский лагерь... давно оставленный. Но точность информации у них не вызывала сомнений, ибо брошенные шалаши и следы от костров они все же находили. И Довгеру верили.

Вскоре партизанам стала помогать и старшая дочь Константина Ефимовича Валя, которой шел в то время восемнадцатый год. Она доставала очень ценные сведения о передвижении воинских эшелонов через Сарны - крупный железнодорожный узел.

Беспрерывно поступали разведданные и из других источников. Комиссар Стехов записывал в своем дневнике:

"На рассвете явился Пашун. Он виделся с людьми, которые были в Ровно, Сарнах, Рокитное, Березно. В Ровно обосновался штаб Восточного фронта. Все гражданские учреждения переселены. По ж. д. идет очень много составов с запада на восток с танками и другим вооружением. В Ровно много грузовых машин, стоят прямо на улицах. На аэродроме появились самолеты. Много войск. Режим в городе не особенно строгий.

В Березно и Рокитное должны прибыть карательные отряды, которые собираются напасть на партизан с двух сторон. Шашков сообщает, что в Березно гражданских не впускают и не выпускают из города. Там идут беспрерывные массовые акции - расстреливают всех недовольных оккупационным режимом и мало-мальски подозреваемых в связи с партизанами".

Из этого огромного вороха многообразных и нередко противоречивых сведений Медведев умел отбирать самые важные, анализировать, обобщать их и передавать в Москву лишь то, что было безусловно необходимо знать командованию Красной Армии. В столицу летели радиограммы, радисты едва успевали отстукивать их.

Командир лично инструктировал каждого разведчика. Николай Гнидюк вспоминает:

"Первая встреча с Медведевым у меня произошла на следующий день после прилета в отряд. Нас, новичков, по одному вызывали в штаб. В первое мгновение Медведев показался мне сухим и официальным. Но вскоре я понял, что за внешней сухостью кроется тонкое знание человеческой психологии, умение быстро подыскивать необходимый ключ к сердцу собеседника, вызывать расположение к себе.

Запомнилась его первая фраза:

- Ну, как там Пенза? Тоскует дивчина по гарным очам твоим?

Признаться, я не ожидал такого обращения от человека, который вначале показался мне строгим и хмурым.

Медведев улыбнулся. По-товарищески, словно мы давно уже знакомы, взял за плечи и повел к поваленной сосне.

- Присаживайся, - сказал, - потолкуем о житье-бытье. Рассказывай, как устроился, как ребята? Отдохнул хорошо?

И от этой непринужденности, от этого простого обращения с подчиненным мне стало как-то особенно хорошо. Захотелось открыть человеку душу. Я рассказал о себе, о том, как застала меня, помощника машиниста паровоза, война в Ковеле, как эвакуировались в Пензу, как добивался отправки на фронт и как готовился в Москве к разведывательной работе.

Медведев внимательно слушал, не перебивал. Потом сказал:

- Знаешь, я тебя таким именно и представлял.

- Значит, вам было все известно обо мне?

- И о тебе, и о других ребятах, с которыми ты прилетел.

Спустя некоторое время я узнал, что, еще в Москве, Дмитрий Николаевич знакомился с документами кандидатов в будущие разведчики. Нужно было обладать огромным опытом знания людей и тонким чутьем, чтобы суметь, не видевшись с человеком, безошибочно сделать выбор.

- Знаешь ли ты, какую работу тебе предстоит выполнять?

- Нас готовили к разведке, - отвечал я. - Но одно дело быть "разведчиком" в Москве, а другое - здесь.

- Да, ты прав. Здесь будет все по-другому. Там ты ходил среди своих, не подвергая себя никакому риску. А здесь окажешься в необычном мире. Немцы - они для тебя будут ясны: это враги, хотя и немец немцу рознь, к ним надо присматриваться, может встретиться полезный человек. Иное дело население. Вот встретишься с человеком и не знаешь, кто он тебе - друг или недруг, что на сердце у него, какие мысли в голове. И зачастую самому, без добрых советов и указаний придется выпутываться в сложных обстоятельствах.

Медведев посмотрел мне в глаза и, видимо уловив в них неуверенность, добавил:

- Но ты не огорчайся. Я ведь тоже помню себя таким. На заре юных лет мне захотелось повидать батьку Махно. Прикинулся кучером и повез одного нашего человека к махновцам. Они думали, что человек этот заодно с анархистами, а он был чекист. Приехали на хутор, и тут я, по неопытности, чуть себя не выдал. И кому, - Дмитрий Николаевич рассмеялся, - ребенку, девочке, которая сразу же распознала во мне лжекучера. Правда, все обошлось благополучно. Но вывод я тогда сделал для себя на всю

жизнь: к каждой кажущейся легкой операции, к каждому шагу разведчик обязан себя готовить тщательно. - Он помолчал. - Уверен, что из тебя выйдет хороший разведчик.

- Постараюсь!

Мне захотелось спросить, когда я получу первое задание. Но Дмитрий Николаевич опередил меня:

- Тебе, наверно, не терпится в город? Придется подождать. Побудь в отряде, похлебай партизанской болтушки. Пообвыкни".

Не только Гнидюк, но и другие партизаны, горячие головы, рвались к немедленной схватке с врагом. Широко известный ныне легендарный советский разведчик Николай Иванович Кузнецов тоже готовился начать активные действия. Буквально через несколько минут после приземления он докладывал Медведеву, что хорошо подготовлен, прилично стреляет и может беспрепятственно действовать в городе. Но Медведев терпеливо охлаждал его пыл, он умел сдерживать людей до той поры, пока они глубоко не прочувствуют всей ответственности поручаемого им дела и не смогут вложить в очередную операцию всю страстность долго сдерживаемого боевого порыва. Выслушав Кузнецова, он с участием, спокойно сказал, что нужно продолжать подготовку - познакомиться с местными жителями, условиями жизни на оккупированной территории. Все это займет довольно много времени. Не нужно спешить.

Кузнецов помрачнел. Но Медведев лучше других знал, что разведка не терпит поспешности: малейшая оплошность может привести к провалу - гибели человека и большого дела, которое готовили многие. Про себя он считал, что разведчик, как и сапер, не имеет права на ошибку, ибо она стоит жизни, зачастую не только ему одному.

После каждого возвращения разведчиков командир часами беседовал с ними обо всем ими виденном и слышанном, не упуская ни малейших подробностей. Он просил Кузнецова переводить ему статьи из немецких газет и журналов, попадавших в отряд, и, пожалуй, лучше любого ровенского жителя или немца был в курсе всех новостей.

Кузнецов рвался в город, но Медведев по-прежнему не торопился, считая, что еще рано, и ни в коем случае не соглашался отпускать его:

- Кем-кем, а Паулем Зибертом мы рисковать не имеем права. Подумайте, Николай Васильевич, сколько людей трудилось над вашей подготовкой и сколько труда положили вы сами. И все это может пропасть зря из-за какой-нибудь ничтожной оплошности. Согласен, что вы превосходно владеете немецким языком. Согласен, что в Ровно к вашему приезду все готово. Но не

почувствуют ли гитлеровцы вас чужаком в своей среде, инородным телом? Вам же никогда не приходилось вращаться в такой среде. Думаю, вам необходимо устроить нечто вроде выпускного экзамена - свести с глазу на глаз с вашими будущими "коллегами". Надо бы раздобыть "длинного языка", по возможности, старшего офицера, выяснить, какое впечатление вы на него произведете. К тому же сейчас нам такой "язык" необходим и для общей информации.

...Командование собралось в штабном шалаше. Началось обсуждение операции. Было известно, что по шоссе Ровно - Костополь движение довольно оживленное: проходило немало легковых машин со старшими офицерами. Кто-то предложил устроить обычную засаду. В обе стороны от нее расставить наблюдательные посты. Как только один из них увидит подходящий объект, тотчас даст красную ракету - сигнал приготовиться.

- Но ведь там местность открытая, возможности хорошо замаскировать засаду нет. Да и красная ракета насторожит фашистов, - сказал Медведев. Нет. Не годится.

Предложили перекрыть шоссе лентой с шипами и таким образом остановить машину.

- А если на шипы наедет вовсе не та машина, которая нам нужна?

Предлагали кавалерийский налет и еще несколько хитроумных замыслов. Медведев улыбался - романтика! - и безжалостно их отвергал. После долгого обсуждения и споров был принят замысел Кузнецова - "подвижная засада"...

По шоссе Ровно - Костополь двигались три подводы, на которых разместились партизаны, одетые кто как придется, но с белыми нарукавными повязками полицейских. На первой ехал Кузнецов в форме гитлеровского офицера. Вся эта "процессия" представляла обычную для оккупированных районов картину: полицаи во главе с фашистским офицером направляются в какое-то село громить жителей за непокорность.

Кузнецов зорко всматривался в мчавшиеся навстречу машины. Так продолжалось часа три. Но вот показалась большая, комфортабельная легковая машина. Кузнецов привстал и осмотрелся вокруг: на шоссе больше никого не было видно. Он поднял руку. Партизаны приготовились. Приходько, сидевший рядом с Кузнецовым, соскочил с подводы и, едва машина миновала его, швырнул под задник колеса гранату - блестящий "опель-адмирал" свалился в придорожный кювет. В автомашине оказалось два гитлеровских офицера: начальник отдела рейхскомиссариата майор граф Гаан и имперский советник связи

Райс из Берлина.

В портфеле Райса среди многочисленных секретных бумаг оказалась топографическая карта, на которой были детально нанесены все пути сообщения и средства связи гитлеровцев на территории Украины. Изучая эту карту, Кузнецов обратил внимание на линию, которая начиналась между селами Якушинцы и Стрижевка, в десяти километрах западнее города Винницы, и шла на Берлин. При допросе Райса выяснилось, что линия эта обозначает многожильный подземный бронированный кабель. Таким образом, добытая карта при сопоставлении с уже полученными разведывательными данными помогла уточнить местонахождение ставки Гитлера на восточном фронте под Винницей...

Райс принял Кузнецова за немецкого офицера, предавшего своего фюрера и начавшего сотрудничать с партизанами, настолько безукоризненно он играл свою роль.

Только теперь Медведев решил, что Пауля Зиберта можно отправлять в Ровно.

А тем временем немцы не дремали: над партизанским лагерем как-то появился вражеский самолет-разведчик, следовало ожидать после него бомбардировщиков. Поэтому подыскали место для нового лагеря, примерно в километре от старого. Ночью отряд перебазировался туда. Медведевцы тщательно замаскировались. С рассветом фашистские самолеты стали бомбить старый лагерь. Они разворачивались на очередной заход над новым лагерем, но его так и не заметили, а старый смешали с землей.

После этого случая Медведев почти ежедневно стал выделять группу бойцов для устройства ложных лагерей. Группа отходила за 8 - 10 километров от настоящей стоянки и строила там ложные шалаши, жгла костры из сырых дров, чтобы дыма было побольше. Когда появлялся вражеский самолет-разведчик, "декораторы" уходили. Летчик всегда успевал отметить на своей карте нужный квадрат леса и вызывал бомбардировщики. Те аккуратно сваливали свой груз на пустые шалаши, а фашистские газетенки после вовсю трубили о разгроме еще одной партизанской базы.

4

В начале осени разведчики встретились с командиром небольшой местной группы партизан Николаем Струтинским. В эту группу входили отец Николая Владимир Степанович, братья Георгий, Владимир и Ростислав и еще несколько человек. Люди эти изъявили желание присоединиться к "Победителям", и вскоре вся семья - мать Николая Марфа Ильинична, младшие братья и сестры стали медведевцами. Для отряда такое пополнение

оказалось чрезвычайно полезным. Будучи исконными местными жителями, Струтинские великолепно знали районы Ровенской области, во многих селах и городах у них были родственники и многочисленные знакомые.

Вскоре после этого на разведку в Ровно были посланы десантник Николай Приходько, являвшийся тоже местным жителем, и Николай Струтинский. В Ровно у Приходько жил родной брат Иван с женой. Они сразу согласились помогать партизанам. Николай Струтинский пробыл в городе свыше двух недель и добился значительных успехов: он связался с рядом людей, заручился их согласием помогать медведевским разведчикам и достал через них образцы документов, по которым партизаны могли свободно ходить в город. К этому следует добавить, что Николай Струтинский вскоре наловчился блестяще вырезать из резины любые немецкие печати и штампы, был бы только образец.

В отряде имелась трофейная пишущая машинка. На ней можно было печатать по-латыни, а всевозможные печатные бланки добывали подпольщики, связанные с немецкими учреждениями и типографиями. Таким образом наладилось изготовление фиктивных гитлеровских документов. Они, естественно, использовались в самых различных операциях сотни раз и, насколько известно, не подвели ни одного разведчика. В отряде даже ходила шутка Николая Струтинского, что "наши документы лучше настоящих".

Незадолго до октябрьских праздников отряд перебазировался на новые места, ближе к Ровно: теперь до города по тропам и лесным дорогам было девяносто километров. Наступила пора появиться там и Кузнецову: судя по донесениям разведчиков, обстановка в городе сложилась относительно спокойная.

- Вы разведчик, - напутствовал Медведев Николая Ивановича, - ваше дело добывать данные о гитлеровцах. А это куда труднее, чем поднять шум на улице. И еще: от вас потребуется величайшее самообладание. Играя роль фашистского офицера, вам придется черт знает с кем водиться, строить на лице приятную мину в тот момент, когда захочется своими руками задушить палача.

Вместе с Кузнецовым отправился Владимир Степанович Струтинский. У него в двух десятках километров от города проживал на хуторе родственник Вацлав Жигадло, у которого можно было остановиться и передохнуть перед въездом в "столицу".

Проложили до Ровно и запасной маршрут, организовали базы для смены коней и отдыха связных. На каждой из них стояло по паре лошадей, на которых в обычные дни хозяева хутора

работали. Партизаны приезжали к ним примерно раз в неделю. Пока перекусывали в доме, хозяин в клуне перепрягал лошадей. Подкрепившись, на свежих конях отправлялись до следующей базы. Там тоже меняли лошадей и на рассвете добирались до хутора, где жил Жигадло.

Первый раз Кузнецов пробыл в городе недолго, но остался поездкой очень доволен: его появление не вызвало никаких подозрений, значит, по-настоящему перестроился на немецкий лад. После этого он стал часто наезжать в Ровно, обычно с Николаем Струтинским или Николаем Приходько. Останавливался либо у Ивана Приходько, либо у Казимира Домбровского родственника Струтинских, польского патриота, пылавшего ненавистью к оккупантам. Кузнецов стал знакомиться с фашистскими офицерами - в столовых, ресторанах, магазинах. Мимоходом, а иногда и подолгу беседовал с ними. В то время они были не на шутку встревожены слухами о том, что армия Паулюса под Сталинградом на грани катастрофы.

В Ровно направлялись и другие разведчики, но они, как правило, не знали, кто из коллег находится в городе. А на случай, если кто-то кого-то встретит, предупреждали, чтобы проходили мимо и "не узнавали" знакомых.

В ноябре отряду удалось принять самолет из Москвы. Он доставил письма, подарки, боеприпасы, и забрал раненых, много важных военных документов и ценностей, отобранных у фашистов. В переданном жене письме Медведев писал:

"Уже давно ожидал оказию, чтобы переслать тебе несколько строк, но все не удавалось.

Дела у меня идут неплохо, хотя могло бы быть лучше. В зависимости от обстановки приходится все время приостанавливать начатую работу, чтобы продолжить ее через несколько дней. А время уходит. Настроение как у меня, так и у всех товарищей бодрое, хорошее, уверены в том, что задание выполним.

Я чувствую себя хорошо: живу в полном понимании смысла жизни. Каждую минуту или борюсь или обдумываю предстоящую борьбу. Свободного времени у меня нет. С первого же дня я начал крутиться как белка в колесе, и не напрасно: все опасности предусматриваю и предупреждаю. Ребята у меня хорошие, боевые, так что все складывается хорошо.

Один из товарищей - Костя Пастаногов - напишет тебе письмо из госпиталя. Ты навести его, узнай нужды всех наших раненых, навещай их почаще и тормоши начальство, чтобы о них заботились. Они заслужили внимание и заботы о себе.

Крепко целую. Не болей, не тоскуй. Все будет хорошо".

Разведывательная сеть отряда ширилась с каждым днем - разведчики проникали все дальше от Ровно, в села и города не только Ровенщины, но и за ее пределы.

Правда, надо отметить, что в вопросе организации разведывательной работы Медведев на первых порах испытывал определенные трудности. Молодой, талантливый его помощник по разведке Творогов пропал без вести, поэтому Дмитрию Николаевичу пришлось большинство этих сложных проблем решать самому.

Учитывая это, Центр помощником по разведке назначил А. А. Лукина, что, конечно, не снимало с Медведева главной заботы по сбору и обработке разведывательной информации о противнике. Командование боевыми операциями было поручено комиссару Стехову, проявившему недюжинный талант боевого командира и завоевавшему огромный авторитет и любовь среди "Победителей". (Начальник штаба Ф. А. Пашун тяжело заболел и был эвакуирован в Москву.)

Тем временем отряд все разрастался, ширились его контакты с местным населением. Боевая и разведывательная деятельность отряда причиняла все более заметный ущерб фашистским оккупантам. Против отряда немцы послали карательную экспедицию. Медведев и Стехов долго водили карателей по лесным дебрям, ловко ускользали от них, но в конце концов пришлось дать бой и разгромить карателей. В этом бою был убит командир карательной экспедиции - гитлеровский генерал. Так "Победители" открыли счет уничтоженным фашистским генералам.

Партизаны старались не ждать нападения противника, а сами нападали первыми, что, собственно, являлось непременным законом партизанской войны еще со времен Дениса Давыдова. И вскоре последовали три блестяще проведенные боевые операции, которыми руководил Стехов.

В Сарнах гитлеровцы ожидали прибытия эшелона с офицерами - "героями" Сталинграда, которые должны были "пожаловать" сюда на отдых. Группа медведевцев подорвала этот эшелон и обстреляла его. После чего немцы долго возили на дрезинах и автомашинах убитых и раненых. Число уничтоженных гитлеровцев установить не удалось, но только в Сарны они привезли сорок семь трупов.

Приближалось рождество. Фашисты начали усиленно грабить крестьян заготавливать продукты к празднику. Неподалеку от села Виры медведевцы напали на обоз этих "заготовителей" и разгромили его.

Сарненскими лесами гитлеровцы интересовались с каждым

днем все сильнее. Чтобы отвлечь их внимание от базы отряда, в противоположной стороне был взорван эшелон на участке дороги Ровно - Ковель.

Диверсионные действия многочисленных партизанских отрядов настолько усилились к концу 1942 года, что даже Гитлер в своем приказе вынужден был отметить: "Действия партизанских отрядов на Востоке за последние несколько месяцев стали крайне опасными и ныне представляют серьезную угрозу нашим коммуникациям, идущим к фронту".

Постепенно Медведев и Стехов выработали свою собственную, особую тактику, удачно сочетавшую успешную работу разведывательной сети с боевыми действиями.

Сущность этой гибкой тактики состояла в том, что штаб отряда с одним или несколькими боевыми подразделениями постоянно перемещался по лесным массивам, не прекращая руководства разведывательными группами в городах и селах. Руководство осуществлялось через курьеров, доставлявших в штаб отряда разведданные от связных и передававших приказы командования группам. Штаб перемещался, но зато "маяки" - узлы связи, расположенные по краям лесных массивов, были более или менее постоянными. Они представляли собой строго засекреченные, тщательно замаскированные посты, где дежурило 10 - 20 самых опытных разведчиков. Связные приходили из города, передавали донесения пешим или конным курьерам, которые доставляли их в штаб, а сами тем временем отдыхали, пока курьеры не возвращались с новыми заданиями. Подле "маяков" были устроены тайники - "зеленая почта" в дуплах деревьев, под корнями, камнями и в других местах - на тот случай, если "маяк" по каким-либо причинам вынужден был перебазироваться. Тогда связные оставляли пакеты в тайниках, а курьеры потом их забирали.

Постоянное передвижение штаба отряда гарантировало его безопасность. "Движение есть лучшая позиция для партизан", - как говорил М. И. Кутузов. Боевые же действия отдельных подразделений, диверсии на железных дорогах не только не мешали основной разведывательной деятельности штаба, но, наоборот, в значительной степени содействовали ей.

Во-первых, они отвлекали внимание гитлеровцев от места основной базы отряда, ибо велись на значительных расстояниях от нее - за десятки, а иногда и сотни километров.

Во-вторых, боевые группы также вели разведку на местах и дополняли сведения о противнике.

Наконец, боевые операции крепче сплачивали бойцов, придавали им больше уверенности в своих силах. Уничтожая

врага непосредственно в бою, "Победители" получали моральное удовлетворение - они видели результаты своих ратных дел.

Гитлеровцы пытались ликвидировать отряд Медведева, о существовании которого им было хорошо известно, но сделать это им не удавалось. Тогда они решили его обезглавить. Вот как об этом рассказывает Л. Цессарский:

" - Как показал себя в бою ваш новый партизан? - спросил как-то при мне Медведев у Маликова после очередной стычки с гитлеровцами.

- Вы говорите о том, который пришел позавчера? О Герое? - уточнил Маликов.

- О нем.

Я заметил, что Медведев внимательно наблюдает за каждым новым человеком в отряде, изучает его характер, его поведение... Видел я, как издали подолгу смотрит он на нового бойца роты Маликова. "Что он там изучает? - думал я. - Ну, ест человек, спит, оружие чистит..."

Медведев любил смелых людей. Я видел, как теплели его глаза, когда ему рассказывали о храбрости Базанова, о бесстрашии Кузнецова. Я знал, что он привязывается к таким людям, скучает, когда их долго не бывает в отряде...

А сейчас, решил я, он, очевидно, не без планов на будущее расспрашивал Маликова о новом партизане. Ведь этот человек рассказал, что он Герой Советского Союза, показал зашитые в подкладку документы. Тяжело раненный, он попал в плен, затем бежал и вот пришел к нам.

Маликов нахмурился и пожал плечами.

- Что вам сказать, товарищ командир? Ничего. Стреляет, как все.

- Говорите правду! - резко перебил его Медведев. И, помолчав, коротко спросил: - Плохо?

- Плохо! - твердо сказал Маликов. - В засаде нервничал... В атаку мы пошли, он где-то там сзади плелся. Без команды отступил...

Медведев помрачнел.

- Досадно.

- Но может быть, сник человек, нервы ослабели... Ранение, плен, попытался оправдать его Маликов.

- Что ж, возможно, и так, - задумчиво проговорил Медведев. - Окружите его вниманием, дружбой... И через несколько дней доложите, как он себя будет вести.

- Хорошо, товарищ командир!

Прошло дня три. Медведев, обходя лагерь, зашел и в санчасть, когда никого, кроме меня, в шалаше не было, и,

расспрашивая о больных и раненых, между прочим сказал:

- Доктор, через полчаса пройдите, пожалуйста, в штаб. Туда придет один из новых бойцов, поговорите с ним о его здоровье. Он чем-то болеет, но скрывает.

Через полчаса я вошел в штабной шалаш. Перед Медведевым стоял человек с лицом женственным и странно подвижным, казалось, что он все время кокетничает - то улыбнется, то заведет глаза...

- Как приняли вас в роте?

- Спасибо, товарищ командир, прекрасно.

- Что ж, воюйте... Вам не привыкать.

- Конечно! - человек многозначительно улыбнулся.

- Вы за что звание Героя получили?

- Под Ленинградом воевал... Я один пробрался в тыл к немцам, уничтожил несколько пулеметных точек, пушку вывел из строя, расчет ликвидировал...

- Ясно. Молодец, - серьезно похвалил командир и быстро взглянул на меня.

- А как здоровье? - задал я приготовленный вопрос - Не болеете?

- Да нет, спасибо, все в порядке! - он чувствовал себя все свободнее и даже развязно пошутил. - Медицину люблю, но не уважаю!

- А порошки? - вдруг резко сказал командир.

Боец осекся и даже побледнел.

- Какие порошки?..

- Порошки, которые принесли с собой в отряд и не сдали, как это у нас полагается!

- А-а... Порошки... Те, что я... Ну да, я от гриппа... Я их оставил... Разрешите, я принесу...

- Не трудитесь, вот они. - На ладони у командира лежали три порошка.

Боец протянул за ними руку.

- Нет, нет. У меня к вам просьба, - сказал командир, - примите, пожалуйста, один из этих порошков при нас, здесь, сейчас.

- З-зачем?.. - заикаясь, проговорил боец.

- Чтоб не заболеть гриппом.

- Но я не хочу! Я здоров! - Он с ужасом всматривался в нас. На лице его выступил пот.

Я никак не мог понять, что происходит передо мной.

- Так вы отказываетесь? - грозно спросил командир.

- Я... я не могу... - еле слышно проговорил боец.

И вдруг он рванулся к выходу. Но два партизана, внезапно

появившиеся в шалаше, ужо крепко держали его за руки. Он стал вырываться.

- Пустите! Не имеете права! Я Герой...

Лукин взглянул на часы.

- Дмитрий Николаевич, радиограмма уже, вероятно, получена.

Он вышел и вернулся с листком бумаги. Медведев пробежал глазами написанное, помолчал. Потом спокойно обратился к бойцу:

- Судя по документам, вы москвич?

- Да.

- Где же вы там жили?

- Недалеко от Красной площади. Вы разве знаете Москву?

- Ну, что вы! - усмехнулся Медведев. - Мы - местные жители...

- Я жил на улице Кирова. Из окна моей комнаты Красная площадь видна как на ладони.

Тут только стало доходить до меня происходящее: он врал. Уж я-то хорошо знал, что с улицы Кирова Красная площадь не видна.

Медведев тем же спокойным голосом спросил:

- А сколько обещали вам гитлеровцы за услуги?

- Что?! - прошептал боец и затрясся.

Медведь помахал листком.

- Мы запросили Москву по радио. Герой Советского Союза с такой фамилией действительно существовал. В тысяча девятьсот сорок первом году он погиб под Ленинградом, был вынесен с поля боя и похоронен в родном селе. Но документы его пропали. Вот теперь они нашлись. А что же это за порошки?

...Человек этот рассказал, что несколько месяцев назад он был завербован гитлеровцами и направлен в специальную школу, где готовили диверсантов. Он прошел ускоренный курс обучения и получил задание проникнуть в наш отряд и отравить командира. Имя полковника Медведева было уже достаточно известно гитлеровцам, и они обещали за его голову большие деньги.

- Я сразу почувствовал в этом человеке какую-то фальшь, - рассказывал потом Медведев. - А его трусость в бою подтвердила смутную догадку. Когда же Маликов рассказал мне, что его новый боец чем-то болен - кто-то из партизан заметил, как он старательно прячет какие-то порошки, - я решил, что нужно немедленно действовать.

- Хорошо, что в Москве быстро все разузнали, - сказал я.

Медведев с веселой усмешкой посмотрел на меня.

- Вы наивны, доктор. Неужели вы думаете, что мы можем

тратить питание на такие радиограммы, загружать командование, не испробовав всех средств на месте?

- Значит, радиограмму... - с запоздалой догадкой сказал я.

- Сочинил Лукин! - смеясь, заключил Медведев".

5

Кроме оккупантов и их прихвостней - полицаев, у партизан был еще один трусливый, хитрый и особенно подлый враг - вооруженные банды украинских буржуазных националистов.

С начала войны на территории Западной Украины вслед за оккупантами появились представители так называемого украинского "провода", то есть главари националистов - Андрей Мельник, Степан Бандера и Тарас Боровец, именовавший себя "Тарасом Бульбой". Бросалась в глаза непримиримая вражда между этими махровыми выучениками гестапо, каждый из которых хотел играть непременно главную роль.

Эти "атаманы" собрали вокруг себя остатки разгромленных петлюровских, махновских и прочих банд, эмигрировавших после гражданской войны в панскую Польшу, а затем и в гитлеровскую Германию. Гестапо "пригрело" их под своим крылышком, обучило во всякого рода разведывательных школах, вооружило и поставило на службу третьего рейха. По радио и в печати "атаманы" одурачивали народ Западной Украины, пытаясь внушить ему, что они борются за "вильну, самостийну" Украину, и призывали вступать в УПА - так называемую Украинскую повстанческую армию, которая якобы должна сражаться с оккупантами. Но это был всего лишь ловкий трюк гестапо - хозяев "атаманов". В действительности УПА по указке гитлеровцев в первые дни войны добивала советских солдат, попавших в окружение, а затем пыталась бороться с советскими партизанами и польскими патриотами. Однако, получив достойный отпор и проявив при этом редкую трусость, "атаманы" решили заключить "перемирие".

Представители отряда Медведева, по инициативе самого "Бульбы", дважды встречались с ним для переговоров. После нескончаемых тирад и заверений о лояльности к партизанам командующего "армией Полесская Сечь", как именовал свою банду Тарас Боровец, было заключено временное перемирие, по которому партизаны дали согласие не выступать против бульбовцев при условии, если они начнут борьбу с гитлеровскими оккупантами. Однако вскоре "хлопцы" из "войска Бульбы" напали на группу наших партизан во главе с Кузнецовым, когда та возвращалась с "маяка". Сотня националистов была молниеносно разгромлена двумя десятками разведчиков. Таким образом, бульбовцы нарушили договор о нейтралитете, и это не явилось

случайностью. Вскоре разведчики добыли документы, из которых явствовало, что "Бульба" состоял на службе в СД и отчитывался непосредственно перед шефом политического отдела СД Иоргенсом. С этого момента медведевцам пришлось вести постоянные стычки с бандами националистов. Большого ущерба они не приносили, но досаждали изрядно, часто сковывая действия, мешая работе "маяков".

...Успешно решать сложные и разнохарактерные задачи, стоящие перед отрядом, можно было только при условии высочайшей сознательности каждого партизана, вне зависимости от того, какое положение он занимал, и железной дисциплины. Командир и комиссар сумели этого добиться - постоянно проводились партийные и комсомольские собрания, разборы боевых операций, поощрялись отличившиеся, наказывались провинившиеся. К сожалению, приходилось прибегать и к крайним мерам.

На "маяке", расположенном на хуторе, партизан Косульников чуть ли не ежедневно доставал самогон и напивался пьяным. Кроме того, связался с подозреваемой в сотрудничестве с гитлеровцами женщиной из соседней деревни и выболтал ей, что он партизан. Над "маяком" и семьей хозяина дома, в котором он помещался, нависла смертельная угроза. Медведев срочно снял "маяк". Отряд находился тогда в Рудне-Бобровской. На площади выстроились партизаны, собрались жители. Косульникова поставили перед строем. Медведев сказал краткое слово:

- Однажды этот человек уже изменил своей Родине. Нарушив присягу, он сдался в плен врагу. Теперь, когда ему была предоставлена возможность искупить свою вину, он, этот клятвопреступник, нарушил наши порядки, опозорил звание советского партизана, дошел до предательства. Он совершил поступок во вред нашей борьбе, на пользу гитлеровцам. Командование отряда приняло решение расстрелять Косульникова. Правильно это, товарищи?

- Правильно! - единодушно прозвучало в ответ.

И Косульников был расстрелян.

Нелегкой была партизанская жизнь, полная смертельного риска, изнурительного солдатского труда, постоянного недоедания, свинцовой усталости и тяжелых боев. И Медведев, как мог, старался облегчить тяготы, которые безропотно несли его подчиненные, напоминал им порою, что, помимо суровых воинских дел, есть еще праздники, веселье, простое человеческое счастье... Вот что рассказывает разведчик Валентин Семенов:

"Однажды, ранним студеным утром, когда я, поеживаясь от холода, умывался в ручье, меня вызвали к командиру.

- Послушай, Валя, - обратился ко мне Медведев, - тебе поручается особое задание... Надо достать немного хороших продуктов. Но крестьян не обижать! Вот тебе деньги.

У нас в то время с продуктами было туго.

- Кого возьмешь с собой и сколько необходимо времени? - спросил командир.

- Николая Струтинского, больше никого не нужно. Думаю, что часов за пять управимся, - ответил я.

- Хватит вам и трех часов. Знаю, что ты всегда планируешь с запасом. И имей в виду, чтобы ни одна душа об этом не знала, - строго сказал Дмитрий Николаевич, а глаза его при этом озорно блестели.

Удивительные были у него глаза! Разговаривая, он всегда сохранял строгое выражение лица, говорил ровным голосом, как бы без интонаций. Но глаза! Они отсвечивали сталью, как два клинка, когда речь шла о врагах; темнели, когда осуждали провинившегося; словно вбирали в себя человека, когда он слушал доклад об очередной разведке: все ли приметил, все ли сказал; теплели, когда ему рассказывали об успешном выполнении сложного задания, в котором были проявлены смелость и смекалка; в них зажигались озорные огоньки, когда от него пытались наивно что-то скрыть. Глаза его словно говорили: "Знаю я вас, разбойников, что у вас на уме". Но лицо оставалось неподвижным.

С заданием мы справились за два с половиной часа. Когда я подошел к шалашам разведчиков, радистка Валя Осмолова сообщила мне сенсационную новость: женятся разведчик Наполеон Саргсян и радистка Шура Мороз. Будем играть свадьбу. На штабной кухне уже испекли свадебный пирог из ржаной муки... Но ни Саргсян, ни Мороз пока об этом ничего не знают.

Спустя час к штабному костру были приглашены разведчики и радисты. Там стоял длинный стол, накрытый скатертью из сурового полотна, на нем закуски: картошка, сало, борщ, большой свадебный пирог с горохом.

Поблескивая глазами, Медведев сказал:

- Позовите Мороз и Саргсяна. - А когда те пришли, обратился к ним: Вот что, дорогие! Вы уже стали мужем и женой, но ваш брак не оформлен по закону, а так не полагается. Я, как представитель Советской власти здесь, в тылу врага, спрашиваю вас: согласны ли вы вступить в брак?

- Согласны, - пролепетали новобрачные.

- Тогда поцелуйтесь! Поздравляю вас.

После этого Сергей Трофимович Стехов вручил им свидетельство о браке, художественно оформленное нашим

художником, архитектором Володей Ступиным и скрепленное печатью отряда".

Эта первая партизанская свадьба дала всем понять, что в личных делах даже в такое трудное время надо быть честными, не опошлять случайными связями дорогое и высокое человеческое чувство - любовь.

6

Помимо Ровно, Москву интересовал Здолбуновский железнодорожный узел. Город Здолбунов находился в десяти километрах к югу от Ровно. По магистралям Львов - Киев, Минск - Сарны - Киев через Здолбунов шли на запад и на восток немецкие эшелоны. Командование отряда решило "оседлать" Здолбунов. Посланный туда Николай Приходько установил связь с Дмитрием Михайловичем Красноголовцем, бывшим работником железнодорожной милиции, которому было поручено создать падежную подпольную группу. Незадолго до этого Константин Ефимович Довгер порекомендовал привлечь к работе в Сарнах инженера-путейца Мурада Комбалатовича Фидарова, который тоже возглавил группу патриотов. В дальнейшем такие же группы были организованы еще в двух райцентрах и на железнодорожных станциях Костополь и Рокитное.

Однако разведкой всего лишь в одной области Медведев не собирался ограничиваться. Весной 1943 года в Луцк по собственной инициативе для установления контакта с луцкими подпольщиками была направлена Марфа Ильинична Струтинская. Сопровождала ее группа партизан под командованием капитана В. Г. Фролова. В Луцке Струтинской удалось познакомиться с инженером А. Д. Ткаченко, являвшимся членом возникшей там подпольной организации, в рядах которой была девушка редкой смелости и отваги - Паша Савельева.

Организация разведывательных групп шла быстро и успешно, охватывая все новые районы. Но достигалось это иногда дорогой ценой.

Следуя на очередное задание в Ровно, вступил в неравный бой с жандармами Николай Тарасович Приходько и пал смертью храбрых. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Подлые украинские националисты выследили Константина Ефимовича Довгера, скрутили его колючей проволокой и бросили в прорубь под лед.

От рук полицаев погибла Марфа Ильинична Струтинская, успешно выполнившая свое задание в Луцке и возвращавшаяся в отряд с небольшой группой партизан.

Вскоре в отряд пришла Валентина Довгер - дочь Константина

Ефимовича, чтобы заменить отца, отомстить врагу за его безвременную смерть. Вот что рассказывает она сама по этому поводу:

"На рассвете показались землянки. Обменявшись паролем с часовыми, мы подошли к штабной. У ее входа, несмотря на ранний час, стоял высокий, худощавый, подтянутый человек в белом полушубке. Плотно сжатые тонкие губы, пристальный суровый взгляд. Чувствовалась в этом человеке громадная воля, целеустремленность. Слова, которые я хотела сказать Дмитрию Николаевичу, вылетели из головы. Стояла растерянная и не знала, что делать. Не таким я себе представляла командира. Из рассказов товарищей он представлялся иным. Ребята говорили, что он чуткий, добрый, душевный человек. А тогда, в те далекие времена, мне казалось, что все эти качества непременно должны были быть видны с первого взгляда.

Дмитрий Николаевич молча шагнул ко мне, осторожно взял за плечи и вдруг по-отцовски прижал к своей груди, поцеловал в холодный мокрый лоб. Чем-то родным, никогда не забываемым и щемящим сердце повеяло от этого простого человеческого участия. И сразу исчезла робость перед строгим командиром, словно давным-давно была знакома с этим суровым с виду, но таким душевным человеком.

- Я тебя ждал, Валюша, - сказал он и, поддерживая, ввел в землянку. Там потрескивал огонь в печурке, слабо озаряя лица незнакомых людей. Раздевайся, будь как дома, - пригласил Дмитрий Николаевич и тихо-тихо, будто сам себе, сказал: - Знаю, горе большое, ты потеряла самого дорогого человека, утешать не буду, это бесполезно. Думаю, справишься сама. Но пойми - ты не одна. Сейчас тысячи таких обездоленных, и мы отомстим за них! Теперь здесь твой дом, твоя семья. Крепись, Валюша. За твоего отца мы тоже отомстим. - Он помолчал и добавил: - А меня, прошу тебя, если можешь, считай вторым отцом.

В ту минуту я не могла, конечно, понять весь смысл этих слов, но что-то большое, необъяснимое сразу сроднило меня с командиром".

Медведев пытался уговорить девушку заняться в отряде какой-нибудь работой полегче, но она требовала послать ее на самый опасный участок так настойчиво, что Медведев вынужден был согласиться.

И Валю отправили в Ровно. Она сумела быстро подыскать себе там квартиру, прописаться, что было делом весьма нелегким, и устроиться на работу. Командование радовалось и поражалось, с каким удивительным умением эта восемнадцатилетняя начинающая разведчица сумела легализоваться в городе.

Кузнецов стал постоянным гостем у Вали. Она его представляла как жениха.

От Николая Ивановича и других разведчиков стали поступать сообщения, одно интереснее другого, о многих секретных планах и мероприятиях гитлеровцев. На их пересылку уходило слишком много времени - до двух суток, поэтому отряд передвинулся ближе к Ровно. Теперь он находился в полусотне километров от города - в дремучих Цуманских лесах.

Казалось, дела идут неплохо - разведчики пустили глубокие корни в Ровно и его окрестностях. Но Медведев все не мог успокоиться. Его, старого чекиста-разведчика, никогда не покидало чувство бдительности, настороженности, даже тогда, когда дела шли вполне благополучно. Он стремился во всем убедиться сам, проверить все еще и еще раз. Это было естественным стремлением человека, умудренного большим жизненным опытом, которым руководили здравый смысл, точный расчет и отличное знание обстановки. И в то же время в глубине души он оставался неисправимым романтиком - смело шел на оправданный риск, когда этого требовала обстановка.

"Однажды, - продолжает свои воспоминания Валентина Константиновна Довгер, - пришел Кузнецов и вручил мне письмо от Дмитрия Николаевича, в котором тот просил подробно ответить на все его вопросы. Речь шла о прибытии в город самого Медведева!

Не знаю, чем вызвано было это решение. Как сказал мне Кузнецов, Дмитрий Николаевич хотел лично ознакомиться с обстановкой в городе, осмотреть наши квартиры, проследить на месте за нашей работой.

Самой надежной квартирой считалась моя, на улице Ясной, 55. У меня и должен был остановиться Дмитрий Николаевич. Все наши ребята страшно волновались, допытывались, могу ли я гарантировать безопасность командиру.

Волнений было много: еще и еще раз мы взвешивали все "за" и "против", старались предусмотреть все возможные осложнения, составили точный план встречи и пребывания в городе командира. Но кто из нас мог быть уверен, что все пройдет благополучно? Всегда могли возникнуть непредвиденные обстоятельства.

Все мы были пока вне подозрений. На улице Ясной, после многих дней пристального изучения, казалось все спокойно. К приему командира мы подготовились и стали его ждать.

Теперь я понимаю, какой смертельной опасности собирался подвергнуть себя Медведев. Пожалуй, он не имел на это права. К счастью, обстановка в то время сложилась так, что отлучаться из

отряда командиру было никак нельзя, да и штаб выразился категорически против намерения Медведева".

III. "СПАСИБО ТОВАРИЩАМ! ПРОДОЛЖАЙТЕ... РАЗВЕДКУ!.."

1

Разведчики отряда, работавшие в Ровно - а их весной 1943 года было там более двух десятков, - неоднократно сообщали, что в городе расклеивают антифашистские листовки, убивают фашистских солдат и офицеров, совершают диверсии на железной дороге близ города и даже в его черте... Ко всему этому медведевцы отношения не имели. Следовательно, в городе действовала довольно сильная подпольная организация, а может быть, даже не одна - во всяком случае, гитлеровцам наносились ощутимые удары.

Вскоре Николаю Струтинскому удалось установить связь с одной из них. Этой группой руководил партийный работник Терентий Федорович Новак, которого в июле 1941 года Ровенский обком партии, с согласия ЦК КП(б)У, оставил в тылу врага для организации подпольной борьбы. Он сумел войти в доверие к оккупантам, и они назначили его директором фабрики валенок, работавшей на немецкую армию.

Новак оказался рачительным хозяином: работа на фабрике валенок "кипела", а подпольная организация разрасталась - в ней состояло 173 патриота, причем большинство являлось рабочими той же фабрики. Заместителем Новака был Владимир Федорович Соловьев, аспирант Московского нефтяного института, впоследствии возглавивший подпольный центр, а членами подпольного центра - Иван Иванович Луць, его жена Анастасия Кудеша, учительница Ольга Петровна Солимчук и другие.

Фабрика валенок оказалась великолепным прикрытием - она давала материальную поддержку подпольщикам, легализовала их положение. Немецкая администрация была очень довольна фабрикой, которая систематически перевыполняла план - партии валенок шли на фронт без перебоев. Правда, после нескольких дней носки эти валенки разваливались прямо на ногах у солдат вермахта, но слухи о том в Ровно не доходили. А несколько рабочих фабрики по-прежнему тщательно обрабатывали валенки перед отправкой на фронт раствором серной кислоты.

Подпольная группа Новака оказалась действительно не единственной в Ровно. Бок о бок с ней, не зная ничего друг о друге, существовали и боролись еще два отряда советских патриотов - подпольные организации Могутного и Остафова. Разведчикам отряда удалось установить с ними связь.

Под фамилией Могутного скрывался Павел Михайлович Мирющенко, секретарь Ленинского райкома комсомола города

Львова, педагог по образованию. Накануне оккупации он был переброшен в Ровно по заданию ЦК КП(б)У. При оккупантах ему удалось хорошо "устроиться" - он стал директором сельскохозяйственного техникума.

Во главе третьей подпольной организации стоял Николай Максимович Остафов, второй секретарь Сталинского райкома партии города Киева, бывший работник Киевской обсерватории, астроном по образованию, кандидат физико-математических наук. В "устройстве" на работу Остафову повезло меньше, чем Новаку и Мирющенко, - он занимал скромную должность грузчика на почте. Медведев предложил ему уйти в отряд, но он наотрез отказался, избрав самый опасный участок борьбы.

Медведевцы поддерживали тесную связь с ровенским партийно-комсомольским подпольем. Был налажен постоянный обмен полученной разведывательной информацией, осуществлялись совместные боевые операции против гитлеровских оккупантов.

Боролась в Ровно и группа польских патриотов, куда входили Ян Каминский, Мечислав Стефанский, вдова польского офицера Лидия Лисовская, ее сестра Мария Микота и другие. Все они стали разведчиками медведевского отряда и ближайшими помощниками Н. И. Кузнецова, а бывший драгун польской армии Антон Горбовский с помощью Медведева организовал отряд польских патриотов численностью около ста человек, которому поручались операции на участке железной дороги Клесов - Коростень.

Ровенское подполье располагало обширной разведывательной сетью, действовавшей в райцентре Гоще и ряде сел: Бабине, Грушвицах, Колесниках, Мятине, Рясниках, Симонове, Синеве, Тучине, Чуднице, Ямном...

В это же время Николай Струтинский восстановил связь с луцким подпольем, прервавшуюся после трагической гибели Марфы Ильиничны. Во главе луцкого подполья были поставлены братья Измайловы: Виктор офицер-пограничник и Вячеслав - юрист по образованию.

После гибели Виктора и ареста Вячеслава, а также других членов луцкого подполья, группу возглавила бесстрашная патриотка, бухгалтер по профессии, комсомолка Паша Савельева. В группу входила также сестра прославленного героя Великой Отечественной войны генерал-лейтенанта танковых войск Г. Н. Орла - Наталья Николаевна Косяченко. Эта женщина поразительного мужества, выполнявшая самые сложные задания, рисковала не только собственной жизнью, но и жизнью двух своих маленьких дочек. Луцкому подполью тоже удалось наладить

контакты с патриотами в близлежащих от города селах.

К этому следует добавить, что разведчики отряда "Победители" имели своих людей не только в районных центрах Ровенщины, но и на Волыни во Владимире-Волынском, в Горохове, Камень-Каширском, Киверцах, Ковеле, Маневичах и на ряде крупных железнодорожных станций. Таким образом, Ровенщина и Волынь были покрыты густой разведывательной сетью, в которую быстро попадала самая разнообразная военная и политическая информация о противнике, сколько-нибудь заслуживающая внимания.

2

Наиболее ценные разведданные шли в первую очередь от Кузнецова. Вращаясь в компании гитлеровских армейских офицеров и гестаповцев, пользуясь их полным доверием, он узнавал, где и какие немецкие части дислоцируются на территориях Ровенщины и Волыни, какие из них и когда отправляются на фронт и в каком направлении. Николаю Ивановичу удалось получить сведения серьезного военно-технического характера - речь шла о самолетах-снарядах ФАУ-1 и ФАУ-2, производившихся на немецких секретных заводах и предназначенных для бомбардировки городов Англии. Еще весной 1943 года Кузнецову стало известно, что гитлеровское командование готовит небывалую по размаху операцию в районе Курска.

Трудно переоценить важность этих данных. И тем не менее Кузнецов не хотел довольствоваться чисто разведывательной деятельностью, а настойчиво требовал разрешить ему боевые операции по уничтожению гитлеровских палачей. Но Медведев неизменно отвечал: "Продолжайте вести разведку".

И Кузнецов ее вел. Кроме сведений стратегического порядка, разведчик оповещал Медведева и о том, что замышляют гитлеровцы против отряда. В гестапо давно уже было известно о его существовании, но ничего поделать с отрядом они не могли - медведевская разведка раскрывала замыслы гитлеровцев.

Так, в гестапо работала уборщицей девушка Лариса. Задача ее была очень скромной: во время уборки она выбирала из корзин для бумаг использованные листы копировальной бумаги. Таким образом, в руки разведчиков попадало множество копий гестаповских документов, которые легко читались с помощью зеркала.

Очень важные сведения поступали из райцентра Гоща. Через Гощу проходило стратегическое асфальтовое шоссе Ровно - Киев. На окраине городка находилось русское кладбище, напоминавшее собой зеленую рощу, в которой легко было укрыться, а главное -

сюда постоянно заходили люди. Кладбище служило надежной маскировкой: здесь было место явки ровенских подпольщиков, тут хранился архив подполья, но главное - оно являлось важным разведывательным пунктом. Сторож кладбища Николай Иванович Самойлов большую часть дня просиживал у окна своей сторожки и отмечал на бумажке, сколько проехало машин и что они везут.

Медведев надежно "оседлал" также крупный стратегически важный железнодорожный узел Здолбунов. Подпольщики и разведчики, работавшие там, регулярно присылали сводки. В них указывалось не только число прошедших за сутки поездов, но и маршруты - откуда и куда следуют эшелоны, что в них перевозится: если техника, то какая и в каком количестве, если войска, то род и количество, а иногда и наименование частей.

Разведчица Ванда Пилипчук-Ступина вспоминает:

"Как-то на вечеринке у знакомых в Ровно весной 1943 года меня познакомили с неким Владеком Янкевичем. Жила я тогда со своей семьей в Здолбунове. После вечеринки Владек взялся меня проводить, нанял дрожки и отвез домой. По дороге мы условились, что он приедет ко мне с товарищем в ближайшее воскресенье. И действительно, в ближайшее воскресенье утром он приехал в сопровождении Яна Багинского, который представился как работник железной дороги. Оба они были в шляпах, хороших костюмах, шелковых рубашках и галстуках, подобранных с большим вкусом.

Мы пошли гулять. Потом Янкевич извинился и ушел по делам, а я пригласила Багинского в дом. Мы сидели в столовой за столом, и я рассказывала о себе - о том, как год назад фашисты у меня на глазах расстреляли моего жениха, как меня вывозили в Германию и мне удалось бежать, как трудно жить при оккупантах, постоянно чего-то опасаясь, прячась и дрожа. Багинский внимательно меня слушал, облокотясь на стол, борта его костюма немного оттопырились, и я заметила, что из внутреннего кармана у него торчит рукоять пистолета. Я заплакала, подумав, что он служит у немцев, а я чего только о себе не рассказала - скрыть свою тревогу не могла, ведь мне в ту пору было семнадцать лет.

Багинский стал меня успокаивать, а потом, видимо поняв, почему я плачу, сказал:

- Не думайте, что пистолет мне дали немцы. Если бы его дали они, мне не нужно было бы прятать его от вас.

И тут он мне рассказал, что он партизан, их много вокруг Ровно, и предложил работать с ним. А в следующую встречу дал уже задание. Я должна была записывать количество проходивших через Здолбунов поездов и зарисовывать знаки, стоявшие на вагонах, - лошадиные головы, кресты, лопаты, гаечные ключи,

много других изображений. Знаки стояли в правом нижнем углу вагона: квадрат, в нем знак и номер или отдельно знак и отдельно номер.

Железная дорога проходила недалеко от нашего дома. Я ходила к железнодорожному полотну с книгой, в ней лежал листок бумаги и карандаш, и записывала все, что требовалось. Если поблизости появлялись немцы или люди, я уходила. Записанные сведения в тот же вечер передавала Багинскому. Так продолжалось месяца три. Потом обстановка сложилась так, что мне пришлось уйти в отряд. И лишь в отряде я узнала, что настоящее имя Владека Янкевича - Михаил Шевчук, а Яна Багинского - Николай Гнидюк".

Однажды из Здолбунова поступили исключительно важные сведения. Мимо станции проследовали поезда с гитлеровскими солдатами из-под Ленинграда. Шли они в сторону Винницы. В этом же донесении указывалось, что через Здолбунов ежедневно проходит эшелон с пятнадцатью вагонами цемента, а также с платформами, на которых лежат готовые пулеметные гнезда железобетонные колпаки с амбразурами. Указывалась станция назначения Белая Церковь. Это предвещало, что вскоре бои произойдут под Киевом близилось полное освобождение Украины.

Данные были немедленно зашифрованы и отправлены радистами в Москву, а ночью из столицы пришел ответ: "Сведения о поездах через Здолбунов весьма ценны. Спасибо товарищам! Продолжайте интенсивную разведку! Привет".

Луцкие подпольщики не могли, к сожалению, похвастаться сбором таких важных и многочисленных разведданных, как ровенские коллеги, - Луцк стоял немного в стороне от железнодорожной магистрали Ровно - Ковель, сюда подходила лишь небольшая одноколейная ветка со станции Киверцы. Поэтому сколько-нибудь значительные воинские части здесь не останавливались. И тем не менее...

Группе луцких товарищей стало известно, что на станции фашисты сгрузили большую партию каких-то необычных снарядов. Паша Савельева организовала похищение одного из них, который связные доставили в отряд. Это оказался химический снаряд. Его затребовала Москва для срочного выяснения, какими отравляющими веществами он начинен, чтобы своевременно принять меры противохимической защиты. Фашисты, предчувствуя свой близкий конец, могли пойти на применение любых незаконных средств ведения войны. Снаряд был отправлен через линию фронта с тремя разведчиками, так как самолет в то время отряд принять не мог, и благополучно

доставлен в Москву.

Все больше и больше становилось работы у радистов отряда. Сводки из Здолбунова приходили каждые три дня. Почти ежедневно являлись курьеры из Ровно с ценными донесениями от Кузнецова, Струтинского, Гнидюка, Шевчука и других разведчиков. Не проходило дня, чтобы не давали о себе знать ровенские подпольщики, которые вели также интенсивную разведку, а в Гоще, на кладбище, теперь непрерывно дежурили два человека. Поступали сведения и из других городов, железнодорожных станций и сел. Все это требовалось срочно передавать в Москву.

Раньше на связи с Москвой работал один радист, и то лишь раз в день. Теперь приходилось работать одновременно двум-трем радистам. Но вести передачи с территории лагеря мог только один. Другие, чтобы не мешать ему, должны были уходить на расстояние не менее пяти километров под охраной бойцов. Но вообще связь работала бесперебойно благодаря командиру, прекрасному организатору и радисту Лидии Шерстневой.

Однако столь интенсивная радиосвязь не могла остаться незаметной для врага. Как-то Кузнецов сообщил из Ровно, что гестаповцы направили в район Цуманских лесов три автомашины с пеленгаторными установками и карательную экспедицию. Вскоре эти сведения подтвердили отрядные разведчики. Шерстнева предложила довольно простой выход: радисты с рациями расходились на 15 20 километров от лагеря, давали там радиосеанс и снова возвращались. Фашистские пеленгаторы засекали рации в самых разных местах. Каратели эти места окружали, обстреливали и уходили ни с чем. В конце концов Медведеву эта игра надоела, и он приказал захватить пеленгаторы. Правда, это сделать не удалось, но гитлеровцы перепугались и убрались из леса.

Неоднократно гестаповцы пытались засылать в отряд фашистских агентов. Их разоблачали и уничтожали. Но некоему Науменко удалось уйти из отряда после непродолжительного пребывания в нем. Выяснилось, что никаких важных сведений об отряде и его разведчиках этот агент гестапо представить своим хозяевам не мог. Однако Медведев принял необходимые дополнительные меры по обеспечению безопасности разведчиков в городе Ровно.

Но все же гестаповцам с помощью этого предателя каким-то образом удалось выследить в Ровно двух отважных разведчиков - агронома Василия Галузо и сельского учителя Николая Куликова. Дом, где они жили, неожиданно окружили гитлеровцы. Более шести часов вели неравный бой два патриота против наседавших

гитлеровцев. Отважные разведчики погибли, уничтожив до двух десятков фашистов.

Поучительную историю пришлось пережить брату Николая Струтинского Георгию. Он самонадеянно доверился власовцам, якобы намеревавшимся уйти в партизанский отряд, и попал в застенок гестапо.

"Вскоре я был отозван в отряд, - вспоминал Николай. - Исчезновение Георгия явилось большим ударом для всей нашей подпольной группы, ударом непредвиденным, а поэтому особенно чувствительным. Я хорошо понимал, что существование ровенского подполья зависит от поведения Георгия - скажет он гитлеровцам что-нибудь или нет? В гестапо не надо говорить много, достаточно назвать только одну фамилию, только один адрес - и потянется нить арестов.

Медведев слушал меня с каким-то странным выражением лица. Время от времени морщился. Взгляд его был неподвижен. Командир сосредоточенно смотрел на маузер, лежавший на столе. Мне казалось, что он не слышит меня, а думает о чем-то своем. С самого начала он дал мне понять, что хорошо представляет, какую непростительную глупость совершил я вместе с братом, и что детали его не интересуют, а теперь для него важно только одно: что с Георгием, где он? Я смотрел в спокойное лицо командира, в его глаза, в которых застыл этот вопрос, и мне становилось еще более стыдно.

Мы понимали, что в руки гестапо попала огромная и исключительно ценная информация, заложенная в памяти Георгия, и они испробуют все средства, чтобы "достать" ее.

Медведев знал о моем брате все, что знал о нем я. Но он был слишком умудрен опытом, чтобы полагаться на одну только веру. Выслушав меня, немного помолчав, командир, взвешивая каждое слово, начал оценивать обстановку:

- Теперь, Николай, совершенно объективно: нужно отзывать из Ровно подпольщиков, которых знал Георгий? Не спеши с ответом. Еще одна ошибка недопустима. За этих людей отвечаешь ты... Глупо все получилось, глупо, Коля, - добавил он мягко, - людей с таким трудом приобретаем, как же можно их так бездумно терять? Георгий виноват. Я давно замечал, что он ведет себя так, будто хочет выиграть войну один... - в его голосе звучала горькая обида.

Я почувствовал, что глаза мои наполняются слезами. В голове стучала мысль: что же я наделал?

- Разрешите идти? - сказал я глухо, опустив голову.

- Иди... В город вернешься по моему указанию. Пока отдыхай..."

Когда выяснилось, что Георгий Струтинский находится в ровенской тюрьме, Медведев дал Николаю маленький, но увесистый мешочек.

" - Здесь золото, - объяснил он, - попробуй подкупить кого-нибудь из надзирателей. Правда, это не самый надежный вариант, но наиболее безопасный и наименее рискованный. Только найди человека, жадного к деньгам. Золото всегда обладало огромной притягательной силой. Попробуй...

Несколько дней было потрачено на поиски подступов к тюремным надзирателям. Нашли, наконец, людей, согласившихся взять золото и передать его тюремщикам. Но стоило им узнать, что речь идет об освобождении партизана, как они отказывались.

Я был в отчаянии. Шло время. Брата все еще пытали, оттягивая расстрел - последнее, что могло принести ему облегчение..."

Конец этой истории оказался счастливым: разведчикам удалось устроить Георгию побег из тюрьмы. Сидя в удалявшейся машине, Георгий спросил у брата:

" - Коля, а тебе попало от Медведева за этих... ну, за власовцев?

- А почему именно ему должно за это попасть? - спросил сидевший тут же в машине Кузнецов. - По-моему, есть непосредственные виновники. Всем известно, в том числе и Медведеву, что инициатором этой "смелой и блестящей" затеи был ты. И все восторги и благодарности Дмитрий Николаевич оставил для тебя. - Кузнецов лукаво подмигнул Георгию и улыбнулся. Ничего, Жорж, подлечишься, отдохнешь. У тебя еще все впереди..."

Как-то в начале осени 1942 года один из молодых разведчиков привел в отряд щуплого белобрысого мальчугана...

Разведчик этот отбился от своей группы, сутки бродил по лесу, но никак не мог найти дорогу в лагерь. Переночевал в лесу, а на следующий день опять продолжал поиски. Вдруг услышал мычание коров, а вскоре увидел, что на лесной поляне пасется стадо, а возле него на пеньке сидит мальчуган.

Заметив вооруженного человека, он нисколько не испугался, даже как будто бы обрадовался:

- А вы, дядя, партизан? - с надеждой спросил он.

Разговорились. Оказалось, что сам мальчик из села Клесов, расположенного в двадцати пяти километрах, а здесь он нанялся пасти хозяйский скот: мальчик, по существу, остался сиротой - отец давно умер, а мать и старшего брата фашисты угнали в Германию. Звали его Коля Янушевский.

Разведчик спросил у Коли, не сможет ли он раздобыть чего-нибудь поесть. Через полчаса тот вернулся с ближайшего хутора, неся с собой кринку молока и ржаные лепешки. Когда разведчик поел, Коля решительно заявил:

- Дяденька, я хочу в партизаны, возьмите меня с собой!

- Командир заругает, мал ты еще.

Коля промолчал, как будто согласившись с этим доводом. Ночью он провел разведчика на хутор, и тот после двух бессонных ночей крепко уснул в сарае, а Коля похаживал неподалеку, охранял его. На рассвете разбудил и пошел провожать. Разведчик описал ему местность, где находился партизанский лагерь, вместе они отыскали его.

Коля Маленький, как сразу же окрестили его партизаны, чтобы отличить от Кузнецова, Приходько, Струтинского и еще нескольких Николаев, бывших в отряде, с первого же дня стал равноправным членом партизанской семьи.

- Что же ты будешь у нас делать? - спросил его Медведев.

- А что прикажете.

Медведеву понравилась такая сговорчивость юного партизана.

- Вот и хорошо. Будешь пастухом. У нас тоже есть стадо.

- Нет! - твердо возразил Коля. - Скотину я пас у хозяина. А к вам пришел, чтобы немцев бить!

Вначале Колю определили в хозчасть помогать ухаживать за лошадьми. Он все делал с охотой и споро, но чуть ли не каждый день спрашивал, когда ему выдадут винтовку. Для учебных занятий по строевой подготовке винтовку ему выдали, и экзамен он сдал на "отлично". Но работа связного, к которой решило его подготовить командование, требовала куда больше мужества и

смекалки, чем умение просто хорошо стрелять... Пришлось Коле многому научиться. Его назначили курьером связи при Кузнецове.

В первый день, когда Коля пошел в город, Медведев очень беспокоился о парнишке. Но тот благополучно возвратился и принес пакет от Кузнецова.

- Останавливали тебя где-нибудь? - спросил Медведев.

- Останавливали. Но я сказал, как вы меня научили: пустите, дяденька, отца и мать большевики замучили, я милостыню прошу...

Коля стал надежным помощником Николая Ивановича. Как-то тот передал ему важный пакет:

- Скажешь на "маяке", чтобы его срочно передали командиру в лагерь. Дождешься ответа и как можно быстрее возвращайся ко мне.

Коля спрятал пакет в потайной карман и ушел. Но на этот раз все было не так гладко.

Километрах в пяти от Ровно он услышал позади себя окрик: "Хальт!" Оглянувшись, курьер увидел двух жандармов. Видимо, когда он проходил, они сидели в засаде, в стороне от дороги. Коля не растерялся и бросился к лесу. Жандармы открыли огонь. Над головой засвистели пули, но мальчик продолжал бежать, пока не скрылся в лесу.

Пакет, который он доставил на "маяк", содержал сведения чрезвычайной важности...

Ребятишек в отряде прибавлялось, и Медведев не препятствовал этому: дети смягчали сердца суровых партизан, а это было крайне важно - не очерстветь сердцем.

Вначале в отряде появился семилетний Пиня, чудом спасшийся из ровенского гетто. Он сделался предметом общей заботы - все считали своим долгом, возвратившись с очередного задания, принести ему нехитрый гостинец. После того, как Пиню очередным самолетом отправили в Москву, многие о нем тосковали.

Пришли в отряд со своей матерью Марфой Ильиничной младшие Струтинские. Васю, как и Колю Маленького, вначале определили в хозчасть, смотреть за лошадьми. Ему это не понравилось, и он ходил надутый. Но потом смирился с должностью адъютанта своего отца, который был замечательным хозяйственником, и носился по лагерю со всякими поручениями. Другим адъютантом Владимира Степановича стал второй его сын, одиннадцатилетний Слава, а племянница Ядзя работала поварихой.

Дочь Струтинских, пятнадцатилетнюю Катю, сначала определили в санчасть. Она вскоре приметила, что многие

раненые с трудом переносят грубую партизанскую пищу. Катя обратилась прямо к Медведеву: невкусную пищу готовят раненым. Надо для них организовать специальную кухню.

- Специальную кухню? - удивился Медведев. - А кто же будет там поваром? Ведь для этого нужно...

- А хоть бы и я, - предложила Катя, - а что?

- Ну, хорошо.

Так, по инициативе Кати Струтинской, в отряде появилась специальная кухня при санчасти для раненых и больных.

Катю назначили главным поваром, а в помощь ей дали двух партизан пожилого возраста. Она готовила очень хорошо - больные и раненые всегда просили добавки, но девушка на этом не успокоилась. Она договорилась с братьями Николаем и Георгием, чтобы они, бывая в Ровно, непременно достали ей поварскую книгу на любом языке: польском, украинском или русском всеми ими Катя владела. После того, как книгу удалось достать, юный шеф-повар изощрялась в приготовлении редких блюд, если, конечно, позволяло наличие продуктов.

4

Весной 1943 года Москва наконец разрешила Кузнецову совершать акты возмездия над гитлеровскими заправилами в Ровно.

Первым, кто должен был получить по заслугам, - главный палач советских людей на Украине, сам гаулейтер Эрих Кох.

Кох обычно отсиживался в Восточной Пруссии, откуда был родом. А тут неожиданно обстановка сложилась благоприятно: через знакомого из свиты гаулейтера удалось добиться аудиенции. Кох согласился принять фронтового офицера Пауля Зиберта и его невесту Валентину Довгер. Офицер ходатайствовал об освобождении девушки от трудовой повинности в Германии. Во время встречи Кузнецов и собирался стрелять в гаулейтера.

Но для совершения акции требовалось разрешение командования отряда. К счастью, в этот вечер на квартире у Вали Довгер появился Коля Маленький. Войдя в комнату, он, ни слова не говоря, распорол потайной карман штанишек. Мальчик еле держался на ногах: за два дня он прошел шестьдесят с лишним километров от "маяка" до города. Коля принес письмо с указанием установить, какие из стоящих в районе Ровно вражеских частей представляют особый интерес.

Валя усадила мальчика за стол, но он, едва притронувшись к еде, уснул. Его перенесли на диван. И всего какой-нибудь час, пока Кузнецов писал подробное письмо командиру, Коля смог поспать. Нужно было торопиться: курьеру предстояло дойти до нашего лагеря и возвратиться в самый короткий срок, к тому

времени, когда Кузнецова и Валю вызовет к себе рейхскомиссар. Это могло случиться очень скоро.

Валя негромко окликнула Колю. Тот не проснулся, она окликнула его громче. Мальчик, как по команде, вскочил, протер глаза.

Кузнецов протянул ему письмо:

- Спрячь!

Когда он ушел, Кузнецов проговорил задумчиво:

- Вот вам и Маленький...

Отвага и выносливость Коли Янушевского хорошо были известны в отряде.

На аудиенции у Коха Кузнецов увидел, что охранявшие его эсэсовцы с овчаркой вряд ли дадут ему выстрелить. Зато Кузнецов получил весьма ценные разведывательные данные от самого Коха: из беседы с ним проницательный разведчик понял, что гитлеровцы в ближайшем будущем готовят грандиозное наступление на Курской дуге. Информация об этом была немедленно передана в Москву. Сведения о замыслах гитлеровского командования, полученные непосредственно от Коха, после его недавнего пребывания в ставке Гитлера, имели важнейшее значение.

Кузнецов сумел расположить к себе гаулейтера, и тот распорядился освободить "невесту заслуженного лейтенанта" Валентину Довгер от насильственного угона в Германию и зачислить ее на работу в рейхскомиссариат как фольксдойче - лицо немецкой национальности, проживающее не на территории рейха.

Кох вскоре уехал в Германию и больше оттуда не возвращался. Но справедливое возмездие ожидало других гитлеровских палачей на Украине.

Среди бела дня на улицах города Ровно Кузнецов совершил акты возмездия над имперским советником генералом Гелем и его адъютантом; заместителем гаулейтера генералом Паулем Даргелем; заместителем имперского комиссара Украины по общим вопросам генералом Германом Кнутом; главным судьей оккупированной Украины обер-фюрером СС Альфредом Функом; похитил командующего карательными войсками на Украине генерала фон Ильгена...

- Как поживает генерал фон Ильген? - спросил однажды Медведев, прогуливаясь за чертой лагеря по лесу. Он часто совершал такие одинокие прогулки, о чем-то сосредоточенно размышляя. Теперь ему составил компанию Кузнецов, только вчера вернувшийся из Ровно в отряд на короткий отдых.

- Благоденствует: отправил со своим адъютантом и четырьмя

"казаками" двадцать чемоданов награбленного добра "нах фатерлянд". Грозится ликвидировать всех партизан в районе на сто километров от Ровно и похваляется, что скоро будет беседовать с вами у вас в лагере.

В глазах у Медведева заиграли озорные искорки:

- А что, эта идея мне нравится. Может быть, предоставим ему такую возможность? Красть нехорошо, - назидательно продолжал он, - но кражу фашистского генерала нам в Москве, думаю, простят.

Кузнецов мгновенно уловил мысль командира и усмехнулся. Некоторое время он молчал, что-то прикидывая в уме, а потом сказал:

- Считаю, что это реально. В задачу войск генерала Ильгена входит борьба с партизанами. Никто лучше его не знает численность этих войск, их дислокацию и ближайшие планы. Беседа с ним будет интересной...

Через три дня Кузнецов отправился в Ровно...

Вот что рассказывал об этой операции Николай Владимирович Струтинский.

План похищения генерала Ильгена разрабатывался тщательнейшим образом. Наблюдение за ним вели Лидия Лисовская и Майя Микота. Они информировали Кузнецова о малейших подробностях жизни генерала. А непосредственное участие в операции принимали сам Струтинский, Ян Каминский и Мечислав Стефаньский.

Разведчицы сообщили, что, кроме денщика, в доме генерала никого нет, его охраняет один часовой, который меняется каждые два часа, а Ильген является не раньше 16 часов.

В 14.00 Струтинский на "адлере" подъехал к дому Яна Каминского, где его ждали Кузнецов и Стефаньский, одетые в форму офицеров рейхскомиссариата Украины. Струтинский был в форме солдата вермахта. Около 16 часов "адлер" подъехал к генеральскому особняку, все вышли из машины. Завидев немецких офицеров, часовой вытянулся, все беспрепятственно вошли в дом. Через минуту Кузнецов вышел и приказал часовому отдать винтовку и каску Струтинскому, а ему велел следовать за собой. В доме денщику и часовому объявили, что "господа немецкие офицеры" - советские партизаны и если изменники хотят жить, то должны помочь. В этой острой ситуации те колебались недолго. Под диктовку Кузнецова денщик написал на листке бумаги: "Мне надоело прислуживать немцам. Ухожу в партизаны. А чтобы не скучал без меня господин генерал, беру его с собой в лес".

До прихода генерала оставалось мало времени, кроме того,

скоро должна была произойти смена караула, о чем напомнил часовой. Ему поверили и возвратили на пост. И как раз вовремя - к особняку подъехал "мерседес". Из него вышел высокий, крепко сложенный генерал-майор, "мерседес" уехал.

В доме Кузнецов, козырнув генералу, объявил, что тот арестован. От неожиданности генерал растерялся. Партизаны окружили его, связали руки, вставили кляп и предупредили, что его доставят через два дня по назначению, если он будет вести себя благоразумно. В противном случае уничтожат на месте.

Из особняка первыми вышли Стефаньский, Каминский, Струтинский и денщик. За ними Кузнецов вел Ильгена со связанными руками. Но как только все оказались на улице, генерал резким движением корпуса оттолкнул от себя Кузнецова, вырвал руки из петли, выплюнул изо рта кляп и стал призывать на помощь. Партизаны снова молниеносно набросились на него, сшибли с ног. Ильген отчаянно сопротивлялся: он сильно ударил Кузнецова ногой в живот, до крови укусил Струтинского за руку.

На крик генерала к месту происшествия поспешило несколько офицеров, оказавшихся вблизи особняка. Положение стало критическим: многие офицеры лично знали Ильгена, среди бросившихся на помощь могли оказаться и такие. Но Кузнецов не растерялся: на голову генерала он набросил полу его шинели и, когда подоспели офицеры, козырнув, представился как офицер СД. В подтверждение он предъявил гестаповский жетон и объяснил, что им задержан партизанский бандит, переодевшийся в немецкую форму и пытавшийся пробраться в генеральский особняк. Офицеры, конечно, были возмущены происками "партизана".

Казалось, все окончилось благополучно. Но Кузнецову этого было мало. Он предложил офицерам предъявить документы и, установив, что один из них является личным шофером Коха, решил взять его с собой в качестве "понятого". Перегруженный до предела "адлер" заревел и тронулся с места... Разведчики благополучно добрались до "маяка".

Медведеву лично не удалось побеседовать с Ильгеном: обстановка сложилась так, что генерала невозможно было доставить с "маяка" в отряд. Однако его допрашивал Кузнецов и получил ценнейшую информацию.

Каждая из операций по уничтожению гитлеровских ставленников на Украине заранее разрабатывалась командованием отряда. Большую инициативу, смелость, мужество, находчивость и настойчивость в их осуществлении проявил Н. И. Кузнецов. Все эти смелые до дерзости операции Николай Иванович Кузнецов совершал с Николаем Струтинским

и другими партизанами. Принимали участие в их подготовке Валентина Довгер, Лидия Лисовская, Майя Микота.

Успешно действовали и партизаны-подпольщики. Ими был составлен список главарей украинских националистов, активно сотрудничавших с гитлеровцами и окопавшихся в Ровно. Девятнадцать этих предателей понесли заслуженную кару за свои злодеяния. Их ликвидировали Николай Поцелуев и Федор Кравчук. Несколько акций по уничтожению гитлеровских палачей в Луцке совершили Николай Григорьев-Громов и Виктор Измайлов.

Наступила пора активных разведывательных и боевых действий и для всего отряда. Из Москвы поступила радиограмма о том, что в ближайшее время ожидается крупная переброска гитлеровских войск с запада на восток через Ковель. Предлагалось максимально активизировать диверсионную деятельность на указанном участке.

Медведева это вполне устраивало: он давно думал, как лучше обмануть гитлеровцев, ввести их в заблуждение по поводу местопребывания отряда. Отправка группы за полтораста километров от Цуманских лесов под Ковель как нельзя лучше способствовала такому замыслу. Командиром этого небольшого самостоятельного отряда в сорок человек был назначен старый чекист и давний друг Медведева Владимир Григорьевич Фролов. Он должен был вести в заданном районе разведку, а замечательный подрывник, инженер-лейтенант Константин Маликов - совершать диверсии на железной дороге, действуя одновременно четырьмя группами. Причем разведчики должны были предварительно сообщать подрывникам точные данные о находящихся на станциях эшелонах.

Перед отправлением отряда Медведев напутствовал уходящих:

- Вам хорошо известно, что против небольших групп разведчиков гитлеровцы устраивают засады из двух-трех сотен солдат с пулеметами. Вам известно также, что стоит нам дать о себе знать, как против нас высылаются крупные части карателей. Не любят и боятся нас гитлеровцы. Но нам сейчас невыгодно с ними драться. Значит, надо, чтобы враги не знали, что вы часть нашего отряда. Нигде, ни одному человеку не говорите об этом. Не говорите даже об этом между собой. Забудьте мою фамилию, забудьте фамилию Фролова. Он также достаточно хорошо известен вражеской агентуре. С сегодняшнего дня зовите Фролова "дядя Володя" или просто "товарищ командир".

Отряд "дяди Володи" пробыл под Ковелем около трех месяцев, взорвав за это время 17 эшелонов и несколько мостов.

Были разосланы в разных направлениях еще несколько диверсионных групп, которые действовали в радиусе двухсот километров от отряда. Долгие недели и даже месяцы гитлеровцы совершенно не могли себе представить, где же теперь находится неуловимый отряд полковника Медведева. Впрочем, что уж говорить о гитлеровцах, если даже опытный партизан, Герой Советского Союза А. П. Бринский, сам возглавлявший разведывательный отряд, впоследствии вспоминал: "...Медведев, ведя главным образом разведывательную работу... так замаскировался, что о нем мало кто знал". А встреча с соединением дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака произошла случайно. Командир одного из полков этого соединения П. Е. Брайко вспоминает:

"Когда ковпаковцы вошли в густые Цуманские леса - часов в семь утра, - кто-то обстрелял Глуховский отряд, уже начавший располагаться на дневку. Перестрелка возникла, как шквальный порыв ветра. Кульбака скомандовал было в ответ: "Огонь!" Но по звуку ответных автоматов бывалые ребята поняли: рядом - свои.

- Да, это не немцы и тем более - не бандеровская "самодеятельность", - согласился с разведчиками Петро Леонтьевич Кульбака.

- Чистая работа! - заметил его начштаба Лисица. - А ну, разберитесь на месте, хлопцы. Пусть там прекратят огонь!.. Оказалось, это были медведевцы, принявшие сначала ковпаковцев за противника - из-за их трофейных мундиров. Теперь бойцы из разных отрядов братались, радуясь встрече. А скоро с визитом к Медведеву прискакали комиссар Семен Васильевич Руднев и Петро Петрович Вершигора.

Небольшой, но очень активный, чисто разведывательный отряд Медведева произвел на них сильное впечатление. Медведев дал ковпаковскому командованию ценные сведения, необходимые для дальнейшего продвижения по Ровенщине. Возвратившись, "Борода" (Вершигора) и комиссар долго восхищались увиденным:

- Вот это да!

- Это работа! Высший класс. Какие там есть люди!.."

К слову сказать, теперь, десятилетия спустя после Великой Отечественной войны, приятно вспомнить, что братьев по оружию, партизан Ковпака и Руднева, медведевцы приняли с большой сердечностью.

Сам Петро Петрович Вершигора об этой встрече вспоминал потом:

"Высокий, стройный, худощавый, в военных коверкотовых бриджах, с двумя орденами Ленина на груди, подтянутый, Медведев на первый взгляд производил впечатление человека,

только что прилетевшего с Большой земли.

Второй год бреется каждое утро в тылу врага этот совсем не партизанского вида командир. Непривычный для нас запах одеколона дразнит ноздри. Месяцев двадцать назад где-то на Центральном фронте пересек он немецкие оборонительные рубежи, прошел Брянщину, Орловщину, Белоруссию и Украину, а бриться не переставал, белые воротнички не растерял, не сгорбился, не одичал в лесах и болотах, ставших для него жильем и местом трудной работы.

Штаб Медведева - такие же подтянутые партизаны. Исключение составлял толстяк в одежде, вахлаковато сидящей на его грузной фигуре. Как узнал я позже, это был помощник командира отряда по разведке - Лукин. Карманы оттопырены, они всегда полны разных бумажек. Он словоохотлив. По крайней мере, со мной. После того, как Медведев, познакомив нас, сказал: "Все, что интересует на юге, на западе и востоке, в зоне ста пятидесяти километров, можете узнать у него", - Лукин молча вопросительно поднял брови, и Медведев кивнул ему:

- Все, что интересует товарищей. Все! Понятно?

Я отмечаю про себя: "Подчиненные Медведева привыкли держать язык за зубами. Пожалуй, такое приказание они слышат от него впервые".

Уже после войны Вершигора рассказал Медведеву, как помогли ковпаковцам при следовании через Западную Украину эти данные о селах, в которых обосновались националисты. Соединение Ковпака благополучно, не тратя лишнего времени и сил, миновало эти села.

Медведев постоянно вел разведку во всех направлениях вокруг отряда. Он внимательно следил за скоплениями националистов и их передвижениями. Обычно командир всегда стремился нанести удар первым, не позволяя им накопить где бы то ни было значительных сил. Так было в бою и в селе Берестяном, в котором автор этих строк принимал участие, как боец.

К селу мы подошли затемно и тихо залегли на опушке. Берестяны расположены посреди поля, окруженного лесом. Стояла теплая, туманная ночь. На преющем насте чуть влажных листьев лежать было тепло и уютно невероятно тянуло ко сну. Мы спасались тем, что каждые две-три минуты дергали друг друга за руки и тормошили.

Но вот начало сереть. В предрассветном тумане едва вырисовывались расплывчатые контуры отдельных хат, метрах в трехстах от нас. Проступало из мглы и убранное поле перед нами. И вдруг я увидел, как от этих хат отделилось несколько

человеческих фигур. Они двигались по направлению к нам. Эти вооруженные винтовками люди шли, попыхивая цигарками и непринужденно переговариваясь, не подозревая о нашем присутствии. Цепь зашевелилась, дрему как рукой сняло.

"Огонь!" - прозвучала команда.

Грохнул залп. Бандиты пригнулись и скачками помчались к селу. Два-три из них свалились и остались лежать. Остальные добежали до села.

Мы встали и ринулись вперед по полю. Накануне меня зачислили в пулеметный расчет, и теперь я тащил с четвертым номером "максим". Пулемет был старый, видавший виды. У него отвалилось колесо. Пришлось его нести. Наконец мы вышли на огневой рубеж. Залегли. "Максим" дал короткую очередь и затих. Я начал стрелять из своего карабина. И снова мы поднялись и побежали.

Казалось, около самых ушей что-то повизгивало. Я не сразу сообразил, что это были пули. А когда понял, подумал почему-то, что они летят не со стороны противника, а с нашей, посланные теми, кто бежал за мной, и, стало быть, не могут причинить мне вреда.

В какое-то мгновение я попытался разобраться, страшно мне или нет? Но эти мысли, не успев даже четко оформиться, тонули в море недоумения: что же такое бой и к чему все это приведет? И нужно было выполнять все то, что приказывал командир взвода. На бегу он часто останавливался, что-то кричал, жестикулировал. Глаза его налились кровью и, обычно тусклые, теперь лихорадочно блестели. Но мы и сами понимали, что нужно не отставать и не слишком вырываться вперед.

Слева, недалеко от меня, в полный рост бежал Толя Чернобай. Он то и дело останавливался и, действуя ручным пулеметом, как автоматом, давал прямо с рук короткие очереди. "Вот дает! - подумалось мне. - А ведь у нас в институте на курсе Толя был самым скромным и тихим парнем, всегда оставаясь как-то в тени". И тут я почувствовал, что задыхаюсь, потому что бегу пригнувшись. Выровнялся в полный рост. Бежать стало легче. Наконец мы ворвались в село. Бандиты не выдержали нашего удара и бежали. Человек семьдесят сдались в плен, с полсотни оказалось перебито.

Все время меня не покидала смутная тревога: кого-то я искал глазами среди товарищей, не находил и никак не мог понять, кого же мне нужно? И только когда услышал, как один из бойцов сказал, что убит мой товарищ Левко Мачерет, понял, кого ищу.

Командир первого взвода Гриша Шахрай был ранен. Он потерял много крови и выбыл из строя. Командование принял

помкомвзвода Мачерет. Он вырвался вперед. Бандиты сосредоточили огонь на нем. Пришлось залечь. Когда подоспели остальные подразделения роты, Левко поднялся в полный рост и крикнул: "За Родину! За Сталина! Вперед!" В то же мгновение пуля попала ему в подбородок и вышла навылет из темени - мгновенная смерть. Взвод пошел в атаку, а два бойца подняли его тело и отнесли на телегу.

Мы двигались по лесу в лагерь. Ребята, возбужденные боем, наперебой рассказывали друг другу, что с кем произошло. Я слушал отдельные фразы, воспринимал их словно издалека и все не отрывал взгляда от телеги, поскрипывавшей немного впереди. На ней лежало непривычно длинное тело Левко, прикрытое плащ-палаткой. Было, должно быть, около полудня - солнце стояло высоко. Но Левко его уже не видел и не увидит никогда. Всего два десятка лет довелось ему глядеть на золотой диск.

На следующий день утром я зашел к Володе Ступину. Насупившись, он гравировал на цинковом листе, вырезанном из патронного ящика, надгробную табличку. Вверху на ней искусно были изображены орден Отечественной войны и медаль "Партизану Отечественной войны"...

Вскоре за чертой лагеря, на небольшой полянке, окаймленной могучими вековыми соснами, безмолвно выстроился в каре весь отряд. В центре свежая могила. Рядом с ней, на высокой земляной насыпи, завернутые в белые парашютные полотна, лежали три погибших во вчерашнем бою партизана Мачерет, Петренко, Семенюк. Тут же стояли Медведев, Стехов и работники штаба.

Сергей Трофимович вышел вперед:

- Товарищи! Сегодня мы хороним трех дорогих наших друзей... Лежат они смирно, словно в строю стоят, но никогда уже не встанут, не пойдут плечо в плечо в партизанскую атаку. Трудно примириться с этой мыслью...

Вот Левко Мачерет. Наш Левко. Он был замечательный человек: простой, непосредственный и честный парень. Никогда не лукавил, все, что было на уме, он бесхитростно и прямо высказывал всем. Любил людей, стихи и часто мечтал. Мечтал о человеческом счастье. Мечтал возвратиться в Москву и написать книгу об отряде, о своих друзьях. И не удалось. Теперь мы хороним его и его мечты... Но свой солдатский долг он выполнил до конца. А если бы на мгновение пожертвовал долгом ради себя, если бы не поднялся под огнем первым сам и не поднял взвод в атаку, может быть, и остался жив.

Потом Стехов говорил о Петренко и Семенюке. А я все смотрел на торжественное, восковое лицо Левко. На середине его

подбородка запеклась небольшая круглая ранка. Снова был солнечный ветреный день. Вершины сосен шумели протяжно и глухо. Но тут, на поляне, цепенело затишье, словно ветер не решался нарушить скорбную минуту. Лишь изредка он прокрадывался среди стволов и чуть шевелил золотистые кудри Левко.

Наконец тела положили в общую могилу. Медведев и Стехов бросили первые горсти земли, и сразу же десяток лопат засыпали ее. Вкопали три столбика, увенчанные красными звездами. Подровняли холмик. Медведев взмахнул рукой: грянул троекратный салют. И все... Разошлись по подразделениям.

5

По-видимому, ковпаковских командиров поразила не только исключительная дисциплинированность медведевцев, образцовый порядок и четкость во всех делах, но и высокий духовный накал их жизни. А этому вопросу Медведев уделял особое внимание...

Образцом офицерской доблести и чести были прежде всего он сам и его помощники. В тылу врага для партизан они являлись главными полпредами Родины.

Говорил Медведев мало, но каждое его слово было для партизан непреложным законом. "Полковник считает, что нужно сделать так..." И все делалось именно так, как сказал Медведев, который любой случай, любое событие в отряде всегда умел использовать в воспитательных целях.

Однажды небольшая группа бойцов на десяти пароконных подводах отправилась на мельницу, чтобы запастись мукой. По дороге они нос к носу на узкой лесной просеке встретились с эсэсовцами-карателями. Ехавший на передней подводе с пулеметом испанец Пересс открыл огонь и первыми же очередями убил командира и начальника штаба эсэсовского батальона. Гром пулемета на тихой лесной дороге был настолько неожиданным для немцев и наших заготовителей, что и те и другие бросились бежать: немцы в одну сторону, партизаны - в другую.

Пересс стрелял до тех пор, пока не израсходовал все патроны. Расстреляв боеприпасы, пулеметчик собрал оружие, брошенное немцами, взял документы убитых эсэсовцев и пошел следом за партизанами.

Поверить в то, что один партизан обратил в бегство две сотни карателей, было трудно, но бумаги, взятые Перессом у убитых командира и начальника штаба, не оставляли никаких сомнений: все было именно так, как рассказывали незадачливые заготовители. Партизаны добродушно подтрунивали над рассказчиками. Но Медведев побледнел от гнева:

- Позор! Как вы могли оставить товарища одного? Почему

бежали, заячьи души?! А если бы каратели залегли или бросились за вами?

Веселое настроение мигом сменилось запоздалым раскаянием...

Образцом воинской доблести и бесстрашия был комиссар Сергей Трофимович Стехов. Комиссар рвался в бой всегда. Медведев его обычно не пускал, придерживал, но иногда делал исключение: бойцы должны были видеть своего комиссара в рядах сражающихся. Комиссар на линии огня, впереди, когда отряду трудно, - это было убедительнее самых хороших политбесед и призывов. Вне лагеря партизаны называли Медведева между собой Полковником или Командиром. Стехова - товарищ Комиссар.

Безусловно, командир и комиссар обладали недюжинными педагогическими способностями, и, возможно, сложись их судьба по-иному, они были бы блестящими педагогами.

Отряд цементировала партийная организация из пятидесяти коммунистов. Даже в самых трудных условиях, между боями, собирались партийные и комсомольские собрания, слушались доклады. Направляющая воля партии определяла боевую деятельность и жизнь отряда, помогала командиру и его штабу действовать смело и решительно в любой момент, постоянно удерживать инициативу в борьбе с врагом, осуществлять тесную связь с советскими людьми на временно оккупированной территории.

Партизаны отряда Медведева хорошо уяснили себе слова замечательного учителя их командира - Феликса Эдмундовича Дзержинского о том, что чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками. Тот, кто стал черствым, не годится больше для работы в ЧК. В отряде была значительная прослойка людей образованных, интеллигентных, и командир с комиссаром очень тактично, исподволь сумели сделать так, что этот актив вел за собой большинство, среди которого встречались люди, зачастую получившие весьма скромное образование, а иногда и просто малограмотные - местные крестьяне Западной Украины, для которых при панской Польше двери школ редко открывались.

Желание расширить кругозор людей малообразованных, заронить в их души стремление к культуре, знаниям было присуще Медведеву с юных лет, еще когда он учился в гимназии.

...Простейшими формами воспитательной работы в отряде были живая газета, когда партизаны во время отдыха делились впечатлениями об очередных боевых операциях и текущих делах, и выпуск боевого листка, отражавшего самые насущные вопросы

жизни партизан.

Вести с Большой земли - центральная пресса, особенно газета "Правда" - вызывали неизменно огромный интерес у партизан. Доставляли газету, естественно, с большим опозданием самолеты из Москвы вместе с оружием, боеприпасами и обмундированием. И тем не менее живой пульс Родины доходил к медведевцам в дремучие Цуманские леса. Газеты хранились у Стехова, и он по очереди распределял их по подразделениям. Зачитывались они до дыр.

В короткие часы досуга у костра партизаны вспоминали эпизоды довоенной жизни, рассказывали содержание любимых книг, читали на память стихи, вполголоса пели песни. Конечно, это не могло утолить книжный голод. В окрестных селах книги почти не встречались. В самом отряде были лишь "Витязь в тигровой шкуре" Шота Руставели, привезенный Стеховым из Москвы в полевой сумке, "Гамлет" Шекспира на английском и русском языках у Альберта Цессарского, тоненький сборник стихов Эдуарда Багрицкого у подрывника Макса Селескериди да несколько десятков листков из книги рассказов Чехова. И тогда командиру роты старшему лейтенанту Базанову пришла на ум счастливая мысль. Он раздобыл толстую черную тетрадь в картонном переплете и каждому предлагал записать в нее все то, что кто-либо знал на память. Так постепенно был создан своеобразный "чтец-декламатор", который с приходом новых людей постоянно пополнялся. Он поражал своим разнообразием: тут было все - от народных песен до высочайшей, утонченнейшей поэзии, шедевров мировой литературы.

И наконец, самодеятельные концерты. Их любили все, а Медведев и Стехов особенно поощряли. Устраивались они обычно на праздники - в дни годовщины Октября и на Первое мая. Большую их часть занимала литературная программа. Для одного из них молодой литературовед Григорий Шмуйловский готовил сцену из "Гамлета", в которой принимали участие Цессарский, Базанов и Селескериди, а сам он играл Офелию, так как среди партизанок на эту роль не нашлось желающей. Впрочем, он утешал себя тем, что во времена Шекспира женские роли исполняли мужчины.

Максим Селескериди до войны был слушателем арбузовской театральной студии в Москве и прекрасно читал Сельвинского, Пастернака, Суркова.

Врач отряда Вера Павлова, парашютистка, дочь известного болгарского коммуниста Тодора Павлова, читала Блока, Лесю Украинку, ее соотечественник Асен Драганов - стихи болгарских поэтов.

Разведчик Владимир Ступин, студент Московского архитектурного института, прекрасно пел русские романсы и сам писал стихи - ему принадлежало авторство "Песни комсомольской роты", являвшейся боевым маршем медведевцев.

Испанец Паулино Гонсалес читал монолог жениха из "Кровавой свадьбы" Лорки. Стихи и песни на своих языках исполняли испанцы, болгары, поляки, чехи, украинцы, белорусы, грузины, осетинцы, армяне, казахи, узбеки... В отряде были представители тридцати национальностей!

Незабываемы воспоминания о том, как я сам первый раз прибыл в отряд.

Произошло это в конце лета 1943 года. Партизанский лагерь в то время находился километрах в семидесяти на северо-восток от города Луцка.

Все здесь казалось необычным - и люди, по большей части молодые, увешанные оружием, и конусообразные шалаши, а главное то, что жили партизаны весело и довольно шумно. Никто не сидел под кустами и не прятался в непроходимых зарослях, как представлялась мне партизанская жизнь. Я с жадностью присматривался ко всему, прислушивался к каждому слову, мне хотелось как можно скорее сжиться со всем этим бытом, сделать его своим, привычным. Но в то же время меня не покидало смутное чувство ожидания чего-то очень важного, быть может, решающего в моей жизни, отчего временами становилось тревожно, как перед экзаменом. И когда среди деревьев мелькнула высокая фигура, я как-то сразу ощутил, что вот именно это - то самое, очень важное, чего я ждал. Я понял, что увидел командира отряда Медведева, хотя мне об этом никто не говорил. Он тоже заметил меня и кивнул.

Я быстро направился к нему, за несколько шагов, как полагается по уставу, перешел на строевой шаг и, приложив руку к полям фетровой шляпы, доложил по всей форме, кто я и откуда. В глазах Медведева на мгновение заплясали насмешливые искорки, но он не улыбнулся и ничем не показал, что я кажусь, наверно, смешным здесь, в лесу, в своей шляпе и изрядно поношенном черном костюме с претензиями, однако, на элегантность. Тогда я, конечно, не думал об этом. Мне хотелось как можно скорее доложить командиру о работе луцкого подполья и об обстановке, сложившейся в городе. И я продолжал:

- Разрешите доложить, товарищ полковник...

- О чем еще? - спросил он.

- Об обстановке...

- К сожалению, не могу вас выслушать. Сейчас вы отправитесь на штабную кухню номер два, там вас накормят, потом вы

отдохнете, а уж потом мы продолжим наш разговор.

Я сделал протестующее движение, собираясь сказать, что с едой могу повременить, но командир предупредил меня:

- Такова у нас традиция, нарушать которую никто не имеет права. - И он совсем по-дружески, но настойчиво промолвил: - Идите.

На момент я задержался. Где-то в подсознании промелькнуло нечто похожее на разочарование: там, в Луцке, командир отряда представлялся мне косматым могучим старцем с громоподобным голосом, ведь фамилия-то Медведев! А встретил стройного, моложавого военного.

Надо сказать, что о партизанах отряда Медведева среди населения Волыни и Ровенщины ходили легенды, многие из которых, кстати, были недалеки от истины. Называли их "Медведями", говорили, что они бесчисленны, очень сильны, вездесущи и неуловимы. "Медведи" бесстрашно разгуливают по оккупированным городам, проникают в любые оккупационные учреждения, даже в гестапо, и беспощадно карают оккупантов и предателей. Очень многие хотели попасть к "Медведям". Но как их разыскать? И тут возник слух, будто "Медведи" носят под рукавом на запястье левой руки железную цепочку, к которой прикреплен медвежий коготь.

Я, конечно, понимал, что это не более чем романтический вымысел, но он в значительной степени соответствовал моему собственному душевному настрою, и мне, как члену луцкой подпольной организации, действовавшей по заданию командования отряда Медведева, очень лестно было представлять себе медведевцев и их командира какими-то необыкновенными героями.

И вот теперь командир "Медведей" стоял передо мной. Сдержанная уверенная сила исходила от него и передавалась мне. Все мои тревоги разом исчезли - я безоговорочно поверил в этого человека и твердо знал, что отныне моя судьба в надежных руках: с таким ничего не страшно, хоть в огонь и в воду!

И я направился к кухне. А вскоре убедился, что прием, оказанный мне, был вовсе не исключением, а действительно одной из многих прекрасных традиций медведевского отряда: встретить новичка человеческим теплом, накормить, дать отоспаться, отогреть душу у ночного костра в сердечной беседе с товарищами, предоставить человеку возможность обрести себя после долгих месяцев оккупационного режима, прежде чем вручить ему оружие, сделать активным бойцом.

Здесь заботились о человеке не на словах, а на деле. Как-то хмурым осенним днем, когда по желтым осиновым листьям

уныло и сонно шелестел затяжной дождь, нашей роте было приказано построиться. Раздалась команда: "Смирно!" - и командир роты подбежал к Медведеву, который неожиданно вдруг возник из-за деревьев. Он принял доклад, скомандовал: "Вольно!" - и направился вдоль строя, внимательно изучая нашу обувь. В общем, это было малопривлекательное зрелище, но особенно бросались в глаза ботинки одного партизана, состоявшие лишь из верхней части, подошва в них отсутствовала вовсе. Медведев остановился, потом посмотрел на ноги командира роты, а тот как раз недавно справил себе в хозчасти щегольские хромовые сапоги.

- Разуйтесь! - приказал ему полковник. Тот снял сапоги. - А вы примерьте, - предложил он владельцу ботинок. - Как, впору, не жмут?

- Никак нет, товарищ полковник!

- Вот и носите на здоровье.

Командир роты стоял красный как рак - он уже все понял.

- Разойдись! - скомандовал Медведев и стал о чем-то беседовать с командиром роты.

К первым заморозкам все мы были обуты более или менее прилично. Себя командир роты обеспечил в последнюю очередь.

К тому времени, когда я пришел в отряд, традиции медведевцев прочно сложились и являлись неписаным уставом повседневной жизни партизан. В первую очередь это были, конечно, традиции боевые, но и своеобразный партизанский быт являлся тоже традиционным, и в нем сказывалось исключительное умение командира и комиссара максимально использовать для общего дела способности и профессиональные навыки отдельных людей.

Первый самолет с Большой земли медведевцы приняли неудачно - помешал туман, и машина при посадке получила такие повреждения, что подняться в воздух уже не могла. Летчики, к счастью, не пострадали. Решено было снять с самолета все, что возможно, а затем сжечь его. Снят был, в частности, и крупнокалиберный турельный пулемет. Но возник вопрос, как его использовать, как приспособить в качестве пехотного оружия? Медведев вызвал к себе сержанта Григория Шахрая. Изучая анкетные данные своих подчиненных, он запомнил, что Шахрай до войны работал слесарем в ЦАГИ.

- Сможешь с ним сладить? - спросил Медведев.

- Постараюсь, товарищ полковник!

И вскоре Шахрай соорудил для пулемета тяжелый лафет на колесах от телеги. Пулемет использовался в основном во время диверсий на железной дороге, главным образом против

паровозов. Паровозный котел он превращал в решето и при этом производил чудовищный грохот, нагоняя на немцев невероятную панику.

Испанец Ривас никак не мог найти себе применение в отряде - щуплый, физически слабый, он не способен был нести боевую службу наравне с другими. При переходах он так уставал, что его приходилось сажать на повозку вместе с ранеными. В конце концов ему предложили отправиться обратно в Москву с первым же самолетом, который прилетит в отряд. Ривас с горечью согласился.

Однажды он увидел, что один из партизан возится с испорченным автоматом. Испанец подошел, посмотрел и предложил попробовать отремонтировать оружие - по специальности Ривас был авиационным механиком. Оказалось, что в диске автомата лопнула пружина. Ривас отыскал в хозчасти сломанный трофейный патефон, вытащил из него пружину и пристроил ее к автомату. Оружие вернулось в строй.

Этот случай принес испанцу славу оружейного мастера, и к нему потянулись партизаны с "больным" оружием. Разведчики достали для него тиски, молотки, напильники, щипцы, и Ривас целыми днями пилил, сверлил, резал. Множество испорченного оружия всех систем и марок стало действовать. Так нашелся в отряде оружейный мастер.

Запасы тола в отряде быстро истощались, его явно не хватало. Однажды разведчики обнаружили штабеля брошенных немецких снарядов. Медведев поручил Маликову и Шахраю попытаться их использовать в качестве взрывчатки. Маликов быстро сумел наладить весьма опасное производство, которое партизаны окрестили "фабрикой Маликова".

Человеку малосведущему в этом деле могло показаться, что партизан, занимавшийся выплавкой тола, попросту отлынивал от службы. Сидит у костра, помешивает самодельной кочергой головешки под огромным котлом и покуривает. Те, кто знал, что варится в котле, считали, что опаснее и труднее работы вообще нельзя придумать: после такой работы у людей седели волосы.

Добытчик тола должен был внимательно следить за тем, чтобы вода в котле нагревалась постепенно, чтобы костер был не большим, не жарким, чтобы огонь не лизал пузатые стенки котла, не покрытые водой, и не доставал своим языком тела снаряда. В противном случае...

Николай Струтинский замечательно подражал голосам лесных обитателей. Как он рассказывал, в панской Польше его подростком взял к себе на службу богатый помещик в качестве "казачка". Помещик этот был страстным охотником и постоянно

брал с собой Колю - парнишка таскал за хозяином тяжелую сумку с патронами и ружье. Вот тут он и узнал лесные голоса, вскоре научился их различать и, обладая тонким слухом, искусно подражать им.

В отряде искусство Струтинского быстро нашло применение. Разведчиков, дежуривших на "маяке" и приходивших в отряд, Струтинский тоже научил подражать птичьим голосам, и, подходя к "маяку", разведчики подавали условный сигнал и получали соответствующий отклик.

После длительного и тяжелого перехода отряда из-под станции Толстый Лес в Рудню-Бобровскую обувь у многих партизан пришла в полную негодность. Надвигалась зима. Обувная проблема казалась неразрешимой...

Однажды боец Петр Королев попросил у своего командира взвода отпустить его на полчаса в лес.

- Зачем? - спросил тот.

- Липу драть, - ответил боец, - на лапти.

Командир в недоумении пожал плечами, но отпустил Королева. Через полчаса тот действительно вернулся с полосами лыка. Он устроился на пеньке, свил два сборника, вырезал из дерева колодку.

Уроженец Рязанской области, он хорошо владел этим старинным ремеслом. Собравшиеся зрители поражались, как ловко Королев плетет. Через час он уже примеривал готовые лапти. Командир взвода повертел их в руках и, не говоря ни слова, удалился. Вскоре он вернулся и сказал:

- Твоя работа, товарищ Королев, одобрена. Комиссар Стехов просил сплести ему пару лаптей. Одновременно дал приказание всем командирам взводов выделить по два человека и направить к тебе на обучение.

Через пару дней многие партизаны ходили уже в новеньких лаптях. Так на первое время была разрешена проблема обуви.

Постепенно в хозчасти образовалась целая портновская мастерская недостатка в квалифицированных портных не было. В ней шили всё - начиная от тонкого шелкового белья из распоротых парашютов и кончая фуражками воинского образца.

А первоклассный львовский портной, который находился некоторое время в гетто и шил фашистским офицерам мундиры, а затем бежавший в медведевский отряд, сшил по всем правилам немецкий мундир для Кузнецова.

Наладилось и производство колбасы, и, надо отдать справедливость, по вкусу она превосходила лучшие фабричные колбасные изделия того времени. Конечно, не ради роскоши и прихоти занялись этим делом в отряде. Разведчики уходили из

отряда на неделю, на две. По нескольку человек постоянно дежурили на "маяке". Им надо было питаться, а заходить в села за продуктами не разрешалось. Необходимо было им дать что-то с собой, кроме хлеба. Вареное мясо быстро портилось, и люди жили впроголодь. Производство колбасы явилось блестящим выходом из создавшегося положения. Специалисты колбасные мастера - нашлись.

Сидор Артемьевич Ковпак, приехавший в гости к Медведеву, был удивлен, увидев на столе копченый окорок, сосиски и колбасы. А узнав, что медведевцы все это делают сами, тотчас прислал несколько своих партизан для обучения.

Вообще вопросам питания командование отряда придавало большое значение. Боеспособность партизан находилась в прямой зависимости от здорового, по возможности, сытного питания. На должность повара в отряде мог попасть далеко не всякий - он должен был уметь готовить вкусную и разнообразную пищу, по большей части из скудных продуктов.

Особой заботой пользовались раненые и больные желудочными болезнями. Таких было немало среди бывших военнопленных, бежавших из фашистских лагерей, - там гитлеровцы кормили людей гнилыми отбросами. В отряде для них организовали специальную диетическую кухню, куда отдавали лучшие продукты из тех, что удавалось достать.

Хлеб пекли сами. Мука, конечно, попадалась редко. Поэтому мололи зерно на ручных жерновах, которые возили с собой. Крутили жернова, как правило, проштрафившиеся партизаны: это была физически очень тяжелая, но общеполезная работа. Так выглядела наша гауптвахта. Товарищи над ними незлобно подшучивали, да и сами получившие взыскание к своему положению относились обычно с юмором. Что и говорить - хлеб в отряде был трудовым и трудным в полном смысле этих слов.

В свободное от дел время, а такового почти не было, талантливый художник Гриша Пономаренко делал беглые зарисовки нашего житья-бытья, а Боря Черный - фотографии. Впоследствии Пономаренко написал ряд волнующих полотен, удивительно точно передающих дух той далекой, легендарной поры нашей молодости и лесного братства.

Самым сложным в партизанском быте оказалось соблюдение личной гигиены. Летом мылись в ручьях и реках. Зимой ограждали небольшую площадку хвойными ветвями, в середине зажигали два костра, на которых в железных бочках грелась вода. Мылись между кострами - вот и вся нехитрая партизанская баня.

Соблюдался строжайший уход за ногами. "В ногах вся сила партизана, без них он не боец". А при постоянных длительных

маршах огромную угрозу сулили потертости. Единственное средство их избежать - как можно чаще мыть ноги. За этим строго следили и нерадивых наказывали.

Располагаться в селах партизаны избегали из-за боязни всевозможных эпидемий. А жизнь в лесу зимой комфорта не создавала. Посреди утепленного конусообразного шалаша, с отверстием для дыма вверху, горел костер, который все время поддерживали дневальные. Спали ногами к костру, головой - к стенке чума. Подошвы подгорали. Волосы, если шапка сваливалась с головы во время сна, иногда примерзали к жердям, образующим стены помещения. За считанные часы сна по нескольку раз приходилось вставать: греть голову и остужать ноги.

Злейшими врагами являлись насекомые. С блохами боролись двояким способом: как только в лагерь приезжали разведчики на взмыленных лошадях, со всех сторон к ним устремлялись партизаны, бросая на спины разгоряченных животных верхнюю одежду. Блохи не терпят запаха конского пота и выпрыгивают из одежды. Был и второй способ: зимой следовало отойти в укромное место, раздеться догола и бросить белье на чистый снег. Непонятно, по каким соображениям, но блохи моментально выпрыгивали на снег.

Гораздо хуже дело обстояло с платяными вшами, которых называли почему-то "бекасами". Обычно прожаривали одежду у костра, вши летели в огонь и вспыхивали яркими искрами. Но это помогало ненадолго. И все же случаев тяжелых инфекционных заболеваний в отряде почти не было - доктор Цессарский всегда был начеку.

6

7 ноября 1943 года в нашем отряде состоялся большой самодеятельный концерт. Из длинных сосновых бревен, расколотых пополам, партизаны смастерили грубые, но прочные подмостки. Читали стихи, пели песни соло и хором, исполняли народные танцы и показывали акробатические этюды.

Часов в одиннадцать вечера, когда концерт продолжался при свете костров, из села Берестяны, расположенного от лагеря в семи километрах, прискакали конные разведчики и доложили, что туда прибыли крупные силы гитлеровцев. Это был передовой отряд карательной экспедиции самого бригаденфюрера СС Гейнца Пиппера - "мастера смерти", как фашисты называли эсэсовского генерала за его многочисленные кровавые расправы, которые он учинил над мирными жителями Франции, Польши, Чехословакии...

О том, что он собирается уничтожить "Победителей",

Медведев был заблаговременно предупрежден Кузнецовым.

Собственно, отряд мог незаметно сняться и спокойно уйти. Такой маневр никого не удивил бы, ведь по заданию Центра мы должны были заниматься разведкой, а не ввязываться в крупные бои. Но обстановка складывалась так, что весь период пребывания нашего отряда на Ровенщине, кроме разведки, был до предела насыщен боевыми действиями: засадами, ударами по гарнизонам противника, диверсиями на железных и шоссейных дорогах, боями с карателями, актами возмездия над фашистскими главарями. Днем и ночью из расположения отряда одна группа уходила, другая возвращалась и нередко тотчас отправлялась на выполнение нового задания или несла караульную службу по охране лагеря. Естественно, что боеприпасов у нас не хватало, особенно к трофейному оружию, да кроме того наступала зима, а мы были плохо одеты и обуты. Не сомневаясь в благоприятном исходе, командование решило принять бой, чтобы за счет трофеев пополнить боезапас и экипировать бойцов.

Медведев поднялся на подмостки и обратился к бойцам:

- Товарищи! Получены сведения, что завтра с утра на нас пойдут каратели. Но мы уходить не будем. Останемся верными нашей боевой традиции: сначала разбить врага, а потом уходить!

Мы ответили дружным "ура!" На рассвете 8 ноября, двигаясь вдоль узкоколейки из села Берестяны, каратели подошли к восточной заставе нашего лагеря, но, встреченные энергичным огнем, остановились.

В отряде в это время насчитывалось около восьмисот человек: четыре строевые роты, два отдельных взвода - разведки и комендантский, штаб, санчасть и хозчасть.

Как только восточная застава открыла огонь, по плану Медведева к ней была выдвинута первая рота старшего лейтенанта Базанова, которая вступила в бой с основными силами противника, намного превосходившими ее. Рота образовала левый фланг обороны и прикрывала северо-восточную часть лагеря. Часть четвертой роты лейтенанта Волкова поддерживала роту Базанова на левом фланге, часть ее заняла оборону на правом фланге.

С первых минут Медведеву стало ясно, что бой предстоит тяжелый, что противник очень силен и вымуштрован. Но он верил в своих бойцов так же, как и они верили в него, и знал, что каждый из них стоит троих, а то и пяти гитлеровцев.

Особенно наседали фашисты на левом фланге, видимо здесь наметив место прорыва. Атака велась ими двумя цепями: первая цепь, пройдя некоторое расстояние, ложилась; за ней следовала

вторая, проходила через первую и тоже ложилась; затем снова вставала первая, шла через вторую и так далее. При этом огонь гитлеровцы вели бешеный - патронов не жалели. Ответный огонь наших станковых и ручных пулеметов лишь на время прижимал к земле атакующих. Затем слышалась немецкая команда, цепь поднималась, продолжая атаку. У нас с боеприпасами дело обстояло туго, мы берегли каждый патрон, огонь вели только прицельный, косили фашистов изрядно, но это их не сдерживало, и нам приходилось бросаться в рукопашные контратаки. В довершение ко всему каратели открыли артминометный огонь по лагерю.

Вскоре противник пошел в обход нашего правого фланга, прикрывавшего восточную и южную стороны лагеря. Навстречу ему был брошен взвод Владимира Ступина из первой роты, который сдержал натиск эсэсовцев.

Зато на левом фланге положение с каждым часом становилось все напряженнее: кое-где противник потеснил первую роту в сторону лагеря, его артиллерия все точнее пристреливалась к нему. Медведев приказал срочно эвакуировать санчасть и раненых. Он спокойно расхаживал со Стеховым по небольшой полянке, в накинутой на плечи длинной шинели.

- Обстановка, Сергей Трофимович, мне кажется вполне ясной - она не в нашу пользу. Противник взял нас в клещи, и мы вынуждены вести оборонительный бой, требующий много патронов, а их нет.

- Партизаны носят свою оперативную базу в самих себе, и каждая операция по их уничтожению кончается тем, что объект ее исчезает. Я думаю, что до темноты мы все же продержимся. А в сумерки уйдем.

- Продержимся ли?.. Нам нужно вырвать инициативу у противника, лишить его главного преимущества - артминометных средств.

- Что ж, - задумчиво ответил комиссар, - выход, по-моему, есть. Надо послать в тыл карателям одно из подразделений, нащупать их артиллерию и заставить ее замолчать.

- Кого предлагаете?

- Давайте снимем с охраны лагеря вторую роту лейтенанта Виктора Семенова. Очень решительный и беззаветно храбрый командир.

- Добро!

Около полудня Семенов начал свой обходной маневр в направлении села Берестяны.

Тем временем противник усилил нажим на правом фланге, то есть на четвертую роту, и, хотя не пытался ее обходить, а

атаковал в лоб, сдерживать его стоило больших усилий: у нас патроны кончались, а гитлеровцы били из пулеметов длинными очередями, не давая нам поднять головы. Положение с каждым часом становилось все тяжелее: было уже много раненых и несколько человек убитых.

Из первой роты дали знать, что патроны на исходе и станковый пулемет уже молчит. Ей на помощь послали комендантский взвод. Но через некоторое время оттуда сообщили: патронов почти нет, присылайте, иначе не выдержим.

Смеркалось. Бой длился уже более десяти часов. Стрельба приближалась к самому лагерю, мины давно уже разрушали землянки. А о роте Виктора Семенова ничего слышно не было. В дело вступил последний резерв легкораненые, но фашисты наседали все настойчивее.

В шестом часу вечера Медведев отдал приказ: готовить обоз, грузить тяжелораненых и штабное имущество, а сам, с остатками комендантского взвода, направился на центральный участок обороны, чтобы распорядиться об отходе с боем.

И вот в самый критический момент, когда казалось, что бой проигран, с той стороны, с которой стреляли вражеские пушки и минометы, отчетливо раскатилось партизанское "ура!", а затем орудийная стрельба внезапно прекратилась. Через несколько минут снова заговорили немецкие минометы, но уже по гитлеровцам...

Растерянность и паника охватили карателей: бросая оружие, они стали разбегаться. Партизаны устремились в погоню.

Рота Семенова блестяще справилась с поставленной перед ней задачей. Выйдя из лагеря и пройдя несколько километров на север, а затем свернув на восток, вторая рота оказалась перед большой поляной, на противоположной стороне которой виднелись телеги с лошадьми и люди. Как раз в эту сторону роте и следовало двигаться, так как, судя по звукам, где-то в том направлении находилась артминометная батарея противника. Чтобы не обнаружить себя, Семенов приказал переползти поляну по-пластунски, и рота неожиданно появилась перед группой крестьян. Они оказались жителями села Берестяны, которых каратели мобилизовали для подвоза боеприпасов к месту боя.

Семенов послал разведчиков. Вскоре те вернулись и доложили, что батарея противника совсем близко. Осторожно пробравшись лесом, бойцы Семенова вплотную подошли к другой поляне, на которой расположились пушки, минометы, а чуть поодаль от них - большая палатка, возле которой сновали офицеры. Здесь находился командный пункт карателей с радиостанцией, откуда осуществлялось руководство боем.

Семенов разделил свою роту на две группы и с криком "ура!" внезапно атаковал батарею и штаб одновременно. Орудия прекратили огонь, подразделения карателей лишились управления. Девятнадцать офицеров штаба и сам "мастер смерти" - генерал Пиппер были убиты.

После этого начался окончательный разгром карателей. Никогда - ни до, ни после - не приходилось видеть мне, чтобы хваленые фашистские солдаты так метались в ужасе. Их преследовали и добивали оружием и прикладами. Вой стоял в лесу - гитлеровцам не было пощады... А ведь перед выходом из Ровно Пиппер, подобно Ильгену, хвастался, что будет разговаривать с Медведевым в его лесном лагере. И на этот раз беседа не состоялась по не зависящим от Пиппера причинам.

Когда Медведеву доложили о действиях Семенова, он сказал:

- Достоин высшей награды!

Лишь к одиннадцати часам вечера все собрались в лагере.

Командование не сомневалось, что каратели завтра с новыми силами пойдут в наступление и начнут бомбить лагерь с воздуха. Стало известно, что со станции Киверцы, расположенной в трех десятках километров, продвигается другая фашистская колонна. Решено было сняться и уйти на новые места.

Однако нельзя было прерывать работу разведчиков в Ровно и других городах и селах. Поэтому в Цуманских лесах Медведев оставил небольшую группу под командованием молодого, но уже опытного и способного разведчика Бориса Черного. Ее снабдили рацией, а также всеми необходимыми бланками немецких документов, соответствующими печатями и деньгами. Черный должен был вести работу на "маяках" и сообщать Медведеву о всех событиях по радио, а от него принимать очередные указания.

Из всех 118 боев, проведенных нашим отрядом, это был самый тяжелый: мы потеряли двенадцать человек убитыми и тридцать ранеными. Похоронив товарищей, стали собираться в поход. А это теперь было не так просто: мы отбили у карателей огромный обоз из ста двадцати телег, груженных оружием, боеприпасами и обмундированием. Взято было также: три 37-миллиметровые пушки, три батальонных и восемь ротных минометов, десятка полтора пулеметов, много автоматов, винтовок, пистолетов, гранат...

По захваченным штабным документам удалось установить, что в карательный корпус генерала Пиппера входило более трех полицейских батальонов СС - две с половиной тысячи человек, из которых около шести сотен было уничтожено в бою, остальные разбежались.

Так "Победители", руководимые Медведевым и Стеховым,

одержали свою самую крупную победу над гитлеровцами, так проявился их талант как военных руководителей, так на деле выглядела традиционная русская партизанская тактика: разгромить и уйти, а затем вступить в бой на новом месте.

А в партизанской песне, сложенной в отряде, появились новые строфы:

Вел бойцов от победы к победе,
На огонь отвечая огнем,
Наш железный полковник Медведев,
Непреклонный чекист-военком.
Хоть враги и бесились от злости,
Но отряд рос и крепнул в боях,
И хрустели фашистские кости
В партизанских медвежьих руках.
А жандармы-ищейки отметят,
В панихиде ноябрьских ветров,
Октября двадцатишестилетье
Шестьюстами дубовых крестов.

IV. РЯДОМ СО СТАВКОЙ ГИТЛЕРА

1

Зимой 1941/42 года областной центр Винница стал глубоким тылом пока еще наступавших фашистских войск. И в это время в лесу, в семи километрах от города, с восточной стороны Коло-Михайловки гитлеровские саперные части начали сооружать объект, зашифрованный под наименованием "Вервольф" (оборотень). Строительство велось военной организацией "Тодт" под руководством имперского советника Классена и берлинского гестапо.

Вскоре стало известно, что оккупанты сооружают ставку Гитлера на Восточном фронте. К весне 1942 года работы были завершены, а в начале лета Гитлер появился в ставке.

Винницкое советское подполье возглавлял в это время бывший политработник органов НКВД, коммунист Трофим Корнеевич Кичко, проживавший в городе по документам учителя Самсонова.

И он сам, и его товарищи по подполью прекрасно понимали, какое важное военное и политическое значение имели те сведения о "Вервольфе", которыми они располагали. Но как их передать на Большую землю, сделать достоянием советского командования? Ни винницкие подпольщики, ни местный партизанский отряд имени В. И. Ленина, с которыми они были связаны, радиопередатчика не имели. Нужно было найти какой-либо другой партизанский отряд с рацией. Но где и как его искать?

Поиски продолжались довольно долго и, к сожалению, безуспешно. В конце концов на помощь патриотам пришла, как ни странно, некая фашистская газетенка "Заря", издававшаяся в Виннице в период временной оккупации. В одном из ее номеров в заметке под названием "Большевистская агентура разгромлена" говорилось, что крупный партизанский отряд какого-то Медведева, действовавший в лесах в районе города Ровно, якобы полностью уничтожен специальной карательной экспедицией. Самсонову показалось, что где-то недавно он уже читал об уничтожении партизанского отряда под Ровно. А спустя неделю фашистская газета "Дейтше централь цейтунг" снова сообщила о новых боях с партизанами в том же районе. После этого винницким подпольщикам стало ясно, что гитлеровцы не могут справиться с ровенскими партизанами, а сообщения об их разгроме - очередная ложь.

Услышав фамилию Медведева, Самсонов вспомнил высокого, стройного, черноволосого человека, которого он встречал летом 1936 года в одесском санатории имени Дзержинского. Конечно, фамилия очень распространенная, а возможно, это был псевдоним партизанского командира, и все же... Тогда, семь лет назад, чекисты, отдыхавшие в санатории имени Дзержинского, с уважением говорили о Медведеве...

Ровно провозглашалось "столицей" оккупированной Украины, там находилась резиденция гаулейтера Коха - об этом Самсонов знал, а чутье старого чекиста подсказывало ему, что советская разведка, бесспорно, должна была проявить повышенный интерес к этой "столице". И у Самсонова и его соратников возникло твердое решение: во что бы то ни стало установить связь с ровенским отрядом.

У подпольщиков группы Самсонова была связь с винницкой типографией. Типографскую группу возглавляла Полина Ивановна Козачинская. Организовала эту связь героиня винницкого подполья Лариса Степановна Ратушная, незадолго до этого бежавшая из фашистского концлагеря. Она же рассказала Самсонову о том, что гитлеровцам изрядно доставалось в стычках с отрядом Медведева. Ей, в свою очередь, поведал об этом один из бывших партизан этого отряда, который был заключен в тот же лагерь. Теперь Самсонов не сомневался, что напал на верный след, и винничане решили послать на поиски отряда Козачинскую, которая добилась от своих "хозяев" командировки в город Ровно за новым рычагом для линотипа - старый она умышленно сломала.

На третьи сутки путешествия по железной дороге Козачинская познакомилась с двумя людьми, одетыми в

немецкую форму, хотя на немцев они были мало похожи. Смуглая кожа и черные волосы говорили о том, что они представители народов Востока. Это были разведчики-медведевцы Кулиев и Дзгоев, работавшие под видом солдат из так называемого "Туркестанского легиона". После долгих разговоров и проверок они доставили Козачинскую в отряд.

Однако разговор, который начался у нее с Медведевым, скорее походил на допрос. Дмитрий Николаевич ясно понимал: малейшая неосмотрительность, любой опрометчивый шаг могли привести к крупному провалу, грозили гибелью многих людей, воевавших в стане врага, - ведь уже неоднократно фашисты засылали в отряд своих лазутчиков... И какое бы хорошее впечатление ни производила Козачинская, и то обстоятельство, что она приехала за несколько сотен километров, ничего не меняло - все это могло быть всего лишь хитростью врага. В Ровно у отряда были свои люди: любой человек, пришедший в отряд оттуда, мог быть сразу проверен ровенскими разведчиками. А кто разоблачит лазутчика, приехавшего из Винницы?

Медведев послал в Москву радиограмму с полученными от Козачинской дополнительными данными о ставке Гитлера. В то же время он просил навести справки о Самсонове, которого Козачинская называла руководителем винницкого подполья и который, по ее словам, работал до войны в аппарате ЦК КП(б)У. Неделю спустя пришел ответ: "Сведения о Виннице представляют большой интерес. Ищите новые возможности их проверки и детализации. Личность Самсонова внушает подозрения. В списках бывших работников ЦК КП(б)У такой фамилии нет".

Это сообщение потребовало дополнительной проверки Козачинской. На вопрос Медведева, почему данные о Самсонове не подтверждаются, она ответила, что, может быть, Самсонов - это псевдоним, а настоящей его фамилии она просто не знает. (В целях конспирации Кичко себя не назвал.) И все же было решено отправить Козачинскую назад в Винницу, дав ей для проверки ряд контрольных поручений: проверить личность Самсонова, собрать дополнительные данные о ставке Гитлера, установить, какие именно воинские части противника находятся в Виннице, где расположены военные объекты, выяснить также, чем занимаются подпольные группы, и, что очень важно, найти и доставить в отряд врача-хирурга.

А месяц спустя разведчик Дмитрий Лисейкин привел в отряд мальчика лет одиннадцати, который твердо заявил, что будет разговаривать только с самим командиром Медведевым.

По словам Лисейкина, мальчишка этот несколько дней кряду вертелся в Ровно около одной из часовых мастерских, как раз той,

где была явка медведевских разведчиков. Когда его спросили, чего он здесь вертится, он прямо заявил, что ищет партизан Медведева. Столь откровенное заявление, конечно, смахивало на провокацию, хотя возраст "провокатора" не давал оснований так думать. Решили парнишку задержать и при первой возможности отправить в отряд. Так и поступили.

Когда мальчика привели к Медведеву, он спросил, действительно ли тот Медведев, и, получив утвердительный ответ, заявил, что у него есть к нему секретное дело. Затем снял шапку, распорол подкладку и протянул ему письмо, напечатанное на машинке на ткани: "Податель сего, сын секретаря парторганизации отряда имени Ленина, Володя Саморуха, послан с заданием разыскать отряд Медведева..."

Командир партизанского отряда имени В. И. Ленина просил сообщить в столицу о том, что такой отряд существует, действует, но не имеет радиостанции и поэтому не связан с Москвой. Далее командир давал свои координаты, назначал дни и условные сигналы для того, чтобы из Москвы прислали самолет и сбросили им груз с радиостанцией. В заключение письма следовала еще одна просьба: отправить Володю в Москву.

Появление Володи Саморухи лишний раз свидетельствовало, как настойчиво ищут связи с отрядом товарищи из Винницы. Оказывается, юный разведчик, разыскивая отряд Медведева, шел пешком пятнадцать суток! Прошел он около пятисот километров. Ночевал то в лесу, а то и в каком-нибудь сарае. Питался тем, что подавали люди. Когда его спрашивали, откуда он, Володя говорил, что родители его убиты и он идет к тетке. Эта "тетка" каждый раз меняла свой адрес. В районе Проскурова мальчик рассказывал, что тетка живет в Шепетовке, в Шепетовском районе утверждал, что тетка его в Ровно. В городе мальчик бродил несколько дней, пока не присмотрелся к часовому мастеру.

- Почему же ты решил, что этот мастер знает партизан? - спросил у него Медведев.

- Так показалось, что знает. Да если бы он гадом оказался, я все равно убежал бы.

Медведев в тот же день послал связного в Винницкий отряд имени В. И. Ленина. Впоследствии по координатам, которые были доставлены Володей и переданы Медведевым по радио в Москву, самолет из Москвы сбросил рацию и другие грузы, необходимые партизанам.

Володя Саморуха совершил настоящий подвиг, проявил поразительные для его возраста мужество и интуицию.

Не случайно стал он потом капитаном дальнего плавания.

Собрав необходимые сведения и получив согласие хирурга профессора Ф. М. Гуляницкого стать партизанским врачом, Козачинская начала готовиться снова в путь. Самсонов сообщил ей свою настоящую фамилию - Кичко, и отважная разведчица вместе с профессором в середине сентября 1943 года отправилась в медведевский отряд. На этот раз ей удалось получить в типографии месячный отпуск, благодаря чему она могла задержаться в отряде до октября.

Медведев был доволен: Козачинская успешно выполнила контрольные задания, доставила опытного хирурга, в котором партизаны очень нуждались, на запрос о Кичко из Москвы пришло подтверждение, что до войны он действительно работал в аппарате ЦК КП(б)У, а затем в органах НКВД.

Дмитрий Николаевич отлично понимал, что Винница может дать много ценных разведывательных данных. Но для этого следовало укрепить ее подполье и проинструктировать людей, на какие вопросы в первую очередь обращать внимание, как собирать сведения и каким образом их передавать. Одним словом, речь шла о посылке в Винницу инструктора.

Выбор Медведева пал на Григория Филипповича Калашникова, инженера по образованию, до войны работавшего в промышленном отделе ЦК КП(б)У. Посланный в начале Великой Отечественной войны на строительство Киевского укрепрайона, Калашников был ранен и попал в плен. Гитлеровцы бросили его в лагерь военнопленных. Но ему удалось бежать и вступить в ряды ровенского подполья, где он небезуспешно руководил одной из групп, а затем был отозван в отряд. Отправка людей на ответственные и рискованные задания в отряде никогда не осуществлялась в приказном порядке. Человеку лишь предлагалось выполнить то или иное задание. Он мог всегда от него отказаться, а тайна отказа гарантировалась. Правда, насколько известно, таких случаев не было - уже одно то, что командование доверяет человеку выполнение сложного задания и в случае необходимости считает его способным к самопожертвованию, являлось величайшим почетом.

Сделав предложение Калашникову, Медведев не торопил его с ответом. И только когда тот по истечении некоторого времени согласился, командир перешел к серьезному разговору:

- Помните, Григорий Филиппович, работать бок о бок со ставкой Гитлера - риск огромный. И - скажу вам откровенно - очень мало шансов на благополучный исход... А конкретно по делу вот что... У меня такое впечатление, что винницкие товарищи действуют смело, самоотверженно, но не всегда достаточно продуманно и профессионально, не всегда умеют

подготовить операцию... Что там ни говорите, при хорошо поставленной конспирации невозможны массовые провалы, а они у них были. Учтите их горький опыт: никаких собраний, никаких протоколов и списков. Организацию лучше всего строить, пожалуй, по принципу "куриной лапки", то есть тройками. В случае, если один палец отрубят, не пострадают остальные. С вами должен быть связан лишь очень узкий круг людей, да вам и не обязательно знать всех и каждого. Будьте осторожны во всем. Особенно держите в узде молодежь. Она горяча и задириста. Это, конечно, хорошо, но если это без меры - беда...

Организацию перестраивайте вокруг Самсонова - руководить должен он. Вы же будете нашим представителем, уполномоченным отряда. Самсонов, так же как и вы, был в свое время на партийной работе. У вас наверняка найдутся общие знакомые. Но помните: тайная война имеет свои законы. Вполне возможно, что Самсоновым уже заинтересовалось гестапо. Если это так, то и вы немедленно попадете под "колпак". Ни на минуту об этом не забывайте.

Кстати, еще одно: вы уже знаете, что наш отряд связан не только с ровенскими, луцкими и здолбуновскими подпольщиками. И всюду, во всех организациях, одно: как только становится известно, что есть связь с партизанами, большинство подпольщиков требуют отправить их в отряд. Люди хотят активной борьбы, это законное желание. Но отправлять надо только тех, кому грозит арест или чье пребывание в городе становится бесполезным. Партизанские отряды Винничины сами обеспечат себя пополнением, а пополнить подполье куда труднее.

На второй день после беседы в штабе Калашников и Козачинская собрались в путь. Отбывающие получили от командования пароли и отзывы, а ночью Калашников с документами инженера фирмы "Гербаум Гештелле" на имя Григора Полищука в обществе линотипистки из винницкой типографии сел в поезд, идущий по направлению к Виннице. В дороге на людях они должны были представлять супружескую пару.

В первых числах ноября 1943 года "инженер Полищук" и "пани Козачинская" прибыли в Винницу, а спустя несколько дней состоялась встреча с Кичко-Самсоновым. Калашников передал ему письмо Медведева, в котором говорилось:

"Дорогие товарищи!

О существовании и деятельности вашей организации мы получили весьма скудные сведения от тов. К. Нам известно, что за последнее время вашу организацию постигли тяжелые неудачи - провалы товарищей. Это не должно сковывать вашу активность.

Теперь, когда Красная Армия пошла в генеральное наступление, ваша помощь, помощь патриотов Родины, но вражеском тылу особенно необходима и, конечно, должна возрастать, а не ослабевать.

Вы обязаны сейчас мобилизовать все ваше внимание, все ваши связи и возможности для разложения и деморализации отступающего врага.

В соответствии с имеющимися у меня директивами Центра, сообщаю вам, что основное ваше внимание и ваша активность должны быть направлены сейчас на диверсионную работу. Взрывайте, жгите, разрушайте все, что можете, особенно объекты, имеющие важное стратегическое значение. Этим вы усилите деморализацию и панику в стане врагов и поможете наступающей Красной Армии.

Вам необходимо также проводить глубокую разведывательную работу, используя для этой цели весь ваш актив и обширные связи. Нужно выявлять и вести учет всех представителей антисоветских групп и формирований, выявлять тайную агентуру, оставляемую и посылаемую фашистами в освобожденные Красной Армией районы. Собирайте сведения обо всех минируемых врагом при отступлении зданиях, мостах и др. объектах.

Провалы, которые потерпела ваша организация, - результат отсутствия должной осторожности и конспирации, особенно в ваших условиях, где усиленно работает агентура гестапо. Чтобы в дальнейшем избежать провалов или хотя бы свести их к минимуму, вам необходимо строить организацию по принципу троек-пятерок. Если провалится одно звено, остальные будут вне подозрений. Между отдельными звеньями, в зависимости от их возможностей, распределите функции и участки работы.

Дальность расстояния и существующий режим не позволяют мне повседневно руководить вашей работой, а также снабжать вас оружием, взрывчаткой и другим. Поэтому направляю вам подателя сего. Человек он известный, и ваша обязанность - поставить его в такие условия, чтобы он не был провален. Во-первых, надо устроить ему конспиративную квартиру; во-вторых, надо, чтобы его знал только ограниченный круг наиболее проверенных товарищей - не более трех-четырех человек.

Надеюсь, что с его помощью вы сумеете лучше организовать работу, сделать еще более активными и целеустремленными все ваши действия и окажете Родине помощь, которая от вас требуется".

С приездом Полищука-Калашникова началась новая полоса в деятельности винницкого подполья. Прежде всего была налажена

регулярная связь с секретарем Винницкого подпольного обкома партии Дмитрием Тимофеевичем Бурченко. Выполняя директивы подпольного обкома партии, с одной стороны, и указания командования отряда "Победители" - с другой, винницкие подпольщики из разрозненных групп слились в одну большую организацию "Украина". Руководителем этой организации по рекомендации Медведева и с согласия секретаря подпольного обкома Бурченко стал Самсонов-Кичко.

В отряд пошла информация о передвижении вражеских войск в районе Винницы. Подпольщики раскрыли также крупную группу предателей сотрудников так называемой "цивильной контрразведки".

Одной из крупных диверсий этого периода был поджог склада отдела пропаганды гитлеровской армии на Украине. Склад размещался в здании бывшего педагогического училища. Пришлось пожертвовать зданием, чтобы уничтожить кинопленку, плакаты и прочую геббельсовскую стряпню. Тогда же было подожжено бензохранилище семенного завода.

Подпольщикам удалось установить, что в районе села Рожок-Микулинский проходит подземный бронированный кабель, соединяющий винницкую ставку Гитлера с Берлином. Они передали эти сведения в отряд имени В. И. Ленина. Вскоре ударная группа отряда целый день вела поиск в поле в окрестностях села. Высказывались десятки предположений о возможном расположении кабеля, несколько раз партизаны принимались в разных местах рыть мерзлую землю. И все безрезультатно. Легко ли найти телефонный кабель, зарытый в землю и замаскированный снегом!

Утром следующего дня бойцы снова отправились на розыски. Погода заметно ухудшилась: резкий ветер бросал в лицо горсти колючего снега, мороз усилился. Но люди работали с ожесточением. Разрывая снежную целину, они настойчиво искали малейшую зацепку, хоть какую-нибудь незначительную примету.

Короткий зимний день подходил к концу, когда внимание одного из партизан привлек одинокий граб, росший недалеко от заброшенной проселочной дороги. Несколько нижних ветвей дерева были обрублены, а кора кое-где повреждена - видимо, ударами железных лопат.

Партизаны начали "шарить" вокруг. В нескольких местах земля под снегом оказалась рыхловатой. С надеждой, удваивавшей силы, люди взялись за лопаты и кирки. Вскоре на белом снегу зачернели куски свежевырытой земли. Копали так яростно, что пороша не успевала присыпать комья мерзлого грунта. Наконец, чья-то лопата наткнулась на твердый предмет.

Еще усилие и на дне вырытой канавы зачернел толстый глянцевый кабель.

Несколько партизан взялись за него. Но, соскоблив покрывающий его слой черного водонепроницаемого вещества, они наткнулись на бронированную оплетку. Пробить ее было нечем. Пришлось отправить бойца за паяльной лампой в отряд.

Спустившиеся сумерки не приостановили работы: людям не терпелось поскорее покончить с кабелем. К тому же темнота гарантировала маскировку. Загородив со всех сторон пламя паяльной лампы, партизаны направили его на бронированную оболочку. Металл удалось наконец разрезать. Под броней оказалась алюминиевая "рубашка", а в ней покоился кабель, состоявший из двадцати четырех жил.

Из кабеля был вырезан двухметровый кусок. Канаву зарыли, тщательно утрамбовали грунт, а снегопад надежно прикрыл все следы. Гитлеровские связисты долго искали "обрыв"...

Однажды винницкие разведчики сообщили Полищуку, что заместитель гебитскомиссара Нольтинг отправляется из Винницы в Литин для подготовки района к эвакуации.

Это был как раз тот случай, которого долго и терпеливо ждали, случай, когда можно расплатиться с палачом Нольтингом. Ночью специальная группа подпольщиков отправилась на операцию.

Засада расположилась в урочище Полевой Ток. Притаившись, народные мстители напряженно всматривались в сгущавшиеся сумерки. Наконец, на шоссе Литин - Винница появился "мерседес" Нольтинга. Машина шла на большой скорости.

Раздалась длинная автоматная очередь. С шумом вырвался воздух из простреленных баллонов, и осевший "мерседес" остановился.

Шофер успел выскочить из машины и скрылся в темноте. Подойдя к машине, партизаны увидели свесившееся вниз головой тело Нольтинга. Фуражка с отрезанным пулей козырьком валялась рядом.

Обыскав автомашину и забрав портфель с бумагами, партизаны скрылись. В портфеле оказались, среди других документов, скорректированные планы эвакуации Винницы и Литина. Из них явствовало, что немецкие учреждения должны эвакуироваться в румынский город Яссы.

"Мерседес" оставался на шоссе до утра. На другой день город узнал о возмездии над последним "правителем" Винничины.

С момента установления связи винницких подпольщиков с отрядом "Победители", вплоть до освобождения города войсками Красной Армии в марте 1944 года, ими было выпущено 44 тысячи листовок, уничтожены десятки гитлеровцев, спасены тысячи человек от угона в фашистскую Германию, направлены десятки людей в партизанские отряды, оказана неоценимая помощь наступающей Красной Армии разведданными.

Обо всем этом руководство подполья постоянно информировало Медведева. В отряд сведения передавались через все ту же отважную связную Козачинскую. Она же доставляла в Винницу указания Медведева, как дальше вести борьбу с оккупантами, на чем особенно следует сосредоточить внимание.

V. ПОСЛЕДНИЙ РЕЙД

1

После разгрома карателей Пиппера отряд покинул лагерь в Цуманских лесах и передислоцировался за полтораста километров на север в большое полесское село Великие Телковичи. Медведев опасался, что каратели, опомнившись после данного им урока и получив подкрепление, пойдут по следам

отряда. А следы на раскисшей от дождей дороге оставались заметные обоз состоял более чем из ста телег. Кроме того, за отрядом Медведева двинулись еще четыре отряда, находившиеся в то время в районе Ровно. Но тут сама природа начала работать на партизан: едва отряд успел добраться до села, как крупными хлопьями начал падать снег, а затем поднялась метель. Следы надежно занесло. Если каратели и предприняли бы попытку преследовать партизан, то теперь им пришлось бы несладко.

Медведев решил дать бойцам отдых - они его заслужили: последние полгода оказались особенно напряженными - беспрерывные бои, диверсии на железных дорогах, маневрирование, дежурство на "маяках". И прежде всего следовало позаботиться о раненых. Этому командование придавало огромное значение: каждый боец-медведевец знал, что в случае ранения ему будут предоставлены немедленно медицинская помощь и затем наилучшие условия, какие только возможны в партизанском быту, для быстрейшего выздоровления. Но в новом лагере, расположенном в лесу, в нескольких километрах от села, таких условий создать было нельзя. Оставалось только эвакуировать раненых на Большую землю.

На запрос Медведева Москва ответила, что самолет за ранеными сейчас прислать невозможно и что следует передать их в лагерь дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова, первого секретаря Черниговского обкома партии, ныне командовавшего крупным партизанским соединением, которое располагалось в данное время на Ровенщине.

Медведев поехал к Федорову, который тепло его принял, - оказалось, что заочно они были знакомы по Брянским лесам. Федоров партизанил зимой 1942 года в тех же местах, где прошел отряд "Митя".

- Вас, товарищ Медведев, там помнят, - говорил Федоров. - Встречали мы могилы ваших партизан. Хорошо вы их располагали. Места выбирали красивые и живописные. Никогда не забуду могилу вашего начштаба Староверова в лесу, у деревни Батаево... Мои хлопцы эти могилы обязательно подправляли, возлагали венки.

Всех раненых медведевцев он поместил в свой отличный лесной госпиталь, а через несколько дней сам приехал в гости к Медведеву. Встречу Федорову устроили совместно с командирами отрядов Н. А. Прокопюком, В. А. Карасевым и Г. В. Балицким, пришедшим из-под Ровно. Побывал здесь и секретарь Ровенского подпольного обкома партии В. А. Бегма, являвшийся одновременно теперь начальником штаба партизанского движения Ровенской области. Он вспоминал впоследствии:

"Отряд Медведева в эти дни стоял в лесу неподалеку от села Великие Телковичи, Морочневского района. В полдень наша группа на санях и верхом на конях въехала в расположение медведевцев. Нас встретили тепло и дружески.

Полковник Медведев познакомил меня со своим заместителем по политчасти Сергеем Трофимовичем Стеховым. Стехов - член партии с 1918 года. В двадцатых годах служил в ЧК. Тогда же был в личной охране Сергея Мироновича Кирова. Среди партизан отряда Медведева Стехов пользовался большим авторитетом. Как настоящий комиссар, он был для бойцов воплощением совести. О таких чекистах, как Стехов, Феликс Эдмундович Дзержинский говорил, что у них горячее сердце, холодная голова и чистые руки. Нам было приятно познакомиться с Сергеем Трофимовичем Стеховым.

С Виктором Васильевичем Кочетковым мы виделись еще раньше и теперь встретились как старые знакомые.

- Вы из-под Цумани, а мы идем в том направлении, - сказал я.

- Нам пришлось нелегко, - ответил Медведев. - Немцы бросили против нас крупную карательную экспедицию. Мы ее разгромили и отошли на север области.

- Немного передохнем перед новым походом, - добавил Кочетков.

Потом мы с Медведевым говорили о подпольной партизанской сети, ее боевой деятельности.

- Масштабы огромные, - сказал Медведев задумчиво. - Ровенскому обкому удалось за каких-то десять месяцев сделать так много!

- По предварительным данным, сейчас на Ровенщине действует более семи тысяч партизан и полторы тысячи подпольщиков, - сказал я. - Кстати, у меня есть некоторые материалы для Терентия Новака. Пусть ваши разведчики, Дмитрий Николаевич, передадут их ему.

- Хорошо, товарищ секретарь обкома партии. Значит, наступает на Ровенщине, как говорят, жнива. Заключительный этап боев? - спросил Медведев.

- Именно так. Украинский партизанский штаб и прислал нас сюда из восточных районов. В этот заключительный период глубокая разведка, всестороннее знание врага весят много.

Говорить было о чем. Наш разговор затянулся на несколько часов.

Медведев - волевой, смелый человек. Разговаривал он, казалось, без единого лишнего слова. Таким он был и в действиях - неторопливый, рассудительный, решительный".

Красная Армия продвигалась на запад семимильными

шагами: каждый день радио извещало об освобождении какого-либо крупного города на Украине: Новоград-Волынского, Белой Церкви, Бердичева... Гитлеровцы, теснимые Красной Армией, в надежде закрепиться то на одном, то на другом рубеже, перегруппировывали свои войска, перебрасывали их с одного на другой участок фронта. Разведчики Медведева, находившиеся в городах и селах, быстро фиксировали эти передвижения, и Москва вовремя получала нужные сведения.

Кузнецов сообщал из Ровно о перегруппировке гитлеровских частей и их штабов, о панике, царившей в "столице", о том, что фашисты минируют в городе крупные дома. Докладывал он также об установившемся в Ровно терроре.

С востока, с территорий, освобожденных Красной Армией, продолжали прибывать в огромном количестве гестаповцы и жандармы. Ежедневно происходили аресты. На улице Белой, где обычно гестаповцы совершали расстрелы заложников, теперь в течение каждой ночи раздавались выстрелы...

Медведев со скорбью и гневом воспринимал эти донесения. Он не мог оставить безнаказанными фашистских палачей, и карающий меч поднялся над головами недобитых фашистских головорезов, им устроили достойные "проводы".

На железнодорожный вокзал в Ровно подпольщики сумели доставить мощную мину с часовым механизмом. После взрыва, происшедшего в два часа ночи, рухнула стена зала первого класса, провалился потолок, придавив около сотни фашистских офицеров. В момент взрыва к перрону подходил воинский эшелон. Поезд остановился, и из вагонов в панике стали выпрыгивать и разбегаться фашисты, решившие, что они попали под бомбежку. Фельджандармы и гестаповцы, окружившие вокзал, заметив бегущих, подумали, что это советские диверсанты, и открыли огонь. Перестрелка длилась с полчаса, закончившись большими потерями с "обеих сторон".

Мощная мина была подложена на первом этаже здания комендатуры. Она сработала в полдень. Разворотило потолок, стены, пол. Уцелевшие от взрыва гитлеровцы были похоронены под обломками.

Подпольщик Серов, переодевшись в женское платье, под видом уборщицы проник в помещение штаба генерала авиации Кицингера, "воюющего" с воздуха против "непокорных" сел. Но генерал успел уже удрать на запад, Серов застрелил его заместителя.

Проходя мимо офицерской столовой, Шевчук швырнул в ее окно противотанковую гранату, снабженную осколочным поясом.

В казино гостиницы на Немецкой улице были заложены под

столиками две мощные мины. Они сработали в разгар обеда... Под обломками погибли генерал и несколько десятков старших офицеров.

Был организован взрыв железнодорожного полотна в черте города взлетел на воздух воинский эшелон, шедший на полном ходу. Загорелись вагоны. Грузовики несколько часов возили трупы фашистских солдат и офицеров.

2

Каждый день приносил новые и новые вести о наступлении Красной Армии. Со дня на день отряд рисковал очутиться уже во фронтовой полосе. Медведев решил продолжать борьбу, сопровождать врага - идти с отступающими оккупантами на запад. По донесениям Кузнецова, гитлеровцы из Ровно бежали во Львов. Значит, место действия отряда - в районе Львова, и партизаны двинулись снова в Цуманские леса на старые места, чтобы подготовиться к большому и сложному рейду.

На одном из привалов радисты сообщили, что Указом Президиума Верховного Совета СССР 150 партизан отряда награждены правительственными наградами. В том числе Медведев, Стехов, Кузнецов и Струтинский - орденом Ленина.

Не так просто было совершить рейд в три сотни километров крупному отряду по безлесным районам Волыни и Львовщины. А чтобы в кратчайший срок обеспечить успешные действия Кузнецова во Львове, по замыслу Медведева из отряда в город направлялась небольшая группа разведчиков из шести человек в сопровождении взвода бойцов с рацией, под общим командованием лейтенанта Б. Крутикова.

По прибытии во Львов разведчики должны были осесть там, подготовить несколько конспиративных квартир, а затем заняться активной разведывательной работой и помогать Кузнецову, если это потребуется. Крутикову же со своим взводом надлежало обосноваться неподалеку от города и держать постоянную связь с разведчиками, передавая их информацию по рации в отряд.

В двадцатых числах декабря 1943 года одна из рот ночью на марше разгромила группу бандеровцев. По захваченным документам оказалось, что это был выпуск школы военных старшин, то есть средних командиров УПА. С приближением фронта эти банды заметно активизировались, получив, конечно, соответствующие указания своих фашистских хозяев. По имевшимся сведениям, обстановка на Львовщине по намеченному пути следования группы Крутикова складывалась чрезвычайно неблагоприятно: здесь кишели подразделения УПА, свирепствовал их карательный орган СБ (служба безопасности). Все это натолкнуло Медведева на мысль замаскировать взвод,

направляемый в район Львова, под украинских националистов. По документам он именовался "специальной группой" бандеровцев, следовавшей "на связь с руководством". На шапки участников группы Крутикова надели кокарды в виде "трезубца" эмблемы националистов.

"Вечером в штабном шалаше командир отряда собрал всю направляющуюся во Львов группу, - вспоминает ее участник Борис Харитонов, - внимательно глянул на наши лица и неожиданно весело рассмеялся:

- Что вы так притихли, артисты? - Он, все еще продолжая улыбаться, сделал несколько шагов вокруг костра. - Да, да, артисты. Как же вас прикажете еще называть? Собираетесь всех бандеровцев обвести вокруг пальца. Вот ловкачи...

Он снова помолчал, носком сапога поправил полено в костре. Улыбка сползла с его лица, и он тяжело вздохнул.

- Но не думайте, товарищи, что это будет веселая прогулка, что вам все легко удастся... Главное для вас - пройти весь путь без потерь. Никаких стычек с противником. Уклониться от столкновений с гитлеровцами, я надеюсь, сумеете. Гитлеровцы сейчас скопились в селах вдоль шоссейных дорог и в городах, ведь по глухим заснеженным проселкам на автомашинах не проедешь. А вот избежать встреч с бандеровцами все равно не сможете, как бы вы ни были ловки. И для такой малочисленной группы, как ваша, именно эти пособники гитлеровцев наиболее опасны. Смертельно опасны.

Медведев погрел над огнем ладони, обвел взглядом партизан.

- Я хочу, друзья мои, - продолжал он приглушенным голосом, - чтобы вы уяснили себе всю сложность обстановки здесь, в западных областях Украины. С приближением фронта по указке гитлеровцев бандеровские главари проводят сейчас, как они говорят, "великую акцию". Бандеровская СБ недавно отдала тайную директиву, согласно которой проводится поголовная чистка и истребление "враждебных украинскому национализму элементов". Составляются "черные списки", куда включают тех, кто в прошлом был членом КПЗУ*, имел связи с революционными или прогрессивными организациями, колхозным активистом в советское время. Директива требует, чтобы все эти люди были физически уничтожены любыми методами.

_____

* Коммунистическая партия Западной Украины. В панской Польше находилась в глубоком подполье.

Националистические верховоды призывают исполнителей этой "великой акции" не бояться того, что народ проклянет их за жестокость. "Пусть из сорока миллионов украинского населения

останется половина, - говорят они, - ничего страшного в этом нет". И горят сейчас украинские хаты, льется кровь ни в чем не повинных людей, трупами замученных забиты колодцы. Вот с какими выродками придется вам, дорогие товарищи, встречаться. Политический и уголовный бандитизм в действиях украинских буржуазных националистов слились воедино.

Бандеровцы сейчас спешно проводят мероприятия по сплочению своих банд круговой порукой. Знает кто-нибудь из вас, что такое "аттентат"? - громко спросил Медведев, обращаясь ко всем.

- Аттентат - это, по-моему, покушение по политическим мотивам, - не совсем уверенно сказала Наташа Богуславская.

- Правильно. Но бандеровцы придали этому слову иное значение. Их "аттентат" - это кровавый обряд посвящения в бандеровскую веру.

"Мобилизуют" сельского парня в банду, забьют ему голову националистическим дурманом. Потом при первом удобном случае ставят перед ним захваченного еврея, поляка или советского активиста. "Убей его! приказывают. - Или сам становись на его место!" И многие, спасая свою шкуру, стреляют, бросают обреченных в огонь и сами становятся бандитами.

Главари стараются пропустить всех новичков через "аттентат", связать их судьбу с бандой. Ведь, когда совершил кровавое преступление, нет больше пути назад. Все это я говорю, товарищи, для того, чтобы вы до конца осознали трудность вашей задачи. Враг жесток, коварен и изворотлив. Самое главное: надо сразу отказаться от благодушия, от пренебрежительного отношения к мелочам. Любой пустяк может привести к провалу, вызвать непоправимую катастрофу. Всем вам надо полностью перевоплотиться, чтобы достоверно сыграть роль бандеровцев. Вести себя надо понахальнее, как и подобает националистам. Не голодайте, пешком не ходите, где надо забирайте в селах подводы и продовольствие. Но не перегибайте палку, крестьян зря не обижайте.

- Ну, это мы понимаем, - заверили командира разведчики.

- А главное, повторяю еще раз, - снова заговорил Медведев, - ни на минуту, никогда и ни при каких обстоятельствах не забывайте, что вы "бандеровцы". Только при этом условии вы сможете избежать боев с ними и выполнить задание, имеющее первостепенное значение для будущей работы всего нашего отряда. Желаем вам успехов. Мы надеемся, что не позднее двадцатого вы начнете работу во Львове. Через некоторое время, как только примем самолет из Москвы, и мы все двинемся за вами следом..."

Утром 6 января группа Крутикова отправилась в путь.

По предполагаемому маршруту предстоящего рейда отряда и в смежных районах Медведев решил произвести тщательную разведку для уточнения политической и военной обстановки. Из Цуманских лесов расходились в города, села и на железнодорожные станции десятки разведчиков.

К величайшему сожалению, в Луцке советское подполье было разгромлено, чудовищным пыткам подверглась в застенках гестапо Паша Савельева. Но по имевшимся у Медведева сведениям, продолжали активную борьбу польские патриоты, которые, бесспорно, располагали рядом важных сведений о противнике. А связи с польским подпольем в Луцке не было.

Однажды Медведев вызвал к себе автора настоящих строк.

Когда я вошел в штабной шалаш, командир предложил мне сесть на чурбан, закурил и строго сказал:

- Вам оказывается высокое доверие. Не подведете? Подумайте, еще есть время отказаться. Об этом никто не узнает.

- Благодарю за доверие! На задание я сам просил меня послать, так как считаю, что могу принести пользу - знаю в Луцке многих поляков, честных патриотов.

Медведев улыбнулся и задал вдруг неожиданный вопрос:

- Вам, конечно, приходилось читать книги о военных разведчиках?

- Приходилось. Хотя я, в общем, не очень люблю этот жанр.

- Вот и прекрасно. И постарайтесь накрепко забыть о прочитанном. Авторы подобных книг далеко не всегда достаточно хорошо осведомлены о том предмете, о котором пишут. - И, как-то сразу посуровев и глубоко затянувшись папиросой, Дмитрий Николаевич продолжал: - Разведка - это не цепь романтических приключений. Случается, конечно, и такое... если повезет. Впрочем, рассчитывать на везение разведчику не следует. Разведка - это кропотливый, ювелирно тонкий, утомительный и крайне опасный труд многих людей. Каждый из них добывает крупицу сведений. Ну, скажем, всего одно слово. Но десятки таких слов, добытых разными людьми, слагаются во фразы. Фразы - в абзацы. Абзацы - в страницы. А в общем получается то, что мы называем информацией. Бывают слова более важные или менее важные. И вам предстоит добыть слово. Всего лишь одно, но очень важное.

И снова Медведев переключился на другую тему, которая, казалось поначалу, не имела связи со сказанным раньше:

- Был у нас такой случай: мы послали молодого разведчика на один фольварк, которым завладел некий новоявленный немецкий помещик, установить - находится ли там этот помещик

и какова численность гарнизона, охраняющего его. Не доходя двух-трех километров до фольварка, разведчик обнаружил на небольшой лесной поляне фашистский самолет и двух летчиков подле него, которые, видимо, своими силами пытались произвести ремонт самолета, совершившего вынужденную посадку. Наш разведчик подкрался к фашистам, дал хорошую очередь из автомата и уложил их. А самолет поджег. Затем вернулся в отряд победителем и доложил о проведенной им операции, ожидая, как он полагал, заслуженных похвал и награды. А вы что по этому поводу думаете?

- Повезло парню!

- Не очень. Мы строго его наказали. Как выяснилось, стрельба и клубы дыма от горящего самолета всполошили гитлеровцев на фольварке, и они бежали оттуда в районный центр. А нам как раз нужно было захватить живым этого помещика, занимавшего не последнее место в нацистской партии и располагавшего важными сведениями, которые для командования были куда дороже, чем уничтоженный самолет и два фрица.

- Понял, товарищ полковник!

- Надеюсь. Поэтому, выполняя свое задание, ни под каким видом не отвлекайтесь ни на что постороннее, как бы соблазнительно оно ни было. Не поддавайтесь зову романтических приключений, которые, по вашему разумению, покроют вас "неувядаемой славой". Выполняйте лишь то задание, которое вам доверено.

Медведев встал, прошелся по шалашу и возвратился на прежнее место.

- В Луцке подполье возглавляет человек, носящий кличку "Шершень". Больше о нем нам пока ничего не известно. Его нужно разыскать и установить с ним связь. Это и есть ваше задание.

И вот еще что следует иметь в виду. Во время вашего поиска вы можете столкнуться с представителями трех подпольных партий: НСЗ - Народны Силы Збройны. Их особенно остерегайтесь, это бывшие пилсудчики, националистические банды вроде бандеровцев на польский лад, ведущие борьбу с нами и всеми прогрессивными силами. АК - Армия Крайова. Эти группы действуют по указке польского белоэмигрантского правительства Миколайчика в Лондоне. С ними будьте настороже. Иногда они входят в контакт с Гвардией Людовой для совместной борьбы с оккупантами. Чаще предпочитают не вести активных действий против гитлеровцев и в любой момент могут предать. А вот Гвардия Людова - это настоящая боевая организация, созданная польскими коммунистами - ППР, Польской партией рабочих. У нас есть косвенные данные

предполагать, что Шершень - представитель Гвардии Людовой.

Может быть, что-то неясно? Спрашивайте сейчас, пока есть возможность получить ответ.

- Все ясно, товарищ полковник!

Строгие, чуть печальные глаза Медведева потеплели:

- В молодости, когда мне приходилось выполнять задания разведывательного порядка, меня первое время не покидало ощущение, что все ко мне присматриваются, подозрительно косятся. Это сковывало, мешало действовать спокойно, принимать верные решения. Очень помогает, если крепко веришь в свою "легенду", в того вымышленного человека, которого изображаешь по "легенде". Вам это должно быть легко: ведь вы будущий актер. А согласно системе Станиславского, настоящий артист не изображает сценический персонаж, а по-настоящему живет его жизнью. К тому же вы будете выступать под собственной фамилией, с собственной биографией. "Легендой" в ней являются только частности. В общем, это по Станиславскому, кажется, называется "я - в предлагаемых обстоятельствах". Только... один неверный шаг в этих обстоятельствах стоит жизни. Поэтому берегите себя.

Я удивленно посмотрел на него: по моим тогдашним понятиям, я готов был для выполнения задания совершить подвиг, требующий непременно самопожертвования. Командир сразу уловил это:

- Ваша даже самая героическая смерть никому не нужна, нужна связь с Шершнем. Вы не имеете права попусту рисковать жизнью, ибо провалите дело. Вы обязаны отыскать Шершня.

В первых числах января 1944 года связь с Шершнем - руководителем польского коммунистического подполья в городе Луцке Винцентом Окорским была установлена. Но рассказ об этом - особая тема.

Дважды в Луцк приезжал Кузнецов, которому Окорский сообщил важные сведения, а также помог угнать новую машину "пежо" из гаража самого гебитскомиссара Линдера.

3

Вслед за группой Крутикова должен был двинуться и Кузнецов с разведчиками, а затем и весь отряд. И хотя в отряде теперь насчитывалось более тысячи человек, Медведев решил, что вовсе не помешает его пополнить в связи с трудным рейдом, во время которого неминуемы стычки и бои, возможно с большими силами противника.

В небольшом городишке Цумань находился крупный лесопильный завод, который оккупанты использовали для нужд вермахта. Гарнизон Цумани состоял из подразделений так

называемого "Туркестанского легиона", сформированного гитлеровцами из военнопленных - уроженцев Средней Азии, используемых для несения караульной службы. Разведкой были получены достоверные данные, что ряд "легионеров" не желает выступать с оружием в руках против своей Родины и готов при первой же возможности перейти к партизанам. Медведев решил, что этим "легионерам" следует предоставить возможность искупить свою вину перед Родиной и в боях против фашистов заслужить прощение.

В Цумань направили штабного разведчика, казаха Дарбека Абдраимова. В воскресный день на базаре он торговал сигаретами. Одним из его покупателей оказался "легионер", который рассказал, что они сами давно собираются перейти к партизанам, да не знают как. Вернувшись в отряд, Дарбек доложил о результатах своей "дипломатической" миссии. Был разработан план операции перехода "легионеров" к партизанам. В следующее воскресенье Дарбек снова появился на цуманском базаре и окончательно договорился со своим земляком.

Операция проводилась в ночь с 9 на 10 января. Батальон под командованием лейтенанта Маликова с восточной, наиболее открытой части города по сигналу красной ракеты открыл огонь: в дело пошли винтовки, автоматы, пулеметы и трофейные минометы. Создавалось впечатление, что огонь ведет по меньшей мере полк, а то и два.

В Цумани в это время "легионеры", пользуясь паникой, вызванной внезапным ночным нападением, быстро перебили своих немногочисленных фашистских командиров и свободно ушли из местечка. В условленном месте их ожидали медведевские разведчики с Дарбеком во главе. Так окончило свое существование одно из подразделений "Туркестанского легиона", а отряд пополнился двумя сотнями хорошо вооруженных людей. Вскоре после этого отряд двинулся на запад к городу Львову.

С двумя испытанными разведчиками Яном Каминским и Иваном Беловым выехал во Львов и Кузнецов. Предполагалось, что все трое обоснуются во Львове у кого-нибудь из многочисленных родственников или знакомых Каминского. На случай, если отряду не удастся скоро подойти ко Львову, Кузнецов должен был связаться с разведчиками из группы Крутикова, ушедшими во Львов, и через них отправлять разведданные, которые требовали срочной передачи в Москву, так как через двое-трое суток они уже теряли свое значение.

На прощание Медведев обнял Кузнецова, и по русскому обычаю они трижды расцеловались.

...В январе 1944 года отряд двинулся из Цуманских лесов на

Львовщину. На второй или третий день рейда с автором этих строк произошел вот какой случай. Мы заночевали в довольно большом селе где-то на северо-западе Волынской области. С двух до четырех часов ночи мне предстояло патрулировать по главной улице села.

Еще с вечера подул влажный, теплый ветерок с юга. Началась оттепель: снег липнул к ногам, стоял плотный, ватный туман - в двух-трех шагах уже ничего не было видно. Он поглощал не только предметы, но и звуки, кругом распростерлась мертвая тишина.

Неторопливо, нащупывая ногами протоптанную в снегу дорожку, я несколько раз прошелся из конца в конец улицы. За это время я не услышал ни единого звука, даже шороха. Да и откуда ему было возникнуть? Всех собак в селе гитлеровцы давно перестреляли, а партизаны и местные жители спали в эту глухую пору глубоким сном.

Однако по опыту я уже знал, что тишина обманчива, поэтому нужно быть настороже. И вот, стараясь ступать бесшумно, я напряженно вслушивался в эту тишину, не доверяя ей ни на мгновение. А она обволакивала меня со всех сторон и предательски клонила ко сну с неодолимой силой. Я даже не мечтал о клочке соломы на полу в теплой хате. Мне бы достаточно было прислониться к первым встречным воротам и вздремнуть хоть несколько минут стоя.

И тут будто скрипнула дверь... Далеко ли, близко ли, сказать было трудно. А может быть, мне только почудилось? Но я ощущал особым чувством партизана, которое у меня уже успело выработаться, что что-то изменилось в окружающем непроглядном мраке. Что же? Оставалось лишь замереть и терпеливо ждать, пока "что-то" не выдаст себя. Прошло, наверно, несколько минут, и вдруг совсем близко, шагах в трех, послышался едва уловимый шорох.

- Стой, кто идет?! - окликнул я чужим, приглушенным в тумане голосом.

Молчание.

- Стой, семь! - окликнул я снова.

Тот, кто имел право ходить в этот час по улице, должен был знать цифровой пароль и ответить "три", ибо на сегодня пароль был "десять". Но ответа не последовало. Тогда я щелкнул затвором, загнал патрон в патронник и направил карабин в сторону, откуда раздался шорох:

- Стой, стрелять буду!

В следующую секунду я бы выстрелил... Но тут совсем близко раздался негромкий, спокойный голос:

- Это я, полковник. Отклик - "три". Здравствуйте, Боря!

Я доложил о том, что патрулирую по селу и за время моего дежурства никаких происшествий не произошло. Медведев подошел вплотную:

- Думал застать вас врасплох, но мне не повезло, - сказал он весело, с явным удовольствием.

Потом я сопровождал его до хаты, где разместился штаб, и снова вернулся на улицу. Но теперь меня уже не тянуло ко сну. Тревожась о всех нас, не спал командир и лично проверял несение караульной службы. Он всегда был начеку. Он учил этому нас. И сколько раз это спасало нам жизнь!

...Форсировав железную дорогу Ровно - Ковель, отряд устремился на запад. Уже на следующий день после этого нам пришлось вступить в бой с крупным отрядом бандеровцев, который был почти полностью уничтожен. Через несколько километров повторилось то же.

Почти все населенные пункты мы занимали с боем. Чтобы не нести излишних потерь, Медведев выработал особую тактику: если у деревни замечали вражеских часовых или вооруженные группы, после нескольких залпов из трофейных пушек и минометов в деревню с громким "ура!" врывалась одна из рот. Кавалерийский эскадрон, разбившись на две части, окружал деревню. Всякий, кто бежал оттуда с оружием, попадал в руки кавалеристов. Таким образом, к моменту вступления отряда в деревню она оказывалась очищенной от противника.

К этим особенностям передвижения, препятствовавшим быстрому рейду отряда на запад, следует прибавить еще то, что марш совершался только ночью, так как мы шли по открытой местности, совершенно лишенной леса, и останавливались в селах на дневку. А кроме того, конец января 1944 года оказался очень теплым, дороги развезло - нередко встречались участки в несколько километров густой, непролазной грязи из жирного чернозема и талого снега. Тормозил движение и наш огромный обоз, который ежесуточно, к сожалению, пополнялся несколькими телегами с ранеными.

Медведев командовал отрядом лежа на телеге - еще тогда, во время неудачного приземления с парашютом в районе Толстого Леса, он повредил позвоночник. С каждым днем ему становилось все труднее передвигаться, и в конце концов он вынужден был слечь. Но ни на секунду не выпускал из своих рук нитей управления труднейшим рейдом, а если требовалось, все же вставал. И отряд неуклонно двигался вперед...

"При взятии села Хотин, - вспоминает Валентин Семенов, кавэскадроном командовал Арсентий Мажура. Взвод разведки,

которым командовал я, на марше под Львов Медведев держал в резерве, а вел отряд кавалерийский эскадрон, сформированный в декабре 1943 года.

Мажура был крупный, плотный мужчина. Карие глаза выражали упрямство и железную волю. В любой обстановке Арсентий был невозмутим, спокоен, нетороплив при отдаче приказаний и всегда уверенно бесстрашен.

К этому времени Медведев закрепил за мной отличную пролетку, запряженную парой великолепных белых лошадей, которую мы отбили по дороге у одного немецкого чиновника. Пролетку предполагалось использовать впоследствии для поездки разведчиков во Львов.

Медведев приказал выбить националистов из села Хотин, которые его занимали. Для быстрого и успешного решения задачи он послал кавэскадрон в обход села, чтобы тот ударом с тыла погнал бандеровцев в сторону отряда, который расположился полукольцом с восточной стороны на ровном поле. Все происходило в темноте, тихо, без шума и курева.

Залегшие на поле партизаны с нетерпением ждали сигнала от Мажуры красной ракеты, но ее не было. Я не выдержал: взял у пехотинцев станковый пулемет, поставил на пролетку, посадил пулеметчика и выехал на своей тачанке впереди цепи лежащих партизан, рассчитывая встретить бегущих националистов по-буденновски.

Время шло. Красной ракеты нет. Начал брезжить рассвет. Медведев тотчас приметил тачанку и спросил ординарца:

- Кто это там крутится перед цепью?

- Это Валентин Семенов со станковым пулеметом.

- Немедленно его ко мне!

Когда я лихо подкатил к командиру и осадил лошадей, Медведев, кажется, впервые за все время, повысил голос. У меня - душа в пятки.

- Я что приказывал? Чтобы ты всегда с разведвзводом держался около штаба. Вишь, буденовец с тачанкой выискался! Мальчишка! Впредь держаться возле моей повозки!

Затем он вызвал моего однофамильца, комбата Виктора Семенова, и приказал брать село, не дожидаясь удара кавэскадрона.

- Валентин! - подозвал меня Медведев. - Пошли людей разыскать Мажуру. Видно, он заблудился.

- Я сам поеду!

- Я тебе поеду! Расквартировывай отряд!

Эскадрон Мажуры действительно заблудился, но вскоре его нашли и привели в село. Против обыкновения, Медведев не

сделал ему никаких замечаний. Этот суровый человек любил храбрых людей, близких ему по духу, быстро к ним привязывался и не взыскивал слишком строго за их промахи.

А меня он потом наставлял:

- Безрассудная лихость - не храбрость. Бить врага нужно уменьем и сноровкой. Погибнуть - раз плюнуть. А кто будет бить врага? Надо оставаться живым. Твоя жизнь принадлежит Родине, ты должен ее защищать. Для этого нужно сражаться решительно, но умело: беречь себя и, в первую очередь - людей, если ты командир!"

Наконец отряд вступил в большое село Нивицы, расположенное в шестидесяти километрах на северо-востоке от Львова. На следующий день он должен был достичь конечного пункта своего рейда и ждать там возвращения из Львова Кузнецова и других разведчиков. Казалось, можно было наконец хоть немного передохнуть. Но Медведеву не спалось: кроме очередного приступа боли, его не оставляла смутная тревога.

Он встал, оделся и вышел из хаты. Редели предутренние сумерки. За огородом серело открытое поле. И вот на его фоне он заметил движущиеся вдали цепочкой черные силуэты людей. Медведев, не торопясь, вышел в поле. Когда цепь приблизилась, он залег за едва приметный снежный бугорок и окликнул:

- Кто идет?

Ему ответило молчание.

- Кто идет? - повторил он.

- А ты кто?

- Я командир!

- Ходы сюды!

Медведев выхватил пистолет. В ту же секунду раздалась автоматная очередь. В ответ он тоже сделал несколько выстрелов - кто-то упал. Из вражеской цепи снова выдвинулся вперед темный силуэт и дал очередь. Медведев ответил. Автомат замолк.

И тут он услышал дружную стрельбу позади себя - это открыли огонь его партизаны. Командир оказался между двух огней - всего метрах в пяти от врага и в двух десятках метров от своих. Вокруг него визжали пули - одна сбила ушанку. Медведев плотнее прижался к снегу. Если он поползет, враги заметят и начнут стрелять, да и свои откроют огонь, увидев, что к ним приближается человек.

В это время он почувствовал, как кто-то тянет его за ногу. Обернулся и увидел человека в немецкой каске. Решив, что Медведев мертвый, мародер пытался стащить с него меховые унты... и получил пулю в упор.

А тем временем стрельба разгоралась: в петлицу шинели

Медведева попала пуля. Он крикнул:

- Прекратить огонь!

Но его, конечно, никто не услышал.

Где-то недалеко строчил пулемет, рвались гранаты.

- Прекратить огонь! - крикнул он снова. - Это я, Медведев!

На этот раз, к счастью, его услышали, со стороны партизан огонь утих. Под градом вражеских пуль Медведев отполз к своим. У плетня его подхватили и с криком "ура!" сразу устремились в атаку.

Оказывается, староста села являлся верным гитлеровским пособником. Как только партизаны вступили в Нивицы, он тотчас сообщил об этом во Львов. Оттуда срочно были высланы подразделения дивизии СС "Галичина", сформированной из украинских националистических подонков. Им удалось достаточно скрытно подойти к селу и окружить его. Несколько головорезов подобрались к хате, где расположилась санчасть, и швырнули в окно гранаты. Был ранен врач отряда Цессарский.

Медведев чудом остался невредим - на его шинели оказалось двенадцать дыр от пуль, на шапке - две. Но именно он предупредил отряд об угрожавшей ему смертельной опасности - напасть внезапно врагу не удалось. Может быть, командир и не имел права так рисковать собой: один, без охраны, никого не предупредив, он вышел за околицу села. Но его вело чутье старого солдата, партизанского командира, которое безошибочно сработало и на этот раз. А в сложившейся обстановке у Медведева не было иного выхода, кроме одного: навязать бой внезапно появившемуся противнику.

Медведеву доложили, что его просит к себе тяжело раненный Дарбек Абдраимов. Оказывается, он первым услышал крик командира, когда тот лежал под перекрестным огнем, бросился вперед на выручку и был срезан пулеметной очередью.

Медведев вошел в хату. Дарбек лежал на топчане осунувшийся, с горящими глазами, обращенными к двери. Медведев потом так вспоминал разговор с ним:

" - Командир, ты жив? Не ранен? - спросил Дарбек.

- Жив и не ранен.

- Ну, хорошо.

Дарбек улыбнулся, протянул руку и слабо сжал мою...

- Ну, а как ты себя чувствуешь?

- Плохо. Помираю, кажется.

- Ну, это ты брось. Мы еще будем кушать твои "болтушки по-казахски". - Я говорил, и мне хотелось плакать.

Дарбек ничего не ответил, только улыбнулся. Через несколько минут он умер".

Тяжело переживал командир утрату боевого товарища.

Фашисты не оставляли надежды расправиться с партизанами: вскоре они предприняли новое наступление. Сначала появились вражеские бронемашины и танкетки, заработали крупнокалиберные пулеметы, пушки и минометы.

Крайние хаты села загорелись. Эсэсовцы наступали с той стороны, куда отряд должен был идти, - с запада. Однако врываться в село они медлили, боялись встретить достойный отпор. Бой длился целый день. Боеприпасы для отечественного оружия у партизан кончались, а им была вооружена основная часть отряда, поэтому с наступлением сумерек Медведев решил уйти. Отходил с хитростью: сначала отошла основная часть отряда, оставив в селе только одну роту, которая яростно отстреливалась. Потом рота оставила взвод. Наконец, незамеченным выскользнул и взвод, и эсэсовцы "Галичины" стали драться между собой: из лесу била по селу артиллерия, когда они уже ворвались в село. Отряд ушел, а у врага еще часа три шла стрельба.

На первом же привале была получена радиограмма: приказ командования о выводе отряда в ближайший тыл Красной Армии. Автор этих строк навсегда запомнил этот момент.

В начале февраля 1944 года мы перешли линию фронта: произошло это на исходе ночи, когда наши разведчики натолкнулись на разведчиков армейских. Что тут было! Родных краснозвездных ребят в белых тулупах душили в объятиях, целовали и качали. Каждый из полутора тысяч партизан непременно хотел пожать руку советским солдатам, которых многие не видели больше двух лет. А после первых горячих минут долгожданной встречи мы вдруг поняли, что попали в "окружение" Красной Армии и пришел конец нашей партизанской жизни, ох, какой тяжелой, но уже привычной для нас. И просто не верилось, что теперь можно жить, не опасаясь нападения врага в любую минуту и в любом месте...

И тем не менее было именно так. Когда мы остановились на дневку в селе Пальче и разместились по хатам, нам разрешили спать разувшись и сняв поясные ремни. Большее счастье казалось невозможным! Но никто заснуть не мог от возбуждения: мы не во сне, а наяву на освобожденной земле!

Первым чувство "безопасности" овладело командиром нашего взвода, и он отдал команду произвести полную разборку и чистку оружия, чем мы и занялись. Но едва я разобрал затвор своего немецкого карабина, как где-то совсем рядом раздалась автоматная очередь, захлопали винтовки, заговорили пулеметы и загрохотали пушки. Вначале наши трофейные, а потом забасили

мощные орудия.

Не успев собрать оружие, наспех рассовав его части по карманам, мы выскочили на улицу - в сотне метров от нас по дороге неслись приземистые танки с черными крестами... Танков насчитывалось несколько десятков...

Не помню, подал ли команду командир взвода или нет, но мы все ринулись к небольшой рощице, темневшей метрах в двухстах. Со всех концов села туда тоже бежали наши ребята, и вскоре она наполнилась людьми. Тем временем в роще начали рваться мины - немецкие минометчики с ходу нас накрыли.

Я метался по роще, натыкаясь на товарищей, то и дело прислоняясь к стволам деревьев, пытаясь спастись таким образом от осколков, но мины рвались со всех сторон. И вдруг увидел перед собой командира. Он стоял на небольшой полянке в ушанке и тулупе, в унтах и, не торопясь, со вкусом раскуривал папиросу. Я остановился и вытянулся. Не знаю, как я выглядел, но убежден, что во всяком случае не бравым "орлом". Дмитрий Николаевич смотрел на меня серьезно, без тени порицания и, как обычно, негромким, спокойным голосом приказал:

- Отыщите вашего командира взвода и пришлите ко мне.

- Есть! - И я бросился выполнять приказание.

Теперь меня уже не тревожило, что вокруг метались люди, рвались мины. У меня была ясная, конкретная задача: отыскать командира взвода и направить его к полковнику. Вскоре я его нашел и вместе с ним вернулся к Медведеву. Он стоял на той же полянке, но теперь уже не один, а с комиссаром Стеховым, и они спокойно о чем-то совещались, словно в нашем лагере под Ровно, где я часто видел их такими.

Спустя четверть часа сумятицы как не бывало: командиры собрали своих бойцов, мы заняли по опушке рощи круговую оборону, а немецкие мины рвались в ее центре, причиняя ущерб только деревьям.

Что же произошло? Какая-то фашистская танковая дивизия попала в окружение. С рассветом она пошла на прорыв. По дороге проходила через село, в котором расположились мы. Наши посты открыли огонь. Медведев и Стехов срочно послали в ближайшую фронтовую часть конную разведку с предупреждением о том, что с востока прорываются немецкие танки. Их встретили надлежащим образом - дивизия оказалась разгромленной почти полностью.

4

Незадолго до начала последнего рейда по решению командования отряда Валентина Довгер должна была эвакуироваться во Львов вместе с рейхскомиссариатом, в котором

она продолжала работать. Было бы неразумно отзывать ее в отряд и таким образом лишаться во Львове столь опытной разведчицы, сумевшей снискать полное доверие в "центральном аппарате" оккупантов на Украине. Однако в дни, когда подготовка к эвакуации из Ровно рейхскомиссариата приняла особенно лихорадочные темпы, Валю арестовало гестапо. Гитлеровцы напали на след Пауля Зиберта - к этому времени им уже стало известно, что он советский разведчик.

На первом же допросе следователь потребовал от Вали назвать место дислокации отряда, с которым она была связана, а также кто такой Пауль Зиберт. Валя довольно искусно разыгрывала недоумение: какое отношение она могла иметь к лесным бандитам?! Что же касается Пауля, то не отрицала, что была знакома с этим заслуженным офицером, земляком гаулейтера. Так было и на следующих допросах: хрупкую восемнадцатилетнюю девушку гестаповцы зверски избивали, пытались спровоцировать показаниями, данными якобы самим Зибертом, выводили на расстрел и стреляли поверх головы, помещали в подвал с водой, в которой плавали трупы, но она твердо стояла на своем. Из Ровно ее вывезли в Злочев, где она долго пролежала в тифу без сознания. Потом, когда поправилась, ее перевели во Львов. Здесь допросы продолжались, с каждым днем становясь все более жестокими, на одном из них ей раздробили кость ноги. В результате ее довели до полуобморочного состояния, когда человека покидает и восприятие окружающего, и страх смерти. Она твердила теперь про себя и на допросах лишь два слова: "Не знаю".

Ничего не добившись от Вали, гестаповцы все же решили ее не убивать, они, видимо, рассчитывали, что в конце концов получат от нее показания. Ее эвакуировали из Львова дальше на запад для продолжения следствия. В середине лета 1944 года она оказалась в Мюнхенской тюрьме. Отсюда ее с группой заключенных послали на земляные работы. Она бежала из лагеря. Это было уже в начале 1945 года, гитлеровская Германия доживала последние дни. Около двух месяцев Валя пробиралась на восток - днем скрывалась от людей, а ночью продолжала свой путь. Но вот наступил, наконец, долгожданный день окончания войны... Она оказалась в американской зоне оккупации, где ее снова задержали и не отпускали. Тогда она решила бежать вновь. Это ей удалось, и, уже совершенно обессиленная и потерявшая всякую надежду, с большим трудом она добралась до советской зоны.

Группа Кузнецова прибыла во Львов, видимо, 19 января 1944 года. И вскоре начала действовать. 31 января в штабе военно-

воздушных сил Кузнецов застрелил полковника Петерса, пытавшегося проверить у него документы. 9 февраля на улице Лейтенштрассе Кузнецов ликвидировал вице-губернатора Галиции доктора Отто Бауэра и начальника его канцелярии доктора Гейнриха Шнайдера.

К этому времени начальнику гестапо Питеру Краузе было поручено обезвредить Зиберта любой ценой. Все полицейские власти Галиции и отряды украинских националистов были поставлены на ноги, получили описание его внешности. Против него бросили опытнейших агентов. В городе начались беспрерывные облавы.

Кузнецов, конечно, понял, что на него идет охота. Попытаться прорваться дальше на запад - в Краков, как предполагалось, он не смог: на вокзале происходила строжайшая проверка документов, на шоссе заставы задерживали каждую машину. Оставалась единственная надежда: попытаться прорваться на восток, к своим. Но и это оказалось не просто. 12 февраля в селе Куровичи Кузнецова и его группу, ехавшую на машине, задержал патруль полевой жандармерии, возглавляемый майором Кантером. Кантера и двух его помощников разведчики застрелили из автоматов и, проехав некоторое расстояние, бросили машину и ушли пешком.

Они встретились с партизанами из взвода Крутикова - В. П. Дроздовым, а затем Ф. М. Приступой. Кузнецов решил двигаться к местечку Броды, расположенному в ста километрах на восток от Львова: в этом районе находился запасной "маяк" отряда "Победители". 8 марта группа пришла в село Боратин под Бродами. Партизаны остановились в доме крестьянина Голубовича. Но вскоре в дом ворвались бандеровцы. Они опознали Кузнецова. В жестокой схватке Ян Каминский и Иван Белов погибли, а Кузнецов подорвал себя и врагов гранатой.

Кстати, время, подробности и место гибели Николая Ивановича Кузнецова стали известны лишь двадцать лет спустя, благодаря упорным поискам группы медведевцев во главе с Н. В. Струтинским. Сам Медведев пытался выяснить их, начиная с 1944 года, но это ему так и не удалось - смерть оборвала поиски, продолжавшиеся десять лет.

Кроме Кузнецова, одновременно с ним, а затем и позже во Львове активно действовали разведчики, которых сопровождал взвод Крутикова: С. Пастухов и В. Кобеляцкий.

Пастухову, с помощью своего бывшего сослуживца, удалось привлечь к работе небольшую группу польских патриотов. Ей поручили собрать как можно более полные данные о фашистских зверствах во Львове, поименно назвать виновных, указать, кто из

украинских и польских националистов принимал участие в расправах, проследить, кто выпускает антисоветскую и антипольскую якобы "подпольные" газеты, установить адреса. Убийцы и насильники не должны были уйти от справедливого возмездия после окончания войны.

В ночь на 10 апреля советские самолеты совершили первый налет на Львов. С чердака дома No 17 по улице Лелевеля Пастухов и Кобеляцкий подавали сигналы электрическим фонариком. Один из самолетов спикировал на сигнал, сбросил светящуюся авиабомбу, а затем начал бомбить весь район. Бомбы попали в фашистский склад, превратили в руины казармы, разрушили здание СС-жандармерии, гитлеровскую типографию, на улицах сгорело несколько машин.

Во время следующей бомбежки, находясь на вокзале, Кобеляцкий в суматохе застрелил около билетных касс гитлеровского генерала. Потом вместе с Пастуховым они уничтожили еще несколько фашистских офицеров. Кроме того, разведчики наносили на карту Львова сведения о расположении фашистских учреждений, казарм, складов с горючим и боеприпасами. А когда части Красной Армии подошли ко Львову и завязали бои на его окраинах, Пастухов и Кобеляцкий явились в штаб танковой бригады, передали туда свою карту, а затем провели сотню автоматчиков в центр города подземным ходом: Пастухов еще с довоенного времени прекрасно знал подземное хозяйство города.

Невозможно перечислить все ценнейшие разведывательные сведения, которые на протяжении двадцати месяцев поступали из отряда Медведева в Москву. Это данные о работе вражеских железных дорог, перемещении гитлеровских штабов, о переброске войск и техники, о мероприятиях фашистских властей, о положении населения на временно оккупированной территории...

В боях "Победители" уничтожили около двенадцати тысяч гитлеровцев и их пособников - вояк из украинских националистических банд. Потери же отряда: погибло сто десять и ранено двести тридцать человек. Медведев дорожил жизнью своих бойцов и умел выигрывать сражения малой кровью, ведя, кроме разведки, тяжелую партизанскую войну.

После перехода линии фронта отряд расположился в Цумани. Медведев уже почти не вставал с постели, но жизнь в отряде текла, как и прежде: во всем ощущалась железная рука командира. Он продолжал думать и заботиться о своих подчиненных. Валентин Семенов вспоминает:

"Мы стояли в Цумани. Кавэскадрону часто приходилось участвовать в операциях по вылавливанию остатков немецких и

украинских националистических банд, и когда в полночь приехал связной и коротко бросил: "Срочно к полковнику!" - я мигом собрался. По дороге поднял Мажуру.

Явившись в штаб, я был очень удивлен, увидев Медведева не в кровати. Он сидел у стола безукоризненно выбритый, празднично подтянутый. Тут же сидели командиры батальонов и рот в полном боевом снаряжении. Пока никто ничего не знал.

- Все собрались? - спросил Медведев у Стехова. Тот ответил утвердительно.

С серьезным лицом и смеющимися глазами Медведев объявил:

- Вы меня извините, товарищи, за поздний вызов. Но дело в том, что все мы, почти два года сражаясь в тылу врага, не имели возможности послушать настоящих артистов. По счастью, ехавшие в прифронтовой Луцк артисты Киевской филармонии согласились дать нам концерт, но сделать это смогут только ночью - утром они должны быть в Луцке. Ничего, если по такому случаю мы недоспим?

Все горячо зааплодировали. И потом затаив дыхание слушали под аккомпанемент бандуры народные украинские песни: "Думы мои, думы мои", "Дывлюсь я на небо", "Закувала та сыва зозуля" и многие другие. Порой кто-то украдкой смахивал слезу.

Когда концерт окончился, Дмитрий Николаевич как-то особенно растроганно оглядел нас всех. Видимо, он гордился тем, как мы слушали, гордился тем, что на протяжении многих месяцев лишений, трудностей и сражений наши души не очерствели, мы не превратились в грубых солдафонов, не потеряли вкус к прекрасному - к подлинному искусству. И должно быть, прощался с нами... Мы разошлись под утро".

Неожиданно из Москвы пришла радиограмма, предписывающая Медведеву немедленно выехать в столицу, передав командование Стехову.

Лишь много времени спустя стало известно, как командование узнало о болезни Медведева. Об этом, по собственной инициативе, вопреки запрету командира, отправила сообщение в Москву Лидия Шерстнева - командир радиовзвода.

VI. "ВСЮ ЖИЗНЬ - СОВЕТСКИМ РАЗВЕДЧИКОМ"

1

Туманным февральским вечером 1944 года вернулся Медведев в Москву, в свою квартиру. Встреча с родными и близкими принесла и радости, и печали: умерли в эвакуации отец и сын, скончался от тяжелой и продолжительной болезни брат Александр, трагически погиб во время бомбежки госпиталя тяжело раненный брат Михаил, с первых дней войны ушедший на

фронт...

Наговорившись обо всем с женой, сестрой Екатериной и вернувшимся с фронта братом Алексеем, Медведев принялся писать отчет о деятельности отряда.

А здоровье с каждым днем ухудшалось: кроме трещины в позвоночнике, врачи нашли ишемическую болезнь сердца. Медведева почти насильно положили в госпиталь. Но там он не находил себе места - тревожился о судьбе "Победителей": отряд, после отдыха и переформирования, должен был снова перейти линию фронта и двигаться к Кракову. И командир мечтал, что сможет снова его возглавить и в третий раз пойти громить врага.

В августе 1944 года он писал жене из госпиталя:

"С каждым днем чувствую себя все лучше и лучше. Если так пойдет дальше, то дней через 10 буду проситься домой...

Надо добивать зверя! Я могу быть полезен! Я видел, что на том поприще, на котором подвизался я, у меня выходило не так уж плохо...

Когда бывало сложно, опасно, я всегда мысленно, если никого поблизости не было, вслух обращался к тебе и говорил: "Ну, выручай!" И всегда все кончалось благополучно. Я не боялся смерти...

В общем, я еще не ухожу от тебя и хочу быть с тобой. Но если нужно будет, пойду снова, и ты меня благословишь на подвиги и будешь меня охранять так, как охраняла до сих пор..."

Действительно, в госпитале он не задержался: через месяц, едва его немного подлечили, он снова принялся за работу. Правда, рейд "Победителей" под Краков командование отменило. Но наркомат посылает Медведева на ответственную работу в только что освобожденную от оккупантов Литву, где свирепствовали банды литовских националистов - выкормышей гестапо, оставленных для ведения подрывной деятельности.

5 ноября 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Д. Н. Медведеву за выдающиеся заслуги, проявленные при выполнении специальных заданий в тылу противника, было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вконец подорванное здоровье заставляет Медведева вернуться из Литвы в Москву. Трудно прожитые годы, сотканные из бесконечных тревог, а особенно последние месяцы, проведенные в тылу врага, требовавшие колоссального напряжения физических и умственных сил, два ранения, контузии сделали свое дело, и летом 1946 года Дмитрий Николаевич в возрасте сорока восьми лет ушел в отставку. Но он, конечно, не мог довольствоваться тихой жизнью пенсионера. Жить для него значило - действовать, бороться!

Теперь в арсенале этого несгибаемого бойца рабочего класса появилось новое оружие - слово. Он знал сокрушительную силу этого оружия, если его умело использовать. И Медведев начинает выступать с лекциями-воспоминаниями о партизанах и разведчиках отрядов "Митя" и "Победители", их удивительных подвигах. Дмитрий Николаевич объездил множество городов Союза, и, кажется, не было республики или края, где бы он не выступал. И конечно, особенно часто он бывал на Украине...

2

Прошло два года после окончания Великой Отечественной войны. Советский народ с огромным энтузиазмом восстанавливал разрушенное народное хозяйство. Но в западных областях Украины и в Прибалтике еще действовали отдельные банды антисоветских элементов, оставленные фашистами для подрывной деятельности. Едва ли не самыми многочисленными из них были банды украинских буржуазных националистов. Они с особой жестокостью убивали советских активистов, устраивали диверсии на предприятиях, сжигали колхозный хлеб, травили скот... Еще во время войны, в 1944 году, погибли от их кровавых рук прославленный полководец генерал Н. Ф. Ватутин, замечательный советский разведчик Н. И. Кузнецов и многие другие. В разоблачении и уничтожении бандеровцев, мельниковцев, бульбовцев - этих гитлеровских пособников - сыграла немаловажную роль постоянная информация, которую отправлял Медведев в Центр.

12 февраля 1944 года, когда Львов, Станислав, Дрогобыч и другие города и села Западной Украины были еще оккупированы, Президиум Верховного Совета и Совет Народных Комиссаров Украинской ССР опубликовали обращение к участникам так называемых УПА и УНРА. В нем говорилось:

"Мы знаем, что на крючок оуновско-немецкой провокации попались и честные люди, среди которых больше всего обычных трудящихся крестьян. Эти люди поверили, будто бы оуновские отряды УПА и бульбовцы станут бороться с немецкими угнетателями, и только поэтому очутились в их рядах. Мы знаем, что есть много мобилизованных в бандеровские и оуновские отряды под угрозой уничтожения их семей. Мы знаем, среди участников УПА и УНРА есть много таких, кто уже и сам осознал свою глубокую ошибку, попав в эту УПА, или есть бульбовцы, сознающие, что катятся в пропасть, куда их тянут гитлеровцы-оуновцы".

Чтобы помочь людям, которые сбились с правильного пути в трудных условиях оккупации, а затем продолжали пребывать в националистических бандах после окончания войны, Советская

власть предлагала им бросать оружие, уходить из банд. Им гарантировалось полное прощение прошлых невольных преступлений и трудоустройство. Однако не все участники банд сразу откликнулись на это обращение: одни еще продолжали верить своим главарям, другие боялись их свирепой расправы.

В этих условиях сила разоблачающего слова в борьбе с националистами играла первостепенную роль. Медведеву это было известно. Вот почему в первом своем литературном произведении - пьесе "Сильные духом", написанном в соавторстве с молодым драматургом А. Гребневым, наряду с показом героических дел разведчиков отряда "Победители", несколько сцен было посвящено показу омерзительной сущности и кровавой деятельности украинских буржуазных националистов.

Уже в 1947 году пьеса была впервые поставлена Ровенским областным драматическим театром. Вскоре она завоевала сцены более ста театров страны, в том числе Москвы и Львова. Медведев побывал на премьере во Львове, которая прошла с большим успехом, его много раз вызывали зрители. В бешеной злобе националисты пытались заминировать сцену театра, однако их попытка была сорвана...

Недобитые националистические подонки попытались расправиться с разоблачителем их черных дел.

Писатель Владимир Беляев пишет:

"Когда Медведев бывал во Львове, он всякий раз звонил мне. В один из приездов Медведев пригласил меня послушать его выступление о боевых делах отряда в студенческом клубе.

Была весна. Вовсю цвели каштаны на склонах Львовской цитадели и на Высоком замке. Несмотря на то, что всех в этот прекрасный теплый весенний вечер тянуло на улицы, зал клуба был буквально набит молодежью. Сидели на подоконниках, заполнили все проходы и затаив дыхание слушали рассказ Дмитрия Николаевича о необыкновенных делах отряда. Слушал и я, понимая, что такие вот выступления перед молодежью, которые проводил Медведев, разъезжая по многим городам необъятной нашей страны, по сути дела, есть продолжение воспитания мужества, которому он, отец сильных духом, учил молодежь в лесах Брянщины, а затем - под Ровно и Луцком. Выступление закончилось бурными аплодисментами, студенты обступили Медведева, просили у него автографы, но постепенно слушатели разошлись, и мы вышли на крыльцо.

- Фу... Жарко. Умаялся! - сказал Медведев, утирая платком свой высокий лоб.

В это время в темном переулке напротив вспыхнул огонек, и мы услышали свист пули над головой. Как тигр, бросился

Медведев в темноту, под каштаны, откуда раздался выстрел. Я услышал какую-то возню, потом раздался очень спокойный голос Медведева:

- Владимир Павлович! Подойдите сюда!..

То, что я увидел, запомнилось на всю жизнь. Недавний докладчик, который так импозантно выглядел на трибуне, ладный и стройный, с четырьмя орденами Ленина и Золотой Звездой Героя на мундире, сейчас сидел верхом на каком-то человеке, прижатом лицом к тротуару, и умелыми движениями самбиста заворачивал ему за спину руки.

- Владимир Павлович, у вас есть пояс? Дайте, пожалуйста!

Я машинально выдернул из брюк пояс и протянул его Медведеву. Он стал связывать им руки бандита и бросил мне:

- Поднимите, будьте любезны, пистолет...

Я бросился к пистолету, а Медведев, подняв бандита, как поднимают куль с мукой, ударил его коленкой под зад и сказал тихо:

- Давай вперед, подлюка бандеровская!

Примечательно, что Медведев ни словом не заикнулся об этом львовском эпизоде жене, Татьяне Ильиничне, по-видимому, не желая ее огорчать, и только совсем недавно, когда я рассказал ей об этом эпизоде, Татьяна Ильинична подтвердила, что слышала о нем окольными путями".

Медведев обычно не обращал внимания на опасность, когда дело касалось его лично.

Дмитрий Николаевич очень внимательно следил за судьбами своих коллег - разведчиков, знакомых и незнакомых - и, если узнавал о них что-либо новое, остро реагировал.

В конце сороковых годов писатель Борис Полевой опубликовал очерк "По старым следам", в котором рассказывал о герое Словацкого восстания 1944 года, командире партизанского отряда Иване. К сожалению, ничего узнать об этом легендарном человеке, кроме того, что он был русским, не удалось.

Однажды отряд Ивана, окруженный фашистскими карателями, отошел на вершину крутой горы и вел там бой. Но Иван знал, что долго ему не выстоять: фашисты открыли по вершине горы артиллерийский огонь, от которого партизаны спасались в заранее подготовленных блиндажах. Однако каратели, несомненно, должны были начать и минометный обстрел, а от навесного огня в блиндажах не спасешься. Тогда он решил под покровом туманной ночи спустить людей на веревках с пятидесятиметрового обрыва. Все партизаны, за исключением командира и его помощника, благополучно миновали кручу и спаслись, но сам Иван был ранен и двигаться не смог.

Он приказал уходить своему помощнику, словаку, однако тот категорически отказался. Тогда Иван вынул из сумки пакет и приказал помощнику передать его командиру первой же части Красной Армии, которую тому удастся встретить, подчеркнув, что это очень важно.

Иван погиб в неравном бою с фашистами, но его помощник выполнил последнюю волю командира - вручил пакет советскому офицеру. Когда его вскрыли, в нем оказался всего лишь тщательно сложенный обрывок газеты. Помощник Ивана решил, что тот дал конверт для того, чтобы заставить его спуститься вниз и таким образом спастись.

Далее Борис Полевой рассказывает:

"Сразу же после публикации очерка мне позвонил мой добрый знакомый полковник Дмитрий Николаевич Медведев, тоже человек по-своему легендарный, чекист, геройский партизан и способный литератор.

- В конце вашего очерка вы дали неверную версию, - сказал он.

- Неверную? Почему?

- Не телефонный это разговор, коллега, - многозначительно, с чекистской сдержанностью сказал он.

Договорились встретиться в Доме литераторов. Встретились. И тут за столом, в беседе с одним из героев минувшей войны образ таинственного Ивана приобрел новые и совсем уже реальные черты.

- Вы написали, что история с пакетом была лишь проявлением благородства этого парня, захотевшего, оказавшись в безнадежной ситуации, спасти товарища от бесполезной гибели. Вы ведь так описали? - Он помолчал. - Были такие случаи в военной практике, и один из них я лично знаю. Случилось это под Москвой в тяжелые дни октября 41-го. Командир окруженной и, как он это знал, обреченной на гибель роты послал мальчишку, сына полка, отнести донесение старшему командиру, якобы важное донесение, чтобы мальчишку спасти. И спас. Парень этот сейчас жив, окончил Высшую школу МВД, майор.

- Ну вот, видите, значит, это один из подобных случаев, значит, мне правильно подсказал разгадку словак-партизан.

- Нет, в данном случае неправильно... Впрочем, он сам не знал, конечно, сути дела... Так вот, такие пакеты с куском безобидной газеты мы давали десантникам, забрасываемым в тыл врага для автономной деятельности, для организации отрядов. Не понимаете?

- Не понимаю.

- Поясню. Однажды, когда такой десантник врастет, оперится,

начнет действовать, к нему мог прийти другой коллега, посланный командованием человек. Прийти и предъявить другой кусок такой газеты. Сопоставили линию разрыва, линия сошлась - стало быть, свой. Ни документы, ни пароль не нужны, поняли? Вот в чем секрет пакета.

- Стало быть...

- Стало быть, он и просил передать этот пакет командованию, чтобы люди знали, как он воевал, где и как погиб... Понимаете?.. Эх, какие иногда ребята погибали в тылу врага, и над безвестными могилами которых не ставили обелисков. Сколько таких могил! И если вы когда-нибудь вернетесь в своих сочинениях к этому парню, напишите другой конец.

Много лет спустя я в третий раз возвращаюсь вот к партизану Ивану и пишу новый конец, который подсказал мне покойный ныне героический человек Дмитрий Медведев".

3

В рамки пьесы "Сильные духом", которая с успехом шла во многих театрах страны, конечно, не мог вместиться весь тот огромный материал, который давала история "Победителей". Поэтому Медведев решил написать документальную повесть и адресовать ее подрастающему поколению, детям разведчикам будущего.

Медведев очень любил детей: с теплотой и нежностью он вспоминал воспитанников коммуны имени Дзержинского в Новограде-Волынском, а в отряде "Победители" произошел такой случай. В последние месяцы деятельности отряда в нем собралось много ребят - это были дети ровенских подпольщиков, которым грозила опасность провала, и по требованию Медведева они с семьями, которых гитлеровцы не щадили, приходили в отряд. Дети были зачастую совсем маленькие, скудная и грубая партизанская пища для них не годилась, и командир "Победителей" послал радиограмму в Москву с просьбой прислать ему самолетом, наряду с оружием и боеприпасами, манную крупу.

Отдельные главы первой повести Медведева публиковались в московских газетах и журналах, было организовано 14 радиопередач, и еще до выхода книги слушатели и читатели засыпали автора восторженными письмами. В 1948 году книга "Это было под Ровно" вышла в свет в издательстве "Детская литература" и в кратчайшее время завоевала любовь не только детей, но и взрослых читателей. Она получила премию на конкурсе детской книги.

Но и в книгу "Это было под Ровно" не вошел весь тот богатейший материал, которым располагал автор. Поэтому

Медведев приступил к работе над книгой большего объема, получившей название, как и пьеса, "Сильные духом". Ее опубликовал в 1951 году Воениздат.

И снова в адрес автора пошли сотни писем благодарных читателей.

...Сразу же после освобождения Красной Армией города Винницы Кичко и Калашников подробно доложили руководству Винницкого обкома о деятельности подполья в период оккупации. После тщательной всесторонней проверки этот отчет был утвержден.

Прошло два-три года, и почему-то был поднят вопрос о якобы "неплодотворной деятельности" бывших партизан и подпольщиков Винницы.

В то время надо было обладать незаурядным мужеством, чтобы выступить в защиту недостойно, незаслуженно обиженных товарищей. Таким человеком оказался Медведев - он пошел в бой: настаивал, чтобы бывшие подпольщики писали письма в высшие партийные органы, сам непосредственно обращался туда, подбадривал людей, чтобы они не падали духом, боролся за восстановление справедливости.

Медведев решил рассказать правду о самоотверженной борьбе винницких патриотов, действовавших под носом у специальной службы охраны ставки Гитлера. Он задумал написать об этом книгу и принялся собирать материалы для нее: ездил в Винницу, встречался и беседовал с непосредственными участниками событий.

В 1952 году львовский литературно-художественный журнал "Жовтень" ("Октябрь") опубликовал документальную повесть Медведева о винницких подпольщиках, названную им "На берегах Южного Буга". Жители Винницы, да и не только Винницы, встретили появление этой повести с большим одобрением. В библиотеках города и области начали готовить и проводить читательские конференции, на которых выступали участники всенародной борьбы с гитлеровскими захватчиками.

26 сентября 1954 года Медведев пережил тяжелый сердечный приступ, а 14 декабря того же года он скоропостижно скончался от обширного инфаркта. Это было утром. Дмитрий Николаевич сидел на диванчике в своем кабинете, шутил с женой и приехавшей в гости Валентиной Довгер. Потом внезапно замолк. Навсегда...

Отдать последний долг бесстрашному чекисту-дзержинцу, воспитавшему целую плеяду отважных людей, любимому командиру, незаурядному литератору съехались со всего Советского Союза бывшие партизаны, чекисты, читатели его книг,

пришли и делегаты Второго съезда советских писателей, который проходил тогда в Москве. На Новодевичьем кладбище на траурном митинге выступили многие, среди них партизан, писатель и друг Медведева Герой Советского Союза П. П. Вершигора. В речи он сказал памятные слова о том, что книги Медведева были его последним оперативным чекистским заданием, которое он выполнил с честью.

4

Медведев успел опубликовать при жизни три книги: "Это было под Ровно", "Сильные духом", "На берегах Южного Буга".

В основу громадной повести (36 авторских листов) в четырех частях "Астроном", ждущей своего издателя и редактора, Дмитрием Николаевичем положена подлинная история жизни Николая Максимовича Остафова, возглавлявшего в годы войны одну из групп коммунистического подполья в городе Ровно. Повесть представляет собой подробнейшее описание жизни полной суровой борьбы украинского сельского парня из бедняков, выросшего в годы Советской власти в ответственного партийного работника и, кроме того, ставшего ученым-астрономом.

Формирование характера героя происходит в гуще событий Октября и первых пятилеток. В начале Великой Отечественной войны партия оставляет Остафова на оккупированной территории для подпольной работы. Он отлично справляется с заданием, но в результате предательства погибает в застенках гестапо.

Написаны Медведевым также еще три пьесы.

Большая историческая ценность книг Медведева состоит в том, что они написаны по горячим следам едва минувших событий, в них запечатлелась огромная любовь автора к своим героям, братьям по оружию, и непримиримая ненависть к врагам.

Суровый на первый взгляд человек очень трудной профессии, не располагающей к сентиментальности, он пишет о бойцах-героях партизанского отряда с подлинно отцовской любовью и нежностью.

Медведев умел скупыми, но яркими, броскими штрихами запечатлеть первооснову человеческой души: одна-две реплики, описание поступка, интонации, манеры шутить или говорить - и человек как на ладони. Вот почему читатель чувствует себя соучастником событий, принимает близко к сердцу успехи и неудачи партизан и подпольщиков.

Как художник, Медведев взял на себя нелегкую задачу: на примерах конкретных лиц, своих товарищей по оружию, воспроизвести типичный, характерный для эпохи борьбы советского народа против фашизма образ народного мстителя. При этом он не имел права жертвовать правдой факта, его

изображение строго ограничивалось рамками документального повествования. Это обусловило не только манеру письма, но и своеобразие композиции: каждое произведение напоминает подробный дневник поступков, надежд, желаний, чувств и мыслей патриотов. Этим же предопределена и кажущаяся на первый взгляд "перенаселенность" книг. Но автор не мог оставить без внимания героические поступки тех, кто погиб, не успев до конца раскрыть своего характера, тех, кто успел вписать в славную летопись борьбы за свободу не главу и даже не страницу, а всего-навсего одну строку. Книги Медведева с полным правом можно назвать художественной хроникой партизанской войны и подпольной борьбы против фашизма.

Конечно, если бы писатель стремился воспроизвести типическое безотносительно к конкретным лицам, многие из персонажей его книг остались бы за рамками повествования. Произведения стали бы стройнее, но читатели не узнали бы о подвиге многих и многих скромных патриотов. Работая над своими произведениями, Медведев выполнил не только долг художника, но и долг гражданина, поведавшего потомкам о героях своего времени. Жизненный материал, положенный в основу его книг, был так ярок, так драматичен и богат событиями, что писателю не было нужды прибегать к вымыслу, чтобы создать волнующую повесть о героизме советского человека в годы Великой Отечественной войны.

В статье "Книги, любимые молодежью", помещенной в "Литературной газете", писалось:

"Уже сейчас мальчишки завидуют судьбе Николая Кузнецова. А те, кто повзрослее, вчитываясь в книги Медведева, понимают, что и Николай Кузнецов, и Ляля Ратушная, и Игорь Войцеховский, и Николай Приходько проложили теперешним девчонкам и мальчишкам дорогу в будущее, своей смертью обеспечили им возможность совершать новые подвиги. Кто знает, может быть, те, кто сегодня восхищается подвигами героев-партизан, кто влюблен в разведчика Кузнецова, будет в числе первых разведчиков Марса!.. И думается, что какая-то доля заслуги в этом будет принадлежать Медведеву, одному из любимых молодежью авторов, который до конца своей жизни служил высшему писательскому долгу - отображению героики наших дней".

Глубокая человечность, подлинный пролетарский интернационализм пронизывают все содержание книги "Сильные духом", завоевавшей огромную популярность у миллионов читателей как у нас, так и за рубежом. Писатель Владимир Беляев, вспоминая о Д. Н. Медведеве, приводил как-то письмо

одного журналиста, видного прогрессивного деятеля из Канады, украинца по национальности:

"Читаешь эту правдивую книгу и видишь силу, которая не могла не побороть врага, не прогнать его с украинской земли. Иногда даже трудно поверить в подвиги Николая Кузнецова, Вали Довгер, семьи Струтинских, Шевчука, Гнидюка, Луця. Думаешь - читаешь легенду! Но ведь это же действительность! Живут еще живые свидетели. Мне даже довелось встречаться с некоторыми из них. Я прочел, как говорят, единым духом эту прекрасную, правдивую, искреннюю книгу. Как жаль, что автор преждевременно сгорел, сошел в могилу!

Пока что мы получили всего пять экземпляров этой книги. Но они уже путешествуют из рук в руки среди украинских рабочих города Торонто. Книга вызывает большой интерес у читателей. Несомненно, что эти пять экземпляров побывают в десятках, если не сотнях рук читателей. Начиная с первых разделов и до последней страницы книги, перед твоими глазами, словно на экране, проходит большая эпопея - неутомимая, героическая, полная самопожертвования борьба народных мстителей в Цуманских лесах. Прочитав это произведение о великой борьбе, лучше понимаешь, почему советский народ так упорно, последовательно и решительно борется за мир. Он имеет право на мир и на радостную, творческую жизнь..."

Своими книгами Медведев увековечил героев партизанских отрядов "Митя" и "Победители". Вместе со своими ближайшими соратниками - комиссарами Г. Н. Кулаковым и С. Т. Стеховым он участвовал в воспитании этой железной когорты сильных духом разведчиков-чекистов, десантников, партизан и подпольщиков. Среди них прославленные Герои Советского Союза - легендарный Н. Кузнецов, генерал М. Сипович, Н. Приходько, Л. Ратушная, П. Лопатин; бойцы невидимого фронта - Д. Староверов, А. Боголюбов, П. Савельева, В. Довгер, Н. Струтинский, Я. Каминский, И. Белов, Н. Гнидюк, М. Шевчук, А. Творогов, Г. Струтинский, М. Струтинская, Н. Остафов, П. Мирющенко, В. Соловьев, Н. Косяченко, Виктор и Вячеслав Измайловы, О. Солимчук-Волкова, Г. Калашников, Т. Кичко, П. Козачинская, М. Стефаньский, Л. Лисовская, М. Микота, В. Окорский и многие другие. Рассказ о подвигах этих людей дает возможность глубже вникнуть и по достоинству оценить почетную профессию чекистов, которые в дни Великой Отечественной войны успешно действовали во вражеском тылу как разведчики, а если требовалось, то и как солдаты-фронтовики.

В настоящее время общий тираж книг Д. Н. Медведева уже превзошел десять миллионов экземпляров, они переиздавались

более 110 раз, переведены на 32 языка. В одиннадцати городах СССР, в том числе и в Москве, есть улицы имени Медведева, сошло со стапелей судно большого тоннажа "Дмитрий Медведев", его имя носят библиотеки, Дворцы культуры, средние школы, пионерские дружины. Кем же был этот человек, ставший легендой?

Один из слушателей публичной лекции-беседы спросил когда-то Медведева: "Кем вы были до войны?" На что Медведев ответил: "Всю жизнь советским разведчиком". Точный ответ. Дмитрий Николаевич был разведчиком не только в узком профессиональном понимании этого слова. Всю свою красивую, целеустремленную, полную тревог жизнь он посвятил разведке, разведке ради счастливого будущего. Но это всегда была подлинная разведка боем.